

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2023 № 9

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2023 № 9

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 9

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Андреева Т.А., Баринов А.К., Воронина Н.А., Зеленова Д.А.** Второй саммит, Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка: новая глобальная архитектура **5**

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Голубцова Е.В.** Стратегическая культура Индии и Пакистана и её влияние на наименования вооружения и военной техники **19**
- Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В.** ОАЭ в борьбе за региональное лидерство **27**
- Нефляшева Н.А.** *Operation Safe Corridor* – программа дерадикализации исламистов в Нигерии в оценках современных африканских ученых **36**
- Бурова Е.С.** Особенности экономической трансформации Камбоджи: достижения и провалы **45**
- Данилова Л.Н.** (Ярославль). Трансформация образования в Кот-д'Ивуаре: проблемы и перспективы **53**
- Гришина Н.В., Ксенофонтова Н.А.** Гуманитарная деятельность международных структур в Африке. Некоторые аспекты **61**

Трибуна соискателя

- Чернева Т.С.** (Санкт-Петербург). Военно-блоковая политика западных держав в АТР **69**

Рецензии

- Зарипова Л.Р.** Индия на пути к независимости **78**
-

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Andreeva T.A., Barinov A.K., Voronina N.A., Zelenova D.A.** The Second Russia – Africa Summit
and Economic and Humanitarian Forum: New Global Architecture **5**

POLITICS, ECONOMICS

- Golubtsova E.V.** Strategic Culture of India and Pakistan and Its Influence on Weapon Names **19**
- Khayrullin T.R., Korotayev A.V.** UAE in the Struggle for Regional Leadership **27**
- Nefliasheva N.A.** The Program of Deradicalization of Islamists “Operation Safe Corridor” in Nigeria:
Evaluation by Contemporary African Scholars **36**
- Burova E.S.** Features of Cambodia’s Economic Transformation: Achievements and Failures **45**
- Danilova L.N.** (Yaroslavl). Transformation of Education in Cote d’Ivoire: Issues and Perspectives **53**
- Grishina N.V., Ksenofontova N.A.** Humanitarian Activities of International Structures in Africa.
Some Aspects **61**

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Cherneva T.S.** (St. Petersburg). Military Bloc Policy of the Western Powers in the Asia-Pacific Region **69**

BOOK REVIEW

- Zaripova L.R.** India on the Way to Independence **78**
-

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

**Included in Russian Science Citation Index on WoS platform,
and EBSCO Publishing.**

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750027590-1

Второй саммит, Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка: новая глобальная архитектура

© Андреева Т.А.^{a,b}, Баринов А.К.^{a,c}, Воронина Н.А.^{a,d}, Зеленова Д.А.^{a,e}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0009-0003-9195-3578; t.andreeva@inafr.ru

^c ORCID: 0000-0002-7847-4172; a.barinov@inafr.ru

^d ORCID: 0000-0003-4077-0942; natalis987@gmail.com

^e ORCID: 0000-0002-5237-4413; d.zelevova@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются ключевые проблемы, которые обсуждались в рамках второго саммита, Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка. Дается обзор тематических сессий, важных политических соглашений, подводятся основные итоги саммита и форума, а также обсуждаются ключевые положения принятой итоговой декларации.

Под руководством директора Института Африки РАН И.О.Абрамовой авторы приняли участие в подготовке ряда сессий и материалов для форума. Подробно раскрывается важнейшая работа Института по этому направлению. Авторы приходят к выводу, что масштаб второго саммита и форума определяется не только количеством участников и подписанных соглашений, но и геополитическим значением события в широком международном контексте, вкладом в формирование и становление более справедливой архитектуры мирового устройства.

Страны континента, а также Африканский Союз (АС), представляющий их интересы на международной арене, всё громче и четче заявляют о своей международной субъектности, и это полностью совпадает с интересами России. Поднятые в рамках саммита и форума главные политические темы, такие как международная субъектность, борьба с последствиями неокOLONиализма и стремление к многополярности, будут определять повестку сотрудничества России и Африки на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: второй саммит Россия – Африка, Экономический и гуманитарный форум, Декларация, новый мировой порядок, многополярность

Благодарность. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Андреева Т.А., Баринов А.К., Воронина Н.А., Зеленова Д.А. Второй саммит, Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка: новая глобальная архитектура. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 5–18. DOI: 10.31857/S032150750027590-1

The Second Russia – Africa Summit and Economic and Humanitarian Forum: New Global Architecture

© Tamara A. Andreeva^{a,b}, Andrey K. Barinov^{a,c}, Natalia A. Voronina^{a,d}, Daria A. Zelenova^{a,e}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0009-0003-9195-3578; t.andreeva@inafr.ru

^c ORCID: 0000-0002-7847-4172; a.barinov@inafr.ru

^d ORCID: 0000-0003-4077-0942; natalis987@gmail.com

^e ORCID: 0000-0002-5237-4413; d.zelevova@gmail.com

Abstract. The article explores issues high on the agenda of the second Russia – Africa Summit and Economic and Humanitarian Forum. The authors give an overview of thematic sessions, important political agreements, summarize the main results of the Summit and Forum, and discuss the provisions of the final declaration.

Guided by Irina Abramova, Director of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, the authors took part in the preparation of a number of sessions and materials for the Forum. The article details the most important work of the entire Institute in this area. The authors conclude that the scale of the Second Summit and Forum is determined not only by the number of participants and signed agreements, but also by the geopolitical significance of the event in a broad international context and contribution to the formation and establishment of a more equitable architecture of the world order.

African countries, as well as the African Union (AU), are increasingly loudly and clearly declaring their international agency, which is in the interest of Russia. The main political issues raised during the Summit and Forum, such as international agency, fight against neocolonialism and strive for multipolarity, will determine the agenda of Russia – Africa cooperation in the long term.

Keywords: Second Russia – Africa Summit, Economic and Humanitarian Forum, Declaration, new world order, multipolarity

For citation: Andreeva T.A., Barinov A.K., Voronina N.A., Zelenova D.A. The Second Russia – Africa Summit and Economic and Humanitarian Forum: New Global Architecture. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 5–18. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027590-1

ВВЕДЕНИЕ

Второй саммит, Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка состоялись 27–28 июля 2023 г. в Санкт-Петербурге. Всего на саммите было проведено 59 панельных сессий с участием 457 докладчиков по 4 основным направлениям: «Экономика нового мира», «Кооперация в области науки и технологий», «Гуманитарная и социальная сфера: вместе к новому качеству жизни» и «Комплексная безопасность и суверенное развитие»¹. На площадку в «Экспофорум» съехались делегации из 48 стран континента.

Несмотря на беспрецедентное давление стран Запада, на уровне первых и вторых лиц было представлено 27 государств, среди которых: Буркина-Фасо, Бурунди, Гвинея-Биссау, Египет, Зимбабве, Камерун, Коморские острова (председательствуют в АС), Республика Конго, Мали, Мозамбик, Сенегал, Уганда, ЦАР, Эритрея, ЮАР и Ливия в лице главы Президентского совета. Очевидно, что в условиях международной турбулентности высокий уровень присутствовавших глав официальных делегаций продемонстрировал решительную заинтересованность африканских государств в развитии отношений с Россией.

Накануне саммита президент России В.В.Путин опубликовал статью для африканских СМИ, в которой последовательно изложил свое видение российско-африканских отношений. Он отметил: «Россия с удовлетворением воспринимает повышающийся международный авторитет как отдельных государств, так и Африки в целом, их стремление заявить о себе, взять в свои руки решение проблем континента. Мы всегда поддерживаем конструктивные инициативы партнеров, выступаем за предоставление африканским странам достойного места в структурах, определяющих судьбы мира, включая Совет Безопасности ООН и “Группу двадцати”, за отвечающее их интересам реформирование глобальных финансовых и торговых институтов» [1].

Обозначенная президентом в статье «недискриминационная повестка дня» во многом нашла свое отражение в итоговой Декларации саммита, утвержденной 28 июля и подписанной всеми участниками саммита, в т.ч. главами африканских интеграционных объединений. Документ будет определять повестку дня российско-африканских взаимоотношений в ближайшей перспективе.

УКРЕПЛЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА: ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И АФРИКИ

Пленарное заседание с участием президента Российской Федерации В.В.Путина, председателя Африканского Союза, президента Союза Коморских Островов Азали Ассумани, патриарха Московского и всея Руси Кирилла, президента – председателя совета директоров Африканского экспортно-импортно-

¹ Архитектура программы. <https://summitafrica.ru/programme/programme-architecture/> (accessed 28.08.2023)

го банка Бенедикта Орамы и президента Нового банка развития Дилмы Роуссефф стало центральным событием форума. Модерировала встречу И.О.Абрамова, директор Института Африки РАН.

Сквозной темой как пленарной сессии, так и всего саммита стала идея политической субъектности государств Африки². Как отметил в одном из своих выступлений посол по особым поручениям МИД РФ, руководитель секретариата форума партнерства Россия – Африка О.Б.Озеров: «Сегодня мы становимся свидетелями переформатирования всего международного пространства. Это процесс объективный, он не связан с какими-то локальными событиями. В рамках этого процесса совершенно очевидным образом идет укрепление и возвышение африканского полюса, всего Африканского континента, который укрепляет свои позиции и на международной арене в политическом смысле, и на региональном уровне»³.

Тема политической субъектности, конечно же, обсуждалась и в рамках саммита, и, прежде всего, на сессиях под эгидой Института Африки, например: «Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию». Почетный президент ИАФР РАН, академик РАН А.М.Васильев отметил в своем выступлении: «Несмотря на все кризисы и перевороты, Африка развивается быстрее Западного мира, другое дело, что она начинает с мизерного уровня, но Китай тоже начинал с мизерного уровня, поэтому у Африки есть будущее и в интеллектуальной, и экономической сфере»⁴. Участники дискуссии, которую модерировала И.О.Абрамова, пришли к выводу, что мир движется в сторону многополярности и для преодоления зависимости от стран Запада необходимо совместными усилиями развивать сотрудничество в сфере науки и образования, а также для преодоления наследия колониализма нужно прописать в международном законодательстве право на требование компенсации за колонизацию, что может стать легитимным правом бывших колоний.

Комплекс подписанных деклараций, которые будут более подробно рассмотрены далее, подтвердил намерения России предпринимать следующие практические шаги по продвижению политической субъектности стран континента в международных отношениях: Россия поддержала инициативу предоставить АС место в «Группе двадцати», выдвинула инициативу о налаживании сотрудничества между ЕАЭС и Африканской континентальной зоной торговли, в т.ч. по вопросу продовольственной безопасности⁵. Москва также поддержала инициативу о расширении представительства стран Африки в ООН, в т.ч. путем реформирования Совета Безопасности ООН [2].

Кроме того, внимательное и уважительное отношение России к «инициативе ряда африканских государств по вопросу урегулирования украинского кризиса», как заявил президент В.В.Путин, само по себе является признанием субъектности государств Африки, поскольку посреднические миссии были прерогативой т.н. западных демократий [2]. Большая часть вопросов, затронутых президентом на пленарном заседании, нашла позитивный отклик у докладчиков из Африки. Например, президент ЮАР Сирил Рамафоса в своем выступлении отметил, что «в рамках российско-африканского сотрудничества мы должны повторить наш призыв к укреплению и реформированию существующих глобальных институциональных механизмов. Более широкое участие стран Глобального Юга будет способствовать инклюзивности и укреплению доверия. В этой связи реформа многосторонних финансовых институтов и Совета Безопасности ООН остается приоритетом» [3].

Кроме всего прочего, С.Рамафоса подчеркнул, что Южная Африка «с глубокой благодарностью вспоминает, как народ и правительство Советского Союза поддерживали нашу борьбу за освобождение» [3]. Позитивное историческое наследие России в Африке множество раз было отмечено разными высокопоставленными докладчиками на саммите. В частности, на завершающей пленарной сессии председатель АС А.Ассумани отметил: «Мы знаем, что друзья познаются в беде. И именно тогда, когда Африка находилась в тяжелом положении, Россия всегда нам помогала, и она была в числе первых

² Институт Африки РАН давно ведет научную разработку данной темы. См., например: [11; 18], Фитуни Л.Л. Переустройство миропорядка: БРИКС и Африка в эпоху перемен, или «многоядерность» против «полицентричности». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2022. № 4(61). С. 17–27. DOI: 10.31857/S032150750026541-7

³ Подробнее см.: <https://www.interfax.ru/russia/913143> (accessed 25.08.2023)

⁴ См. видеозапись выступления А.М.Васильева на сессии. <https://rutube.ru/video/059cb11e778ffd88a8056940bb7704c0/> (accessed 25.08.2023)

⁵ ЕАЭС и Африка намерены развивать сотрудничество в вопросах продовольственной безопасности. 28.07.2023. <https://eaeunion.org/news/eaes-i-afrika-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-v-voprosakh-prodovolstvennoy-bezopasnosti/> (accessed 25.08.2023)

стран, которые помогли нам бороться с колонизацией, апартеидом и рабством»⁶. Кроме того, он подчеркнул, что направление студентов на обучение в Россию имеет очень большое значение и поможет государствам Африки обрести интеллектуальный и технологический суверенитет.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ГУМАНИТАРНЫЙ ФОРУМ

Важными темами саммита и форума стали комплексная безопасность и суверенное развитие. Состоялись дискуссии с участием представителей делегаций из Африки на 8 панельных сессиях форума, посвященных вопросам продовольственной и финансовой безопасности, безопасности в области информационных технологий, электоральных процессов. В этом году тема продовольственной безопасности оказалась невероятно востребованной, что было заметно по большому числу участников: не все даже смогли уместиться в зале. Участники дискуссий и докладчики (представители бизнеса и правительств стран Африки, чиновники российских министерств) пришли к выводу, что суверенитет невозможен без продовольственной независимости. Африканский континент обладает большим потенциалом для дальнейшего развития сельскохозяйственного сектора. Для решения проблемы нехватки удобрений, технологий и квалифицированных специалистов, восполнения недостатка инфраструктуры необходимо выстраивать долгосрочные отношения с разными российскими игроками по всем проблемным областям. «Россия готова быть партнером в важных стратегических направлениях», – заявил помощник президента А.А.Фурсенко. Дискуссию продолжил Бенедикт Окей Орама, президент и председатель совета директоров Афрэксимбанка, отметив, что «сегодня необходимо найти возможности для производства таким образом, чтобы в сельском хозяйстве мы могли производить то, в чём нуждаются потребители. Для этого необходима подготовка специалистов, наработка практических навыков, научный прогресс». Участники сессии сошлись во мнении, что Россия может помочь Африке удовлетворить внутренний спрос на сельхозпродукцию. Подобный подход отражен в Плане действий форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 гг. в блоке «Сотрудничество в области политики и безопасности».

Необходимо отметить, что Экономический и гуманитарный форум Россия – Африка стал событием, которое не только во многом будет определять вектор развития экономического сотрудничества между нашими странами на краткосрочную и среднесрочную перспективу, но и сформирует системный стратегический подход к данному взаимодействию. В частности, в Плане действий форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 гг. особое внимание уделяется сотрудничеству в области экономики. Приоритет отдается работе в рамках многосторонних (международных) организаций, расширению сотрудничества в области торговли и инвестиций, в сферах лесного хозяйства и аквакультуры, энергетики, транспорта, информационно-коммуникационных технологий, промышленности, добычи и обогащения полезных ископаемых, туризма, науки, технологий и инноваций [4].

В мероприятии приняли участие более 1 тыс. представителей иностранного бизнеса и более 2 тыс. участников от российского делового сообщества. На площадке форума были представлены крупнейшие отечественные и зарубежные компании, в т.ч.:

- топливно-энергетический комплекс – Госкорпорация «Росатом», ПАО «Газпром», ПАО «НОВАТЭК», ПАО «ЛУКОЙЛ» и др.;
- медицинский сектор – *BIOSAD*, компания «ЭЛТА», группа компаний «ХимРар», «Р-Фарм» и др.;
- финансы – ПАО Сбербанк, банк ГПБ (АО), Афрэксимбанк, АО «Гознак», АО «Российский экспортный центр», АО «ЭКСПАР» и др.;
- металлургический сегмент – АО «Объединенная металлургическая компания», металлургический холдинг «Новосталь-М» и др.;
- химическая промышленность и агропромышленный комплекс – ПАО «ФОСАГРО», компания «Арнест», АО «ОХК «УРАЛХИМ», ПАО «Уралкалий»; Ростсельмаш и др.;
- IT-сектор – *Positive Technologies*, *Dr. Web*, *Geoscan*;
- транспортная отрасль – ПАО «КАМАЗ», АО «Автоваз», автомобильный завод «Урал», ОАО «РЖД», ПАО «ДВМП» и др.⁷

⁶ Заявления Президента России и Председателя Африканского Союза для СМИ. 28.07.2023. <http://kremlin.ru/events/president/news/71829> (accessed 25.08.2023)

На полях форума подписали 161 соглашение⁸. При этом большая часть завизированных соглашений относилась к гуманитарной повестке, они были заключены по следующим направлениям: 1) международное и межрегиональное сотрудничество – 56; 2) образование и наука – 51; 3) научно-техническое сотрудничество – 10; 4) экспорт и внешнеэкономическая деятельность – 10⁹.

Пересечение ключевых тем форума говорит о том, что к сложившемуся российско-африканскому политическому и экономическому взаимодействию в качестве неотъемлемой части добавилось гуманитарное измерение. При обсуждении сотрудничества в области развития инфраструктуры, атомной энергетики, торговли и информационных технологий участники нередко поднимали гуманитарные темы – образование, традиционные ценности, суверенное независимое развитие, доступность здравоохранения, защита прав женщин и детей, обмен опытом и технологиями. Ведь для достижения эффективной экономической кооперации необходимо содействовать повышению уровня жизни населения, установлению устойчивого мира и безопасности, чем и объясняется повышенное внимание, уделенное вопросам сотрудничества в гуманитарной, социальной и научной сферах.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

В деловой программе форума был представлен блок «Экономика нового мира», в рамках которого прошло девять панельных сессий:

- 1) «Новые логистические маршруты Россия – Африка»;
- 2) «Ведение бизнеса в Африке: риски, условия и возможности»;
- 3) «Международное сотрудничество в сфере финансовой безопасности»;
- 4) «Устойчивое развитие алмазодобывающих сообществ»;
- 5) «ЕАЭС – Африка: горизонты сотрудничества»;
- 6) «Россия – Африка: перспективы сотрудничества в области энергетики»;
- 7) «МСП России и Африки: новые ориентиры партнерства»;
- 8) «Экспортный потенциал Россия – Африка в условиях новых вызовов»;
- 9) «Эффективная стратегия сотрудничества в АПК»¹⁰.

В рамках экономических сессий участники обсуждали риски, условия и возможности ведения бизнеса в Африке. Многие докладчики сходились во мнении, что потенциал российско-африканского сотрудничества реализован не в полной мере и взаимные инвестиции могут способствовать разрешению многих экономических задач как в России, так и в Африке. Субъекты малого и среднего предпринимательства не только играют важную роль в экономическом и социальном развитии любого государства, но и могут сформировать надежный фундамент российско-африканского сотрудничества и привести к значительной интенсификации бизнес-связей.

Торгово-экономическая кооперация на наднациональном уровне между ЕАЭС и странами и интеграционными объединениями Африки динамично расширяется и имеет серьезный потенциал для дальнейшего развития. Индекс интенсивности экспорта ЕАЭС в Африку составляет 1,13 пункта, а экспорта из Африки в ЕАЭС – 0,27 пункта. Это свидетельствует о том, что африканские партнеры могли бы поставлять в разы больше товаров, а существующий дисбаланс в торговле негативно сказывается на соответствующих расчетах и логистике торговли. Однако отсутствие информации, стереотипы и искаженное восприятие бизнеса, а также недостаточная координация представителей крупного, среднего, малого предпринимательства и органов государственной власти при выходе на новые рынки континента сдерживают экономическую кооперацию. Ограничительные меры со стороны стран Запада также создают сложности в процессе расчетов, страхования и кредитования внешнеторговых операций.

Необходимо уделить особое внимание обмену информацией между профильными министерствами, ведомствами, деловыми кругами, а также подключить африканские банки к российским платежно-расчетным системам. Кроме того, активная деятельность российского капитала и представителей стран

⁷ Партнеры. <https://summitafrica.ru/partners/partners/partners-all/#partnerId26906> (accessed 28.08.2023)

⁸ Учитывались соглашения, которые не являлись коммерческой тайной. При этом суммы соглашений не разглашаются (прим. авт.).

⁹ См.: <https://summitafrica.ru/news/podvedeny-itogi-vtorogo-sammita-i-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-foruma-rossija-afrika/> (accessed 29.08.2023)

¹⁰ Архитектура программы. <https://summitafrica.ru/programme/programme-architecture/> (accessed 28.08.2023)

ЕАЭС в особых экономических зонах в Африке, увеличение господдержки, принятие единой стратегии и создание центра координации подобного сотрудничества позволит расширить торгово-экономическое взаимодействие со странами континента, а катализатором этого процесса может выступить соответствующая подготовка российских и африканских высококвалифицированных кадров и принятие особых мер поддержки страхования, кредитования экспортно-импортных операций на африканском направлении.

Сотрудничество в сфере финансовой безопасности – необходимое условие для расширения российско-африканской экономической кооперации, т.к. преступления в области отмывания денег и финансирования терроризма представляют серьезную угрозу безопасности и стабильности финансовых систем всех стран. Новые технологии и информационные инструменты активно используются криминальным сообществом, что требует выработки современных методов борьбы. При этом политизация международного сотрудничества в области финансовой безопасности оказывает на него негативное воздействие, а поиск баланса между поддержанием суверенитета и соблюдением правил наднационального уровня остается серьезным институциональным вопросом. Однако необходимо проводить обмен опытом применения инновационных практик и цифровых технологий в работе подразделений финмониторинга между профильными организациями России и Африки, и особую роль в этом вопросе может сыграть Росфинмониторинг.

В рамках обсуждения перспектив развития российско-африканского сотрудничества в инфраструктурной, транспортно-логистической сферах был обозначен серьезный потенциал для расширения подобной кооперации. Во-первых, социальные, экономические, политические и интеграционные процессы в Африке способствуют трансформации континентального транспортного сектора [5]. Африканский Союз в качестве ключевых стратегических приоритетов выделяет программы именно по развитию транспорта, и подобные проекты находят понимание у российского бизнеса. Во-вторых, международный транспортный коридор «Север-Юг», в реализации которого Россия принимает активное участие, может стать катализатором развития российско-африканского экономического сотрудничества. Профильные компании из стран континента (в первую очередь из Восточной и Южной Африки) могут внести свой вклад в развитие этой логистической системы и подключиться к ней.

Кроме того, в рамках форума были подняты вопросы необходимости синхронизации правовой базы перевозок, таможенных процедур, создания дополнительных страховых и финансовых инструментов, расширения сотрудничества в области передачи технологий и профильного образования. Сформулированы потребности в создании и развитии новых логистических коридоров, стабильность и эффективность которых не должна зависеть от внешнего давления.

Особое место в деловой программе форума обрела тематика сотрудничества в области добычи, разработки и реализации полезных ископаемых. В частности, более 90% алмазов в современном мире добывается российскими и африканскими компаниями, а кооперация наших государств в этой сфере может способствовать выработке единых стандартов функционирования алмазодобывающей отрасли на мировом уровне. Однако навязывание излишних правил для предприятий, занимающихся добычей и реализацией драгоценных камней со стороны международных регуляторов, а также нехватка передовых технологий и нужных объемов финансирования сдерживают развитие алмазодобывающих сообществ. Тем не менее Кимберлийский процесс, который вырабатывает ключевые правила ведения бизнеса в отрасли, остается главным ориентиром. Россия на основе своих компетенций может предоставить партнерам из стран Африки надежную, испытанную систему контроля над оборотом драгоценных металлов и камней.

Разработка эффективной стратегии российско-африканского сотрудничества в области развития агропромышленного комплекса стала важнейшей тематикой форума. Обеспечение продовольственной безопасности стран Африки – одна из ключевых задач такого сотрудничества. Россия обеспечивает страны континента основными сельскохозяйственными продуктами: около 20% африканского импорта пшеницы, 18% – ячменя, более 13% импорта масел. При этом участники форума заявили, что Россия обладает потенциалом для увеличения экспорта аграрной продукции в страны Африки. Активное участие российских поставщиков сельхозпродукции в соответствующих африканских тендерах, развитие эффективных политически неангажированных инструментов страхования, кредитования сделок и налаживание логистических цепочек между Россией и странами Африки будут способствовать реализации вышеуказанного потенциала.

В вопросах, связанных с продвижением «зеленой» повестки, докладчики сходились во мнении, что соответствующие решения могут быть продуманными, зрелыми и должны приниматься странами самостоятельно, с учетом всех последующих издержек.

Что касается сотрудничества в сфере энергетики, то обсуждая эту составляющую деловой программы форума, докладчики привели несколько базовых условий, на которых может выстраиваться взаимодействие: 1) наличие богатых ресурсов Африки; 2) российские компетенции и технологии; 3) эффективное проектное финансирование; 4) локализация производства; 5) потребности в модернизации существующей инфраструктуры. Однако участники нередко отмечали, что поиск дополнительных источников финансирования двусторонних проектов и потребность в привлечении независимых, политически неангажированных финансовых структур является серьезной задачей на пути сотрудничества в энергетической сфере. Вопрос энергетики также активно поднимался в рамках гуманитарной части форума.

ГУМАНИТАРНАЯ ЧАСТЬ

В деловой программе экономического и гуманитарного форума Россия – Африка были представлены два крупных гуманитарных блока¹¹:

I. Блок «Научно-технологическое сотрудничество», в рамках которого прошли 10 панельных сессий:

- 1) «Инфраструктурное развитие, инновации и комфортная городская среда»;
- 2) «Атомные технологии для развития Африки»;
- 3) «Через промышленную кооперацию к технологическому суверенитету»;
- 4) «Передовые технологии для устойчивого развития Африки»;
- 5) «Геологоразведка и добыча полезных ископаемых: российские технологии – Африке»;
- 6) «Эффективное сотрудничество в сфере здравоохранения: технологии, инновации, кадры»;
- 7) «Фундаментальная наука как основа технологического суверенитета»;
- 8) «Россия – Африка: космические технологии для ускорения развития экономики и повышения уровня жизни населения»;
- 9) «Искусственный интеллект: новый драйвер развития Африканского региона»;
- 10) «Россия и Африка: перспективы развития междуниверситетского сотрудничества».

II. Блок «Партнерство в гуманитарной и социальной сферах», в рамках которого прошли 12 панельных сессий:

- 1) «Взаимодействие России и Африки в гуманитарной сфере»;
- 2) «Кооперация в сфере высшего образования в современных геополитических условиях»;
- 3) «Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию»;
- 4) «Россия – Африка: трансфер лучших образовательных технологий в сфере общего, среднего специального и дополнительного образования»;
- 5) «Креативизация экономики: развитие культурных продуктов и брендов»;
- 6) «Женщины России и Африки за устойчивое развитие и социальный прогресс»;
- 7) «Глобальные ценности как основа взаимодействия в культурно-образовательной сфере»;
- 8) «Спорт: мост дружбы России и Африки»;
- 9) «Религиозная компонента сотрудничества африканских государств в динамично меняющемся мире»;
- 10) «Развитие движения русофилов в Африке»;
- 11) «Продвижение гуманитарной политики на Африканском континенте: лучшие практики»;
- 12) «Сотрудничество в сфере защиты прав детей: направления развития и формы взаимодействия».

Сотрудничество в сфере энергетики, хоть и осложнено высоким уровнем конкуренции, остается одним из самых перспективных направлений для развития российско-африканских отношений. В 2015 г. Россия и Египет подписали Межправительственное соглашение о строительстве первой египетской АЭС, а уже через 2 года началась реализация проекта. На данный момент это крупнейший российский проект в сфере энергетики [6], который позволит приобрести ценный опыт для продолжения деятельности на Африканском континенте.

¹¹ Архитектура программы...

Тем не менее пока что практически у 52% населения стран Африки южнее Сахары по-прежнему нет доступа к электричеству [7], а активное развитие атомной энергетики требует существенных объемов инвестиций, которые африканские страны не могут себе позволить. Здесь для Москвы открываются дополнительные и более реалистичные возможности. Российские компании могут вложиться в ремонт и модернизацию существующих, но пребывающих в упадке электростанций. Более того, сотрудничество в области мирного атома не ограничивается производством электрической и тепловой энергии, он также используется в медицине, сельском хозяйстве, для опреснения воды и ликвидации отходов, на чем необходимо сделать акцент в ближайшем будущем.

Таким образом, повестка форума получилась единой и цельной, а сквозь все сессии красной нитью прошла идея о необходимости достижения суверенитета. Россия как сторонница сохранения традиционных ценностей поддерживает Африку в её стремлении привить молодым поколениям, для каждого по-своему, традиционные уклады. Упор на аутентичность этих ценностей и сохранение самобытности национальных культур – отличная отправная точка в межгосударственном диалоге. Принцип уважения «цивилизационного и национального разнообразия Российской Федерации и Африки» [8] был закреплен в Декларации второго саммита Россия – Африка. На форуме с обеих сторон высказывались мнения, что для развития континента необходимы иностранные решения и компетенции, но перениматься они должны на добровольной основе и на базе взаимовыгодного сотрудничества.

Компетенции и опыт России могут пригодиться и в образовательной сфере. Трансфер технологий и подготовка квалифицированных кадров не могут существовать друг без друга [9]. Они создают положительный образ России в глазах африканцев, «показывая её страной, способствующей передовому развитию Африки и укреплению её экономического суверенитета» [9]. Континенту, на котором, по словам комиссара АС по образованию, науке, технологиям и инновациям Мухаммеда Бельхосина, около 98 млн детей вообще не посещают школу и острой остается проблема безграмотности, российская сторона может предложить свои инновационные подходы и решения, а также адаптировать их под культурный код африканских стран. Речь идет об образовательном оборудовании, онлайн-платформах и контенте, игровых технологиях, использовании искусственного интеллекта (ИИ) в обучении и т.д.

Позитивный отклик вызывают инициативы по выделению дополнительных квот на обучение в российских вузах (в 2023/24 уч. году они были увеличены более чем вдвое¹²), осуществлению студенческих и преподавательских обменов, передаче методик. По последним данным Министерства науки и высшего образования, сейчас в вузах России учится почти на 10% больше студентов из стран Африки, чем в 2022 г., а точнее – более 34,3 тыс. человек¹³.

Необходимо привлекать африканскую молодежь, чтобы она поступала на образовательные программы с обучением именно на русском языке. Это позволит сократить число выпускников, уезжающих на заработки в Европу после получения российского диплома о высшем образовании¹⁴. Для упрощения процесса поступления и привлечения большего числа абитуриентов из Африки можно рассмотреть возможность внедрения интеграционных курсов или гибридных учебных программ, когда курсы на английском или французском постепенно замещаются занятиями на русском. Еще одним перспективным направлением развития сотрудничества является открытие филиалов российских вузов в странах Африки.

Для более быстрых результатов Москва может сделать упор на программы магистратуры, профессиональной переподготовки и повышения квалификации для уже действующих специалистов. Так, в Плане действий форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 гг. было закреплено намерение открыть на континенте центры дополнительного профессионального образования при участии российских вузов, которые осуществляют подготовку и переподготовку госслужащих.

Передача знаний за счет формирования пула высококвалифицированных специалистов оказывает прямое влияние на повышение уровня жизни в странах Африки. В этом контексте особое значение имеет сотрудничество в сфере здравоохранения. Важно не только делиться медицинскими наработками

¹² См.: <https://iz.ru/1420557/alena-nefedova/savanna-nebesnaia-rossotrudnichestvo-otkryvaet-novye-tcentry-v-afrike> (accessed 27.07.2023)

¹³ См.: <https://tass.ru/obschestvo/18580233> (accessed 27.08.2023)

¹⁴ Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник. Маслов А.А., Свиридов В.Ю. и др.; под общ. ред. А.А.Маслова. НИУ ВШЭ, Центр изучения Африки. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. 224 с.

и технологиями, но и оказывать содействие в подготовке различных кадров медицинских специальностей, создании современных лечебных учреждений и лабораторий.

Выражение «Россия в Африке» звучит всё чаще и уже стало привычным и само собой разумеющимся, однако чаще всего образ Москвы ассоциируется с антиколониальным дискурсом, т.е. она выступает в качестве альтернативного источника силы на фоне ослабления других игроков¹⁵. Это делает российское присутствие в Африке в первую очередь антиподом экспансионистских устремлений «коллективного Запада». Несмотря на быстрое извлечение выгоды за счет такого подхода, поддерживать таким образом привлекательность российского присутствия в долгосрочной перспективе будет затруднительно. Для достижения лучшего эффекта необходимо сделать упор на повышение привлекательности русского языка и культуры для африканцев.

Уже сейчас в восьми странах (Тунисе, Марокко, Египте, Эфиопии, Танзании, Замбии, ЮАР и Республике Конго) работают представительства Россотрудничества (Русские дома), а к 2025 г. планируется открытие Российских центров науки и культуры (РЦНК) в Алжире, Анголе и Мали¹⁶. Также в Планах действий был отмечен потенциал проекта «Российский учитель за рубежом».

Успешный пример работы организаций в гуманитарной области – это деятельность Русской православной церкви. На форуме Патриарший экзарх Африки митрополит Клинский Леонид объявил, что чуть более чем за 1,5 года количество приходов Патриаршего экзархата Африки увеличилось с 5 до 200, а количество стран, где есть эти приходы, выросло с 4 до 25¹⁷. Западные трактовки морали, института семьи и брака, по мнению клирика патриаршего экзархата Африки в Танзании архимандрита Захарии Мулингвы, воспринимаются «как греховные, вызывают решительное отторжение в африканских странах – это сближает их с Россией»¹⁸.

Таким образом, Москва имеет серьезное преимущество, распространяя свое культурное влияние на страны Африки: действия бывших метрополий зачастую воспринимаются как культурная экспансия, борьба с этнической идентичностью и самобытностью африканских культур, попытки насильственно привить западные ценности. Российская культурная дипломатия станет ничем иным, как просветительской и имиджевой миссией. В этой связи Россия может поддержать страны континента в деле возвращения культурного наследия, а также оказать содействие в развитии музейной культуры (особенно в создании пригодных условий для новых экспонатов, возвращенных по программам реституции) [10].

Спорт тоже может стать связующим звеном: во время форума министр спорта России О.В.Матыцин подчеркнул совместное стремление России и стран Африки отстаивать равноправное отношение к спортсменам и неуместность политизации спорта¹⁹. Параллельно с проведением саммита прошла и спортивная часть: велогонка, несколько футбольных матчей и забег. «За последние 2 года подписаны 10 меморандумов о сотрудничестве с нашими коллегами из африканских государств», – добавил министр. Укрепление сотрудничества «путем осуществления инициатив по укреплению потенциала и обмена преподавателями физкультуры и профессиональными спортсменами», а также за счет расширения «участия российских и африканских спортсменов в проводимых спортивных мероприятиях» было выделено в качестве одной из целей для развития межстранового сотрудничества [4].

Много сказано о распространении российского влияния и культуры, но насколько самой российской аудитории близка культура стран Африки?

Во время форума «Газпром-медиа Холдинг» озвучил результаты опроса среди 13,5 тыс. человек, по результатам которого около 88% респондентов ответили, что не знают ни одного африканского писателя, художника или кинорежиссера²⁰. Россия должна не только прийти и закрепить свои позиции в Африке, но и впустить её к себе. Благодаря саммиту в Москве и Санкт-Петербурге развернулась довольно богатая и разнообразная культурная программа: экспозиции в ведущих музеях, кинопоказы, музыкальные фестивали и модные показы. Необходимо поддерживать количество культурных мероприятий на

¹⁵ Фахрутдинов Р. Названы преимущества России в конкуренции с Францией и США в Африке. <https://vz.ru/news/2023/3/28/1205032.html> (accessed 27.07.2023)

¹⁶ <https://iz.ru/1569124/2023-09-05/rossotrudnichestvo-uchredit-russkie-doma-v-alzhire-angole-mali-do-2025-goda> (accessed 05.09.2023)

¹⁷ Экзарх Африки заявил о разочаровании в западных церквях. <https://tass.ru/obschestvo/18394597> (accessed 27.07.2023)

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: <https://tass.ru/sport/18375235> (accessed 27.07.2023)

²⁰ См.: <https://tass.ru/ekonomika/18395017> (accessed 28.07.2023)

том же уровне, а также содействовать дальнейшему углублению сотрудничества между профильными структурами культурной сферы [4], чтобы африканское искусство вышло за пределы узкого круга африканистов и коллекционеров-любителей на общероссийский уровень.

МЕДИАФОРУМ

Актуальные вопросы создания справедливого и позитивного образа России и Африки в восприятии наших обществ обсуждались на Медиафоруме, на котором состоялись следующие сессии:

- 1) «Роль видеоконтента в развитии медиабизнеса и СМИ: цифровые технологии на службе России и Африки»;
- 2) «Россия – Африка: преодоление стереотипов. Роль медиа в формировании позитивного имиджа»;
- 3) «Панафриканизм: истоки, современность, будущее»;
- 4) «Влияние новых глобальных вызовов и экономики санкций на медиапартнерство России и Африки: проблемы и решения»;
- 5) «Многополярный информационный мир: роль арабских стран Африки в новых реалиях международных отношений»;
- 6) «СМИ Глобального Юга: новые форматы, технологии и нарративы в Африке».

Нельзя не сказать, что Институт Африки РАН также принимает активное участие в просвещении российской аудитории, транслируя достоверную и актуальную информацию о роли стран Африки на глобальной международной арене. Организация является ведущим профильным аналитическим центром в нашей стране и проводит широкие консультации для госорганов, а также для научного, экспертного и бизнес-сообщества, для ведущих российских СМИ.

УЧАСТИЕ ИНСТИТУТА АФРИКИ РАН В ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ВТОРОГО САММИТА РОССИЯ – АФРИКА

В подготовке и проведении состоявшегося саммита и форума деятельное участие принимали сотрудники ИАФр РАН, оказывая качественную эффективную экспертно-аналитическую поддержку профильным органам государственной власти, операторам и организаторам мероприятия. Особую роль в этой работе сыграла директор Института Африки РАН, д.э.н, член-корреспондент РАН И.О.Абрамова, выступая эффективным членом организационного комитета второго саммита, Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка, а также являясь председателем Научного совета при Секретариате Форума партнерства Россия – Африка.

Мероприятие было торжественно открыто пленарным заседанием, модератором которого была И.О.Абрамова. Подробно оно уже было рассмотрено выше.

В первый день форума также состоялась сессия «Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию», которая была организована Институтом Африки РАН. Модератором стала И.О.Абрамова, а в качестве докладчиков выступили зампредела Совета Федерации ФС РФ К.И.Косачев, председатель комитета Государственной Думы по международным делам Л.Э.Слуцкий, заместитель Министра науки и высшего образования К.И.Могилевский, заместитель исполнительного директора департамента многосторонних отношений и сотрудничества Министерства международных отношений и сотрудничества Намибии Джеробим Шааника, ректор МГИМО (Университет) МИД РФ А.В.Торкунов, директор Института всеобщей истории РАН М.А.Липкин; экс-советник президента Республики Сенегал по экономическим вопросам, директор *Forum Tiers-Monde* Шериф Салиф Си; почетный президент ИАФр РАН, академик А.М.Васильев, визит-профессор Северо-Восточного федерального университета им. М.К.Аммосова Маурис Ндубуиси Околи, президент Союза африканских диаспор Зенебе Кинфу Тафессе. На сессии прошла презентация книги «Африка: неоплаченный долг колонизаторов» [11], написанной коллективом авторов Института Африки. Книга была издана при поддержке телеканала *RT*.

За время проведения форума директор Института Африки приняла участие в работе трех сессий: «Стабильность рынка удобрений как гарантия ликвидации голода в африканских странах», где выступила модератором; «Продвижение гуманитарной политики на Африканском континенте: лучшие прак-

тики»; «Фундаментальная наука как основа технологического суверенитета», где приняла участие в качестве выступающего.

Во второй день форума академик А.М.Васильев принял участие в сессии «Влияние новых глобальных вызовов и экономики санкций на медиапартнерство России и Африки: проблемы и решения», а председатель Совета молодых ученых ИАФР РАН В.А.Сидоров выступил на сессии «Строя общее будущее: образовательные и научные возможности России для Африки».

В ходе Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка председатель Совета директоров ПАО «ДВМП» А.В.Северилов и И.О.Абрамова подписали соглашение о намерениях сотрудничества в области исследования грузовой базы стран Африканского континента.

ИТОГОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

По результатам саммита Россия и 48 африканских государств подписали совместную итоговую Декларацию второго саммита Россия – Африка [8], три секторальных декларации – «О предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве» [12]; «О сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» [13]; «Об укреплении сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом» [14], а также План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 гг. [4], привязанный к итоговой Декларации и предлагающий практические меры по достижению заявленных в ней целей.

Для сравнения: в ходе первого саммита Россия – Африка в 2019 г. были подписаны только итоговая Декларация (47 пунктов) [15], Меморандум о взаимопонимании между Россией и Африканским Союзом об основах взаимоотношений и сотрудничестве и Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и АС в области экономического сотрудничества²¹.

В отличие от меморандумов 2019 г., общая и секторальные декларации, подписанные по результатам Второго саммита, носят более детальный, прикладной, а местами – более смелый характер. Так, например, в них прописаны конкретные направления в сфере противодействия новым вызовам и угрозам (борьба с терроризмом, экстремизмом, наркоторговлей) и обеспечения продовольственной и энергетической безопасности. В Декларации также заложены основы более тесного и эффективного партнерства между Россией и африканскими государствами. В частности, заявляется о ежегодных консультационных встречах министра иностранных дел России и председателя Комиссии Африканского Союза.

Подразделы итоговой Декларации отражают сферы дальнейшего наращивания сотрудничества. Простой анализ количества пунктов, слов и знаков в подразделах документа позволяет, хоть и с определенной долей условности, сделать предположения о приоритетных областях взаимодействия: механизм диалогового партнерства (пп. 1–3; 132 слова и 1177 зн.); политическая и правовая сферы (пункты 4–31; 1030 слов и 9198 зн.); обеспечение безопасности (пп. 32–40, 494 слова, 4368 зн.); торгово-экономическая сфера (пп. 41–59, 669 слов, 6126 зн.); научно-техническая, гуманитарная, культурная, спортивная, молодежная и информационная сферы, а также образование и здравоохранение (пп. 60–69; 374 слова и 3481 зн.); охрана окружающей среды и климат (пп. 70–74; 325 слов и 2579 зн.).

Как мы видим, приоритетным остается развитие сотрудничества в политической и правовой сферах.

При этом, о каком бы виде совместной деятельности ни шла речь, красной нитью через текст итогового документа проходит слово «суверенитет». Слова «суверенитет» и «суверенный» упоминаются в Декларации 13 раз. Так или иначе эта тема затрагивается, когда речь идет о политическом и экономическом взаимодействии, а также о традиционных ценностях и принципах каждой страны. «Принцип “африканским проблемам – африканское решение” должен и впредь служить основой для разрешения конфликтов» (п. 34). Следуя этому принципу, Россия предлагает не гуманитарную помощь и «подачки», а технологии и компетенции, которые будут использованы африканскими странами для их суверенного развития.

В то время как итоговая Декларация носит рамочный характер и провозглашает основные принципы дальнейшего взаимодействия, конкретные шаги, направленные на достижение заявленных целей, прописаны в Плане действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 гг. [4]. В нём освещены меры по наращиванию сотрудничества различных государственных структур: межпарламентское и

²¹ Документы, подписанные в ходе саммита Россия – Африка. <http://www.kremlin.ru/supplement/5454> (accessed 28.08.2023)

межпартийное, по линии министерства обороны, региональных и муниципальных органов власти, в рамках международных организаций (ООН, ВТО, МВФ), а также взаимодействие России с секретариатом Африканской континентальной зоны свободной торговли и сотрудничество в области развития специальных экономических зон. Запланирована совместная работа в самых разных сферах – от аудита до медицины, а в отдельных случаях упоминаются даже конкретные проекты.

Более внимательное знакомство с Декларацией и Планом позволяет обратить внимание на аспекты, касающиеся не только российско-африканских отношений, но и международных тенденций, некоторые из которых рассмотрены далее.

В Декларации признается рост влияния Африки в формировании нового многополярного мира, подчеркивается укрепление позиций на международной арене Африки и Африканского Союза как организации, представляющей весь континент. По сути, Декларация вносит вклад в легитимизацию АС как региональной организации глобального масштаба. В ряде пунктов АС и его Фонд мира упоминаются совместно с ООН. В частности, в преамбуле и п. 70 «Повестка 2063» Афросоюза и резолюции ГА ООН стоят в одном ряду, что подчеркивает сопоставимое значение этих двух организаций и свидетельствует о том, что Африка не просто должна играть, но уже играет особую роль в формирующемся новом многополярном мире.

Возрастающее влияние Африки в мире должно найти отражение и в международных структурах, что закреплено в итоговой Декларации: страны – участницы саммита, включая Россию, заявляют о своей поддержке «консенсуса Эзулвини» – плана реформирования ООН, предложенного АС в 2005 г. [16]. Согласно этому проекту, как минимум 2 африканских государства должны стать постоянными членами СБ ООН с правом вето, а 5 – получить возможность присутствовать на заседаниях на правах непостоянных членов [17].

Отдельные формулировки в Декларации касаются непосредственно России. Хотя лидеры африканских стран находятся под колоссальным давлением, и большинство из них не могут, даже при желании, открыто поддержать Россию в вопросах, связанных с украинским кризисом, в документе содержится целый ряд пунктов, отражающих их позицию. Так, в п. 25 осуждается применение «нелегитимных односторонних ограничительных мер», в т.ч. заморозка «суверенных золотовалютных резервов». Декларация также содержит осуждение неонацизма, фашизма, нацизма, запрета на использование родного языка, культурной экспроприации. В п. 36 отмечается неприемлемость ограничительных мер, ставящих африканские страны под угрозу продовольственного и энергетического голода.

В тексте документа нет прямого упоминания украинского кризиса, но процитированные формулировки позволяют предположить, что таким образом подписавшие Декларацию страны выражают несогласие с противоправными действиями в адрес России и других государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Второй саммит Россия – Африка, а также Экономический и гуманитарный форум заложили основы дальнейшего многопланового и многовекторного сотрудничества между Россией и африканскими странами и стали доказательством того, что оно уже развивается на принципах равноправия и уважения суверенитета друг друга.

Проведение в рамках саммита форума для бизнес-сообщества продемонстрировало, как политическое сотрудничество приводит к ощутимым практическим результатам в сфере бизнеса. Вместе с тем отмечается, что наращивание экономических и торговых связей не является самоцелью и зиждется на общих ценностях, «традициях совместной борьбы за искоренение колониализма», уважении национального суверенитета, ценностей, культур и традиций.

Масштаб второго саммита и форума определяется не только количеством участников и подписанных соглашений, но и геополитическим значением события в широком международном контексте, вкладом в формирование и становление более справедливой архитектуры мирового устройства. Страны континента, а также АС, представляющий их интересы на международной арене, всё громче и четче заявляют о своей международной субъектности. Как следствие, и АС, и отдельные страны высказывают свое мнение, иногда резкое, по целому ряду вопросов, а также требуют реформирования глобальных международных структур, таких как СБ ООН, которые на данный момент не отражают возрастающую роль Африки. При этом, говоря о необходимости перестройки современных международных орга-

низаций и трансформации мирового порядка, страны – участницы саммита не претендуют на создание принципиально новой мировой системы, а стремятся развить и укрепить ценности и принципы, заложенные разными региональными и международными структурами.

Всё это, где-то осознанно, а где-то на интуитивном уровне, уловили представители СМИ, академических и политических кругов и в России, и в странах Африки. Саммит получил широкое освещение, а интерес к африканской тематике, в том числе со стороны людей, далеких от африканистики, заметно вырос. Возможно, поэтому наравне с восторженными отзывами была слышна и критика в адрес мероприятия. Но и отдельные критические замечания, и внимание широкой общественности к саммиту и форуму служат индикатором происходящих тектонических сдвигов в мировом геополитическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Путин В.В. Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего. 28.07.2023. <http://kremlin.ru/events/president/news/71719> (accessed 25.08.2023)
Putin V.V. 2023. Russia and Africa: joining forces for peace, progress and a successful future. (In Russ.). <http://kremlin.ru/events/president/news/71719> (accessed 25.08.2023)
2. Речь Президента России В.В. Путина на пленарном заседании саммита Россия – Африка. 28.07.2023. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71826> (accessed 28.07.2023)
Speech by Russian President Vladimir Putin at the plenary session of the Russia – Africa Summit. 28.07.2023. (In Russ.). <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71826> (accessed 28.07.2023)
3. Remarks by President Cyril Ramaphosa during a Plenary Session in the 2nd Russia – Africa Summit in St. Petersburg. 28.07.2023. <https://www.thepresidency.gov.za/speeches/remarks-president-cyril-ramaphosa-during-plenary-session-2nd-russia-africa-summit-st.-petersburg-russian-federation#:~:text=Geopolitical%20tensions%20are%20negatively%20affecting,promote%20inclusiveness%20and%20engender%20trust> (accessed 28.07.2023)
4. План действий форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы. <http://kremlin.ru/supplement/5971> (accessed 28.08.2023)
Action Plan of the Russia – Africa Partnership Forum for 2023–2026. (In Russ.). <http://kremlin.ru/supplement/5971> (accessed 28.08.2023)
5. Баринов А.К., Шарова А.Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (транспорт Восточной Африки). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 7. С. 38–46.
Barinov A.K., Sharova A.Y. 2021. Infrastructural development of the African continent (transport of East Africa). *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 38–46. (In Russ.)
6. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 90–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12
Abramova I.O., Fituni L.L. 2019. Russia's new strategy in the African direction. *World economy and international relations*. Vol. 63, № 12. Pp. 90–100. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100
7. Improving energy access key to meeting development goals in Africa. 21.03.2023. <https://unctad.org/news/improving-energy-access-key-meeting-development-goals-africa> (accessed 27.07.2023)
8. Декларация второго саммита Россия – Африка. 28.07.2023. <http://www.kremlin.ru/supplement/5972> (accessed 27.08.2023)
Declaration of the Second Summit Russia – Africa. 28.07.2023. (In Russ.). <http://www.kremlin.ru/supplement/5972> (accessed 27.08.2023)
9. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Стратегия России на африканском направлении: что изменилось после саммита Россия – Африка 2019? *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 12. С. 68–78. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-68-78
Abramova I.O., Fituni L.L. 2021. Russia's strategy in the African direction: what has changed after the Russia – Africa 2019 summit? *World economy and international relations*. Vol. 65, № 12. Pp. 68–78. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-68-78
10. Лошкарёв И.Д., Чкония Л.Е., Никольская М.В. Политика и безопасность в Африке: вызовы и возможности для России: аналитический доклад. МГИМО-Университет МИД России, Институт международных исследований. 2022. 15 с. <https://mgimo.ru/upload/iblock/7f9/fjs3vhxta0iy6rmwbb3wfnexgg8pzxk/politics-and-security-in-africa.pdf> (accessed 27.07.2023)
Loshkarev I.D., Chkoniya L.E., Nikolskaya M.V. 2022. Politics and security in Africa: Challenges and opportunities for Russia: analytical report. MGIMO (University) MFA Russia, Institute of International Studies. 15 p. (In Russ.). <https://mgimo.ru/upload/iblock/7f9/fjs3vhxta0iy6rmwbb3wfnexgg8pzxk/politics-and-security-in-africa.pdf> (accessed 27.07.2023)

11. Африка: неоплаченный долг колонизаторов. Колл. авт., отв. ред. И.О. Абрамова. М.: Институт Африки РАН, 2023. 122 с.
Africa: the unpaid debt of the colonialists. 2023. Ed. by I.O. Abramova. Moscow. 122 p. (In Russ.)
12. О предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве. 28.07.2023. <http://www.kremlin.ru/supplement/5974> (accessed 28.08.2023)
On the prevention of an arms race in outer space. 28.07.2023. (In Russ.). <http://www.kremlin.ru/supplement/5974> (accessed 28.08.2023)
13. О сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 28.07.2023. <http://www.kremlin.ru/supplement/5975> (accessed 28.08.2023)
On cooperation in the field of international information security. 28.07.2023. (In Russ.). <http://www.kremlin.ru/supplement/5975> (accessed 28.08.2023)
14. Об укреплении сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом. 28.07.2023. <http://www.kremlin.ru/supplement/5973> (accessed 28.08.2023)
On strengthening cooperation in the fight against terrorism. 28.07.2023. (In Russ.). <http://www.kremlin.ru/supplement/5973> (accessed 28.08.2023)
15. Декларация первого саммита Россия – Африка. 24.10.2019. <http://kremlin.ru/supplement/5453> (accessed 28.08.2023)
Declaration of the first Russia – Africa Summit. 24.10.2019. (In Russ.). <http://kremlin.ru/supplement/5453> (accessed 28.08.2023)
16. Васильев А., Корендясов Е. Российско-африканские отношения через 10 лет: новый старт. 22.05.2013. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-afrikanskie-otnosheniya-cherez-desyat-let-novyuy-st/?ysclid=lltz1yq9hc960103801> (accessed 28.08.2023)
Vasiliev A., Korendyasov E. 2013. Russian-African relations in 10 years: a new start. (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-afrikanskie-otnosheniya-cherez-desyat-let-novyuy-st/?ysclid=lltz1yq9hc960103801> (accessed 28.08.2023)
17. The Common African Position on the proposed reform of the United Nations “The Ezulwini consensus”. 7–8 March 2005, Addis-Ababa, Ethiopia. P. 9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Андреева Тамара Алексеевна, м.н.с., Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН, Москва, Россия.

Tamara A. Andreeva, Junior Researcher, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Баринов Андрей Константинович, кандидат экономических наук, н.с. Центр глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Andrey K. Barinov, PhD (Economics), Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Воронина Наталья Александровна, кандидат исторических наук, с.н.с. Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Natalia A. Voronina, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Зеленова Дарья Александровна, кандидат политических наук, с.н.с. Центр исследования Юга Африки Института Африки РАН, Москва, Россия.

Daria A. Zelenova, PhD (Political Science), Senior Researcher, Centre for Southern Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 01.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 02.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 03.09.2023

Стратегическая культура Индии и Пакистана и её влияние на наименования вооружения и военной техники

© Голубцова Е.В.^а, 2023

^а Военный университет Министерства обороны РФ
им. князя А. Невского, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4919-3611; ekaterinasalupenko6@gmail.com

Резюме. В современном мире среди специалистов в области международных отношений большую популярность приобрела концепция *стратегической культуры*, которая подразумевает, что каждому народу присуще уникальное стратегическое мышление, определяющее характерные для конкретной страны варианты восприятия и решения проблем, связанных с национальной безопасностью и применением военной силы.

Сведения о новых единицах вооружения и боевой техники активно освещаются в СМИ, выбору «прозвищных» названий для оружия уделяется повышенное внимание, их можно рассматривать как некое послание, в котором отражены намерения и цели внешней политики страны. В связи с этим название оружия способно частично отражать стратегическое мышление различных народов.

Так, наименования боевой техники Пакистана подтверждают особую важность индийского направления, демонстрируют стремление руководства акцентировать духовную близость Пакистана со странами мусульманского мира. В названиях индийского оружия отсутствует намек на противостояние с конкретной страной. Его создатели, вдохновляясь домусульманским периодом истории, национальной культурой и религиозно-философскими течениями Индии, стремились передать независимый и преимущественно нейтральный посыл внешней политики.

Ключевые слова: стратегическая культура, внешняя политика, Пакистан, Индия, вооружение и боевая техника

Для цитирования: Голубцова Е.В. Стратегическая культура Индии и Пакистана и её влияние на наименования вооружения и военной техники. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 19–26. DOI: 10.31857/S032150750024403-5

Strategic Culture of India and Pakistan and Its Influence on Weapon Names

© Ekaterina V. Golubtsova^а, 2023

^а The Prince Alexander Nevsky Military University,

Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4919-3611; ekaterinasalupenko6@gmail.com

Abstract. Nowadays the concept of strategic culture implying that every country has a special way of strategic thinking that reflects its options for dealing with threats and the use of military force has become very popular among specialists in the field of international relations. Usually, the main exponent of the strategic culture is the ruling elite, which determines both domestic and foreign policy. Recently, it has given much attention to the choice of weapon's name. Information about new weapons is widely covered by the media. The choice of names can partly reflect the strategic thinking of a particular country.

For example, the names of Pakistani weapons indicate its orientation against India, demonstrate the desire of its leadership to mark distance between the two countries and emphasize spiritual affinity of Pakistan with the Islamic countries.

At the same time, there is no hint of a confrontation with a particular country in the names of Indian weapon. Its creators inspired by pre-Islamic period of history, culture, religious and philosophical ideas of India sought to convey independent and neutral message of its foreign policy.

Keywords: strategic culture, foreign policy, Pakistan, India, weapon

For citation: Golubtsova E.V. Strategic Culture of India and Pakistan and Its Influence on Weapon Names. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 19–26. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024403-5

ВВЕДЕНИЕ

«Стратегическая культура» – термин, имеющий разнообразные трактовки. Наиболее емкое определение сформулировал американский специалист по международным отношениям А.И.Джонстон, который понимал под стратегической культурой некую систему символов (способов аргументации, аналогий, метафор), формирующих представления о роли и эффективности военной силы в межгосударственных отношениях. По его мнению, именно она определяет долговременное стратегическое мышление. Прослеживается стратегическая культура главным образом в СМИ, речах и высказываниях руководства страны [9, с. 33–34].

Дополняет это определение формулировка пакистанского политолога и военного аналитика Хасана-Аскари Ризви. В его понимании стратегическая культура – это сумма норм, ценностей и исторического опыта правящих слоев государства, которые формируют сознание нынешнего руководства, позволяют ему интерпретировать вопросы, связанные с национальной безопасностью, а также способствуют принятию решений по устранению внешних угроз. По мнению исследователя, стратегическая культура формирует мышление, закладывающее основы восприятия других стран правящим слоем [12].

СПЕЦИФИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПАКИСТАНЦЕВ

Стратегическое мышление пакистанцев неразрывно связано с конфликтом с Индией и в меньшей степени с Афганистаном. Решающий вклад в его формирование привнесли события конца 1940-х гг.

Среди ключевых моментов, определивших стратегическую культуру Пакистана, можно выделить трудности раздела Британской Индии в 1947 г., связанные, в частности, с дележом «колониального наследства», которое включало финансы, экономические предприятия, инфраструктуру, речные ресурсы, а также вооруженные силы. Процесс осложнился задержками со стороны Индии в возмещении Пакистану в полном объеме военного имущества и спором вокруг территориальной принадлежности ряда княжеств. Большой отпечаток на стратегическом мышлении пакистанцев оставили массовые столкновения на почве религии, сопровождавшие раздел 1947 г. По мнению Х.-А. Ризви, перечисленные факторы способствовали зарождению у пакистанского руководства недоверия к индийским коллегам [12, с. 309].

На стратегическое мышление пакистанцев повлияли также и другие факторы – сомнение лидеров индийского национально-освободительного движения по поводу жизнеспособности Пакистана [4, с. 425]; специфика традиционной расстановки политических сил в Пакистане и чрезмерная роль армейского аппарата, для которого характерно преимущественно настороженное отношение к Индии; нежелание Пакистана выступать в роли «младшего брата» Индии, позиционирующей себя в качестве гегемона в Южной Азии.

Ситуацию омрачало превосходство Индии в военном плане и отсутствие естественных границ между двумя доминионами, что делало Пакистан «легкой мишенью» для соседнего государства в случае войны. Пакистанская сторона начала опасаться лидерских амбиций Индии. Основанием для нового витка напряженности между двумя странами послужили ядерные испытания Индии в 1974 г., которые подтолкнули Пакистан к разработке собственной военной ядерной программы.

Исследователь Х.-А.Ризви отмечает, что пакистанское руководство, осознавая невозможность достижения военного паритета с Индией, прилагало немало усилий, чтобы у Пакистана появился военный потенциал, позволяющий ему хотя бы эффективно противостоять индийской армии в военных конфликтах [12, с. 309].

Кроме того, в связи с серьезной нехваткой профессиональных командных кадров, а также слабым техническим оснащением на первых порах после обретения Пакистаном независимости особую тревогу у руководства страны вызывала спорная граница с Афганистаном (установленная в 1983 г. «линия Дюранда») и его претензии на населенную пуштунами пакистанскую Северо-Западную пограничную провинцию (с 2010 г. – Хайбер-Пахтунхва), осуществление полного контроля над которой затруднено из-за гористой местности [12, с. 311].

Отсутствие договоренностей Пакистана с Индией и Афганистаном оказало большое влияние на определение его внешней политики, послужив решающим фактором для присоединения к проамерикан-

скому лагерю¹. Если Индия пошла по пути неприсоединения к военным блокам, а поддержание нейтралитета стало основным принципом её внешней политики, то Пакистан избрал путь участия в военных союзах.

Индийское и афганское направление неизменно остаются важнейшими для Пакистана. Профессор В.Я.Белокреницкий выделяет несколько этапов в трансформации внешней политики страны. Первый охватывает период с 1947 г. до начала войны в Афганистане в конце 1970-х гг., когда приоритет во внешней политике Пакистана отдавался исключительно индийскому направлению. Вместе с тем второй и третий этапы характерны повышенным вниманием Пакистана к событиям в Афганистане и его стремлением повысить свою значимость на международной арене, в частности, в борьбе с терроризмом в роли прифронтового государства [1, с. 179]. Это не способствовало снижению важности Индии. Заинтересованность Пакистана в извлечении выгоды из конфликта в Афганистане, например приход к власти режима талибов² и создание «стратегической глубины»³ [6, р. 32], а также использование мусульманских экстремистов для дестабилизации обстановки в Джамму и Кашмире, так или иначе связана с его опасениями, касающимися Индии.

Кроме того, значительный вклад в складывание стратегической культуры Пакистана внесла «теория двух наций», подразумевающая, что индийский национализм основывается на индуизме, в то время как пакистанский – на исламе. Поэтому национальные СМИ, а также политические и военные деятели нередко противопоставляли две религии, акцентируя различия между мусульманской и индусской цивилизациями.

Для руководства Пакистана особенно важно было подчеркнуть, что главной составляющей национальной идентичности является ислам, поскольку лидеры мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки изначально с недоверием относились к Пакистану, не считая его «полноценной» мусульманской страной [14, р. 38].

Духу «теории двух наций» отвечает и стремление пакистанского руководства обладать Кашмиром, большую часть населения которого составляют мусульмане. Таким образом, Кашмир считается важным не только со стратегической, экономической, географической, но и с идеологической точки зрения. Пакистан нередко становился инициатором вооруженных столкновений с Индией в Кашмире [12, с. 309].

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИНДИИ

Ситуация вокруг стратегической культуры Индии не столь однозначна – относительно её характеристики в научных кругах ведутся споры. Попытку проанализировать её одним из первых предпринял американец, доктор политических и исторических наук Джордж Тэнхэм. По его мнению, для индийцев не характерна долгая традиция ярко выраженного стратегического мышления ввиду фрагментарности государственных образований, веками соседствовавших друг с другом на субконтиненте, отсутствия привычки письменной фиксации некоторых исторических событий, а также незаинтересованности большей части индийцев в собственной истории на протяжении долгого времени. Первыми теоретиками стратегической культуры Индии, по его мнению, можно считать премьер-министров Дж.Неру и Индиру Ганди [15].

Вместе с тем ряд исследователей не согласен с мнением американского ученого. Так, индийский специалист в области международных отношений Нандкишор Кумар указывает, что стратегическое мышление индийцев начало формироваться еще в древности, и большое влияние на него оказали древнеиндийский сборник права «Ману-смирти», политический трактат «Артхашастра», автором которого

¹ В 1954–1955 гг. Пакистан подписал соглашение о вступлении в Организацию договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и о присоединении к Багдадскому пакту, который позже был переименован в Организацию центрального договора (СЕНТО) (прим. авт.).

² Талибы – участники исламистского движения «Талибан» в Афганистане, возникшего в 1990-е гг. в среде пуштунов, наиболее многочисленной этнической группы страны. В середине 1990-х гг. талибы возглавляли Афганистан. В августе 2021 г. вновь пришли к власти (прим. авт.).

³ «Стратегическая глубина» – термин, которым принято называть расстояние между важнейшими со стратегической точки зрения объектами (военные базы, населенные пункты, экономические объекты и т.д.) страны и территорией её противника (прим. авт.).

принято считать Каутилью, советника правителя Чандрагупты Маурьи (321–297 гг. до н.э.), древнеиндийские эпосы «Рамаяна» и «Махабхарата». Среди трудов, повлиявших на стратегическое мышление индийцев, также выделяют Веды [11].

Определенное значение для стратегического мышления индийцев имело учение Махатмы Ганди, которое апеллировало к принципу ненасилия (*ахимсе*) и призывало бороться за свободу от британского правления ненасильственными способами. Для Ганди приоритетным являлся, прежде всего, мирный подход к разрешению международных конфликтов. Его воззрения основывались на идеях индуизма, буддизма, джайнизма и других религиозно-философских течениях Индии, в основу которых был положен принцип терпимости, стремление к примирению сторон, духовность и равенство [11]. Таким образом, благодаря влиянию Ганди мирное сосуществование и сохранение нейтралитета на долгое время стали неотъемлемыми составляющими внешней политики Индии.

В 1950-х гг. большой вклад в формирование стратегического мышления индийцев внес Неру. За годы руководства страной он неоднократно подчеркивал, что Индия выступает против любого появления агрессии, расизма, колониализма и гонки вооружений. Важнейшими задачами Индии объявлялись укрепление позиций в Южной Азии и недопущение иностранного вмешательства в дела региона, расширение связей с развивающимися странами, а также установление контактов с СССР и США при сохранении нейтралитета в конфликте между ними⁴. Одним из показателей воплощения указанных целей стало включение Индии в Движение неприсоединения (ДН), созданное в 1961 г. на конференции в г. Белград. Идеологическая основа ДН определялась принципами «панча шила»⁵, которые также оказали значительное влияние на стратегическое мышление индийцев.

После распада Советского Союза в 1991 г. и последовавшего разрушения биполярного мироустройства снизилась роль Движения неприсоединения как организации, большинство членов которой отказывалось принимать участие в холодной войне на стороне одного из противоборствующих блоков [3, с. 195–196].

Кроме того, в Индии в 1990-х гг. произошли серьезные изменения во внутривнутриполитической жизни: закончилась монополия на власть партии Индийский национальный конгресс, лидеры которой руководствовались идеями Ганди и Неру. У руля управления государством оказывались разные силы, в т.ч. проиндусская партия Бхаратия джаната парти (БДП) в 1996 и в 1998–2004 гг. В 2014 г. она вновь вернулась к власти, а её лидер Нарендра Моди стал новым премьер-министром.

Таким образом, подходы Ганди и Неру к выстраиванию международных отношений, которые индийские специалисты в области внешней политики (Баджпай Канти, Рахул Санти) называли «идеалистическим» и «прагматическим», сменились новым – «националистическим» [5, с. 21].

При управлении страной Моди опирается на идеологию *хиндутвы*. Термин «хиндутва» впервые был введен в оборот Винаяком Дамодаром Саваркарком. В его интерпретации этот термин означает «индускость» или «принадлежность к территории Хиндустана» [5, с. 22]. Определение «хиндутвы» неоднократно уточнялось и по-разному трактовалось. В самом общем виде хиндутва – это идеология индусского национализма, провозглашающая индусов главной нацией Индии. Хиндутва также подразумевает приоритет национальной культуры над привнесенными извне ценностями.

Зарождение этой идеологии приходится на первую половину XX в., для которой характерен всплеск вражды между индусами и мусульманами Британской Индии, порой приводивший к вооруженным столкновениям. Вместе с тем в свете популярности Ганди, а затем Неру политические силы, верные идеям хиндутвы, на несколько десятилетий оказались на периферии политической жизни. Очередной рост популярности этой идеологии пришелся на 1980-е гг. как ответ на вестернизацию и подъем исламского радикализма в сопредельных Индии странах. Одним из итогов следования БДП политике в духе хиндутвы, в частности, стало заметное ужесточение политики по отношению к индийским мусульманам⁶.

⁴ При этом на протяжении десятилетий среди индийской элиты не утихали споры, какому из двух лагерей (социалистическому или капиталистическому) стоит отдать предпочтение (*прим. авт.*).

⁵ «Пять принципов мирного сосуществования» – взаимное уважение территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование (*прим. авт.*).

⁶ Среди примеров мер, негативно сказавшихся на интересах мусульман, можно привести закон о гражданстве 2019 г., согласно которому мусульманам Пакистана, Бангладеш и Афганистана, мигрировавшим в Индию, не будет предоставлено индийское гражданство, а также ликвидацию в августе 2019 г. ст. № 370 Конституции об автономии индийского штата Джамму

Главные идеологи хиндутвы – В.Д.Саваркар и Мадхав С.Голваркар критиковали учение Ганди о ненасилии. М.С.Голвалкар, например, считал, что ненасилие, привычка стыдиться силы – это слабость, которая подрывает «боевой дух» нации и негативно влияет на её положение на международной арене [13, р. 248].

Некоторая воинственность М.С. Голвалкара отчасти повлияла на современную манеру индийского руководства выстраивать отношения с другими странами. Так, Моди присущи большая настойчивость при отстаивании национальных интересов, ужесточение риторики по отношению к Китаю и Пакистану, которые считаются «главными» геополитическими «противниками», стремление превратить Индию в одного из главенствующих игроков не только в Южной Азии, но и на международной арене. Важнейшей задачей также стало сближение Индии с ведущими державами, в частности США, ради привлечения инвестиций в индийскую экономику с целью её дальнейшего развития.

Вместе с тем, несмотря на некоторые изменения в приоритетах внешней политики Индии, едва ли можно констатировать кардинальную смену внешнеполитического курса и полный отход от принципов неприсоединения и нейтралитета. При этом нейтралитет в трактовке нынешнего лидера Индии вовсе не означает проведение пассивной политики. Принцип нейтралитета подразумевает принятие решений, ставящих во главу угла, прежде всего, национальные интересы.

Проанализировав различные точки зрения, можно подвести итог, что стратегическая культура Индии сложилась под влиянием следующих факторов – религиозно-философская традиция; особенности географического положения (во многом обусловившие фрагментарность государственных образований на Индостане); передача британской короне функции прямого управления Индией в 1858 г., консолидировавшего индийское общество; воззрения М.Ганди и Дж.Неру, видных деятелей национально-освободительного движения; идеи хиндутвы.

СПЕЦИФИКА НАЗВАНИЙ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ ПАКИСТАНА

Как отмечалось выше, по мнению таких исследователей, как А.И. Джонстон, а также Х.-А.Ризви, стратегическое мышление прослеживается в словах и действиях непосредственно государственных деятелей. Поскольку в подавляющем большинстве случаев именно с руководящими лицами согласуются наименования оружия, их можно рассматривать как некое послание, в котором отражены намерения и цели внешней политики той или иной страны. Таким образом, наименования средств ведения боевых действий способны частично отражать их стратегическое мышление.

В целом освещение СМИ новинок вооружения и боевой техники, их тактико-технических характеристик в последние годы стало распространенной мировой практикой. Это нередко обусловлено стремлением руководства той или иной страны оказать эмоциональное воздействие или даже «напугать» потенциальных противников. Буквенно-цифровая комбинация в названиях оружия, как правило, сложна для восприятия неспециалистами. Указанные экстралингвистические факторы способствовали доминированию в названиях вооружения и боевой техники «именного элемента» [2, с. 306]. Это обстоятельство привело к тому, что сегодня выбору «прозвищных» названий для оружия уделяется повышенное внимание.

Рассмотрим влияние стратегического мышления на выбор наименований для оружия Индии и Пакистана, конфликт между которыми является одним из самых продолжительных в новейшей истории. Индийско-пакистанские разногласия послужили причиной четырех войн (1948–1949, 1965, 1971 и 1999 гг.), а также многочисленных перестрелок между пограничными войсками. Кроме того, обе страны сталкиваются и с другими вызовами национальной безопасности.

Прежде всего, речь идет о территориальных разногласиях между Индией и Китаем, что привело к войне в 1962 г. и стало причиной вооруженных инцидентов между двумя странами, например, в 1967, 1987, 2017 и 2020 гг., напряженных отношениях между Пакистаном и Афганистаном, а также террористической угрозе, на протяжении десятилетий дестабилизирующей обстановку в странах Южной Азии.

и Кашмир. Эта статья признавала особый статус гражданина штата – только коренные жители имели право владеть недвижимостью. Это предотвращало «размытие» коренного населения, преимущественно мусульманского, людьми из других штатов Индии. Самого Н.Моди обвиняют в «поддержке» антимусульманских погромов в индийском штате Гуджарат в 2002 г., поскольку на тот период он занимал пост главного министра штата (*прим. авт.*).

В связи с этим Индия и Пакистан уделяют повышенное внимание развитию военно-технического потенциала, совершенствованию и созданию новых средств ведения вооруженной борьбы.

Среди пакистанского оружия можно выделить отдельные ракеты и семейства ракет, в названиях которых фигурируют антропонимы (имена собственные), а именно – имена мусульманских правителей и полководцев. Например, баллистические ракеты малой дальности «*Ghaznavi*» (официальное кодовое название – *Hatf-III*) и средней дальности «*Ghauri*» (*Hatf-V*), крылатые ракеты наземного базирования «*Babur*» (*Babur-I* или *Hatf-VII*, *Babur-I(B)*, *Babur-III*), ракетный комплекс «*Abdali*» (*Hatf-II*).

Семейство ракет «*Ghaznavi*» получило свое название в честь Махмуда Газневида, мусульманского правителя государства Газневидов (998–1030 гг.), который фактически ежегодно совершал грабительские набеги на Индию. Название ракет «*Ghauri*» призвано отметить деятельность правителя Мухаммада Гури, в XII в. предпринявшего серию не только грабительских, но и завоевательных походов на Индию. В 1206 г. его сподвижник Кутб-уд-Дин Айбек стал правителем Делийского султаната, первого государственного образования на территории Северной Индии с мусульманской династией во главе.

Семейство ракет «*Babur*» названо в честь основателя другой мусульманской правящей династии в Индии – Моголов. В названии ракетного комплекса «*Abdali*» запечатлено имя Ахмада-шаха Дуррани или Ахмада-шаха Абдали, основателя Дурранийской империи, который в XVIII в. предпринял ряд военных кампаний против Индии.

Кроме того, с начала 2010-х гг. в Интернете появилась информация, что пакистанские ученые трудятся над созданием межконтинентальной баллистической ракеты с дальностью действия около 7000 км «*Taimur*». Предполагается, что она будет названа в честь правителя из Средней Азии – Тимура (или Тамерлана), в 1398 г. совершившего поход на Дели, в результате которого город был разграблен и сожжен. Вместе с тем отсутствуют какие-либо убедительные доказательства, что пакистанская сторона действительно занимается разработкой этого вида ракет [10].

Основные боевые танки серии «*Al-Khalid*» названы в честь Халида ибн аль-Валида, а танк третьего поколения «*Al-Zarrar*» – в честь Дирара ибн аль-Азвара. Оба деятеля были полководцами и соратниками пророка Мухаммеда. Имя в честь другого сподвижника Мухаммада, Тальхи ибн Убайдуллаха, получил бронетранспортер (БТР) «*Talha*» [8]. Вероятно, БТР «*Saad*» также назван именем близкого соратника пророка, предположительно, Саада ибн Абу Ваккаса.

Название бронетехники отсылает нас к религиозному аспекту. Вместе с тем влияние ислама на номинацию средств ведения вооруженной борьбы не ограничивается заимствованием имен конкретных исторических личностей. В наименованиях некоторых единиц военной техники и вооружения также присутствуют отсылки к религиозным символам. Так, упоминавшееся выше официальное кодовое название ракет «*Hatf*», а также обозначение фрегата «*Zulfiquar*» были даны в честь названия двух мечей Мухаммеда – «Хатф» и «Зульфикар» соответственно [8].

К другой группе наименований можно отнести зоонимы⁷, отраженные в названиях баллистической ракеты «*Ababeel*» (в пер. с персидского – «воробей»), а также семейство ракет «*Shaheen*» (перс. – «орел»); имена, передающие национально-культурную специфику, например, фрегат «*Shamshereer*» (перс. – «коготь льва»), названный в честь персидской сабли; наименования-метафоры, призванные подчеркнуть свойство того или иного вида оружия или боевой техники, например, фрегат «*Saif*» (араб. – «меч») или ракета с лазерным наведением «*Barq*» (араб./перс. – «молния»); громкие названия, напоминающие о цели пакистанской армии, как у баллистической ракеты малой дальности «*Nasr*» (араб. – «победа»).

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НАИМЕНОВАНИЯ ИНДИЙСКОГО ОРУЖИЯ

Отдавая предпочтение названиям на персидском и арабском языках, Пакистан намеренно подчеркивает близость к странам мусульманского мира и дистанцируется от общего исторического опыта с Индией, значительная часть оружия которой носит названия на санскрите или хинди.

Примерами таких наименований могут служить семейства баллистических ракет «*Agni*» (санскрит – «огонь») и «*Prithvi*» (санскрит – «земля»), винтовки «*Vidhwansak*» (санскрит – «разрушитель»), крыла-

⁷ Зооним – существительное, обозначающее какое-либо животное (прим. авт.).

тая ракета «*Nirbhay*» (хинди – «бесстрашный»), гиперзвуковая тактическая ракета «*Shaurya*» (санскрит – «храбрость»), а также зенитный ракетный комплекс (ЗРК) «*Akash*» (хинди – «небо»).

Некоторые названия отсылают нас к прямому назначению вооружения и военной техники. Так, ракеты «*Prithvi*» относятся к классу «земля-земля», предназначение ЗРК «*Akash*» – обеспечение противовоздушной обороны, а названия огнестрельного оружия «*Vidhwansak*», крылатой ракеты «*Nirbhay*» и тактической ракеты «*Shaurya*» явно призваны подчеркнуть их смертоносный и разрушительный характер.

Название же семейства ракет «*Agni*» можно трактовать двояко. С одной стороны, оно отсылает нас к огненной стихии. С другой стороны, Агни – имя древнеиндийского бога огня. Еще одним примером названия, содержащего религиозный аспект, является санскритское наименование ракеты «*Trishul*». В индуистской мифологии тришула (трезубец) – важнейший атрибут бога Шивы, означающий его тройственную природу создателя, хранителя и разрушителя. Наименование индийского противотанкового ракетного комплекса «*Nag*» (санскрит – «кобра» или «змея») также связано с индуистской мифологией. Наги – существа, наполовину люди, наполовину змеи, являются олицетворением мудрости. Модификация южнокорейской самоходной артиллерийской установки (гаубицы) «*K-9 Thunder*» в Индии получила название «*K-90 Vajra-T*», где ваджра – санскритское название оружия древнеиндийского бога войны Индры. Другая индийская гаубица получила имя «*Dhanush*» (санскрит – «лук»), а артиллерийская пушка – «*Sharang*» в честь лука бога Вишну.

В отдельную категорию можно выделить вооружение и боевую технику, в названиях которых встречаются антропонимы. Например, танки «*Arjun*» и «*Bhishma*», названные в честь героев древнеиндийского санскритского эпоса «Махабхарата»; авианосец «*Vikramaditya*», получивший имя легендарного царя, чье царствование в Северной Индии приходится ориентировочно на VI в. до н.э.

Кроме того, для индийских наименований оружия характерно использование топонимов (названий природных объектов). Например, в наименовании крылатой ракеты «*BrahMos*» зашифрованы имена рек Индии и России – Брахмапутры и Москвы. В честь р. Брахмапутра свое имя получил и тип фрегатов, стоящих на вооружении индийских военно-морских сил. Многочисленные классы военных кораблей также названы именами индийских городов, например, типы миноносцев «*Delhi*», «*Kolkata*», «*Visakhapatnam*».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, отсутствие сходства в подходе к присвоению имен вооружению и военной технике отражает разные приоритеты во внешней политике и разное восприятие угроз у Индии и Пакистана, что, в свою очередь, зависит от их стратегического мышления.

Главным источником вдохновения при выборе названий для пакистанского оружия стала вражда с Индией, противостояние индусов и мусульман, а также духовная близость к другим странам исламского мира.

Поскольку все исторические персоналии, чьи имена были выбраны в качестве наименований ракет, известны военными кампаниями против Индии, нередко завершавшимися захватом значительной части её территории, логично было бы предположить, что пакистанское руководство намеренно остановило на них свой выбор. Вероятно, оно стремится оказать «психологическое воздействие» на своего противника, а также акцентировать мощь пакистанского оружия, которое по аналогии с перечисленными выше историческими деятелями способно «нанести поражение» Индии.

Кроме того, такие деятели, как М. Газневид, М. Гури, Бабур сыграли важную роль в распространении ислама в Южной Азии, поэтому выбор их имен в качестве названия ракет можно трактовать как стремление Пакистана подчеркнуть свою роль оплота ислама в регионе в целом и тем самым обозначить связь с другими странам мусульманского мира. Об этом также свидетельствует тот факт, что среди названий вооружения и военной техники встречаются названия священных мусульманских реликвий, а также наименования на персидском и арабском языках.

Такой подход при номинации оружия передает принцип дихотомии «свой-чужой», где под «чужим» понимается Индия, а под «своим» – мусульманский мир. Соответственно, годами подогреваемые пакистанским руководством «опасения», прежде всего, перед Индией, будучи характерным элементом стратегического мышления пакистанцев, нашли свое отражение в наименовании оружия Пакистана.

Разработчики индийского оружия при выборе наименований для различных видов вооружения и военной техники черпали вдохновение, прежде всего, в своей религии, в важнейших древнеиндийских

произведениях, мифологии. Выбор названий для индийского оружия, отражающий особенности национальной культуры, а также отсылающий к прошлому Индии, в частности, периоду, предшествовавшему началу мусульманских завоеваний в Южной Азии, может свидетельствовать о стремлении руководства подчеркнуть независимый характер Индии, её самодостаточность в выборе внешнеполитического курса.

Если подход к присвоению имен оружию в Пакистане намеренно подчеркивает направленность средств ведения боевых действий против Индии, то принцип номинации индийского оружия отражает отсутствие агрессивных намерений против какой-то определенной страны. Это подтверждает широту стратегического мышления индийского руководства, а также общий нейтральный посыл внешнеполитического курса Индии, что, в свою очередь, является проявлением её стратегического культуры.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Белокреницкий В.Я. Внешнеполитический процесс в Пакистане: внутренние и внешние детерминанты. *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1 (10), с. 177–188.
Belokrenickiy V.Y. 2010. Foreign policy processes in Pakistan: Internal and external determinants. *Vestnik MGIMO*. № 1 (10). Pp. 177–188. (In Russ.)
2. Крюкова Е.В. Семантические особенности наименования оружия и техники России и стран НАТО. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 1 (86), с. 305–309.
Kryukova E.V. 2021. Semantic features of the names of weapons and equipment in Russia and NATO countries. *World of Science, Culture, Education*. № 1 (86). Pp. 305–309. (In Russ.)
3. Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1 (10), с. 189–201.
Lunev S.I. 2010. Foreign policy of India and the influence of internal factors on it. *Vestnik MGIMO*. № 1 (10). Pp. 189–201. (In Russ.)
4. Неру Д. Открытие Индии. М.: Изд-во иностранной литературы. 1955.
Neru D. 1955. The Discovery of India. (In Russ.)
5. Шикин В.В., Савичева Е.М. Хиндутва во внешней политике Индии: дань историческому прошлому или смена стратегических ориентиров? *Азия и Африка Сегодня*. 2017. № 1. С. 21–27.
Shikin V.V., Savicheva E.M. 2017. Hindutva in India's foreign policy: a tribute to the historical past or a change in strategic guidelines? *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 21–27. (In Russ.)
6. Fair C.C. 2014. Fighting to the End. The Pakistan Army's Way of War. New York: Oxford University Press.
7. India's Great Power Aspirations. <https://www.livemint.com/Opinion/LgqZJEXQfnf3ad8FpyCyTL/Indias-great-power-aspirations.html> (accessed 10.02.2023)
8. Iwanek K. 2020. Sultans on Wings: The Symbolism of Weapon Names in India and Pakistan. <https://thediplomat.com/2020/03/sultans-on-wings-the-symbolism-of-weapon-names-in-india-and-pakistan/> (accessed 09.02.2023)
9. Johnston A.I. 1995. Thinking about Strategic Culture. *International Security*. Vol. 19, № 4. Pp. 32–64.
10. Joshi P. 2015. What is in name? The politics of naming Pakistani Missiles. <http://www.indiandefencereview.com/what-is-in-name-the-politics-of-naming-pakistani-missiles/> (accessed 08.02.2023)
11. Nandkishor K. India's Strategic Culture – Myth or Reality: An Analysis. file:///C:/Users/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D1%8F/Desktop/Indias_Strategic_Culture_Myth_or_Reality.pdf (accessed 08.02.2023)
12. Rizvi H.-A. Pakistan's Strategic Culture. <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep12079.14.pdf> (accessed 09.02.2023)
13. Sagar R. Jiski Lathi, Uski Bhains. 2014. The Hindu Nationalist View of International Politics. *India's Grand Strategy: History, Theory, Cases*. Routledge.
14. Singh S. 1970. Pakistan's Foreign Policy. New York: Asia publ. house.
15. Tanham K.G. 1992. Indian Strategic Thought. An Interpretive Essay. Santa Monica.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Голубцова Екатерина Вячеславовна, кандидат исторических наук, факультет иностранных языков, Военный университет Министерства обороны РФ им. князя А. Невского, Москва, Россия.

Ekaterina V. Golubtsova, PhD (History), Faculty of Foreign Languages, The Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.02.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 09.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 13.08.2023

ОАЭ в борьбе за региональное лидерство

© Хайруллин Т.Р.^{a,b,c,e}, Коротаев А.В.^{a,d,f}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

^c Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

^d НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^e ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

^f ORCID: 0000-0003-3014-2037; akorotayev@gmail.com

Резюме. В статье анализируется эволюция внешней и внутренней политики Объединенных Арабских Эмиратов со времени образования государства по настоящее время. Продemonстрировано, что практически непрерывный экономический рост способствовал привлечению в страну крупных инвестиций и превращению ОАЭ в ведущий финансовый центр арабского мира. Достижению такого успеха сопутствовал ряд факторов: эффективное управление, предприимчивость элит, а также взаимовыручка двух ведущих эмиратов – Абу-Даби и Дубая. Более того, достигнутая экономическая мощь, сопоставимая с мощью Саудовской Аравии, позволила Эмиратам включиться с борьбу за региональное лидерство в период событий «арабской весны». Важным представляется использование ОАЭ силовых инструментов, которые убедительно проявились в ливийском, сирийском и йеменском кризисах. Отметим, что до «арабской весны» ОАЭ были сосредоточены на укреплении региональных позиций посредством мирной дипломатии и опоры на финансовые ресурсы. При проведении исследования были использованы системный и количественный методы.

Ключевые слова: ОАЭ, арабский мир, «арабская весна», Абу-Даби, Дубай, региональное лидерство, нестабильность

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 27–35. DOI: 10.31857/S032150750027592-3

UAE in the Struggle for Regional Leadership

© Timur R. Khairullin^{a,b,c,e}, Andrey V. Korotayev^{a,d,f}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

^d HSE University, Moscow, Russia

^e ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

^f ORCID: 0000-0003-3014-2037; akorotayev@gmail.com

Abstract. The article analyzes the evolution of the foreign and domestic policy of the United Arab Emirates from the moment of the formation of the state to the present. The formation of the UAE coincided with the rise in prices for hydrocarbons in the early 1970s, which allowed the state to attract foreign qualified personnel for the development of advanced sectors of the economy. It has been demonstrated that almost continuous economic growth has contributed to attracting large investments to the country and turning the UAE into the leading financial center of the Arab world. A number of factors contributed to the achievement of such success: effective management, entrepreneurial spirit of the elites, as well as mutual assistance of the two leading emirates – Abu Dhabi and Dubai. Moreover, the economic power achieved, comparable to the power of Saudi Arabia, allowed the Emirates to join the struggle for regional leadership during the events of the Arab Spring. It is important to use the UAE's power tools, which were vividly demonstrated in the Libyan, Syrian and Yemeni crises. Systematic and quantitative methods were used in the study.

Keywords: UAE, Arab world, Arab Spring, Abu Dhabi, Dubai, regional leadership, instability

For citation: Khayrullin T.R., Korotayev A.V. UAE in the Struggle for Regional Leadership. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 27–35. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027592-3

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) стали играть заметную роль в системе международных отношений не только в регионе Ближнего Востока, но и в мире. Продолжительное время не выделявшиеся на фоне монархий Персидского залива, сегодня ОАЭ оказывают влияние на мировые процессы дипломатического, политического, экономического и технологического характера. Этому способствует конкуренция за региональное лидерство как между монархиями Персидского залива в лице Саудовской Аравии и Катара, так и за его пределами – в лице Египта, Турции и Ирана.

ФОРМИРОВАНИЕ ОАЭ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОАЭ были основаны в декабре 1971 г. как федерация 7 эмиратов (Абу-Даби, Дубай, Фуджейра, Шарджа, Умм-эль-Кувейн, Аджман, Рас-эль-Хайма). До образования федерации эмираты в достаточно разобщенном состоянии находились под протекторатом Великобритании. Долгое время основными источниками доходов были ловля рыбы, добыча жемчуга и кочевое сельское хозяйство. Однако, после того как на рубеже XIX–XX вв. Япония разработала метод искусственного выращивания жемчуга, экономика будущих монархий Залива стала испытывать кризисные явления. Принципиальное изменение ситуации произошло в 1950-е гг., когда были обнаружены запасы нефти и газа [1, с. 12–13]. Впоследствии это привело к постепенной диверсификации экономики и освоению новых отраслей экономики – развитию туристической индустрии, строительства, бизнес-консультирования и т.д.

ОАЭ потребовалось около 20 лет, чтобы преодолеть племенные разногласия между эмиратами и заложить основу для экономического, политического и культурного роста. В первую очередь представлялось важным сформировать чувство гражданской общности внутри эмиратов, чтобы в случае любого рода мобилизации население ОАЭ воспринимало себя не как граждан отдельных эмиратов, а как единый народ ОАЭ. Поэтому руководство страны скептически и с опаской относилось к любого рода проектам регионального масштаба, построенным на панарабской или панисламской платформах.

Ключевой фигурой в процессе становления государства выступил правитель эмирата Абу-Даби Зайед бин Султан аль-Нахайян. Он был избран президентом ОАЭ и правил страной вплоть до своей смерти 2 ноября 2004 г. На посту его сменил старший сын – Халифа бин Заид аль-Нахайян. Поскольку изначально Абу-Даби и Дубай были более развитыми эмиратами, они стали ядром формирования объединенного государства, правитель Дубая традиционно является премьер-министром и вице-президентом федерации [2].

Рост нестабильности на Ближнем Востоке постоянно вынуждал Эмираты неуклонно и систематически разрабатывать упреждающую стратегию в партнерстве с ключевыми региональными и международными союзниками для обеспечения своей безопасности и внутренней стабильности. Первое время ОАЭ не играли заметной военной роли в регионе. Их вооруженные силы развивались медленно и были ориентированы на обеспечение основных аспектов национальной безопасности. В 1970-е и 1980-е гг. арабская стратегия, в т.ч. в регионе Персидского залива, в целом рассматривала Иран и Израиль как основные вызовы безопасности. Спор между ОАЭ и Ираном по поводу трех островов в Персидском заливе помог укрепить идею, что Иран несет основную угрозу безопасности для ОАЭ. Такая позиция была резко осложнена вторжением Ирака в Кувейт в августе 1990 г. Вместе с другими членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) ОАЭ решительно поддерживали Ирак во время его конфликта с Ираном в 1980-е гг. Ирак при Саддаме Хусейне рассматривался как важный бастион против потенциальных иранских угроз.

Участие ОАЭ в военных действиях международных коалиций, проводимых в основном под руководством США, имело единичный и символический характер: Сомали в 1992 г., Балканы в конце 1990-х гг., Афганистан в начале 2003 г.¹ Партнерство ОАЭ с США укрепилось после терактов 11 сентября 2001 г., что сделало Эмираты ближайшим союзником Вашингтона в Персидском заливе в рам-

¹ <https://www.uae-embassy.org/uae-us-cooperation/security> (accessed 16.04.2023)

ках обширного военного и разведывательного сотрудничества с глубокими экономическими связями в качестве важного рынка США на Ближнем Востоке.

В целом с момента своего становления ОАЭ пытались обеспечивать свою государственную безопасность, вступая в разного рода союзы и договоры о коллективной безопасности. ОАЭ и другие монархии Залива создали ССАГПЗ, в котором роль локомотива играла Саудовская Аравия. В качестве основных инструментов Абу-Даби использовал экономические и дипломатические, избегая силового решения проблем.

Однако революционные события «арабской весны» коренным образом изменили конфигурацию сил в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Помимо традиционных игроков в лице Саудовской Аравии, Египта и Ирана, появились новые, такие как Катар, ОАЭ и Турция. Формирование катарско-турецкого альянса, бросившего вызов усиливающейся роли Саудовской Аравии в регионе (подробнее см.: [3]), вынудило ОАЭ выступить на стороне саудовцев и сформировать тактический союз для противодействия Дохе и Анкаре.

Сближение ОАЭ с Саудовской Аравией говорит о схожести позиций по ряду вопросов. Оба государства выступают против транснациональной организации «Братья-мусульмане» и их идеологии умеренного исламизма, которая противоречит доминирующей в монархиях Персидского залива идеологии – ваххабизму. Однако если впоследствии Саудовская Аравия временно смягчила свое отношение к «Братьям-мусульманам», то ОАЭ продолжали выступать против любого вида исламизма, считая его источником терроризма и нестабильности [4]. Более того, опора катарско-турецкого альянса на «Братьев-мусульман» и аффилированные с ними движения в период «арабской весны» существенно обострила отношения саудовско-эмиратского союза с Дохой и Анкарой [3]. Помимо прочего, экономическая модель Катара рассматривается ОАЭ как конкурентная, поскольку именно Абу-Даби и Дубай стремятся занять роль одного из центров экономического, информационного и технологического развития мирового уровня.

Одним из факторов, стимулирующих формирование Эмиратами самостоятельной политики по обеспечению государственной безопасности и укреплению своих позиций, стало отсутствие твердой позиции США в отношении авторитарных режимов в регионе. Более того, уход США из Ирака и последующий переход Багдада к более широкому сотрудничеству с Ираном заставили ОАЭ активизировать усилия по «сдерживанию» влияния Ирана и обеспечению региональной стабильности.

Отметим, что для осуществления полномасштабных действий, направленных на обеспечение безопасности и укрепление позиций в регионе, необходимы значительные финансовые ресурсы. Если в финансовой мощи и потенциале Саудовской Аравии сомневаться не приходится, то пример ОАЭ требует более тщательного анализа возможностей и запасов прочности государства.

СЕКРЕТ УСПЕХА ОАЭ

Объединенные Арабские Эмираты – одна из самых маленьких стран мира как территориально, так и демографически, но также и одна из самых богатых: располагая приблизительно 8,9% доказанных остаточных запасов нефти в мире, она выступает одним из важнейших экспортеров нефти². При этом уже сегодня нефтегазовая промышленность в ОАЭ не является полностью доминирующей сферой экономики. Доходы от экспорта углеводородов направляются на развитие наукоемких технологий, которые впоследствии должны снять зависимость страны от нефти и газа.

Региональные амбиции и финансово-экономическая мощь ОАЭ являются следствием особенностей странового развития государства. Вплоть до середины XX в. ОАЭ были жарким пустынным районом, небольшим и относительно малонаселенным. После наступления в первой половине XX в. кризиса, связанного с добычей жемчуга, эмираты находились в состоянии неопределенности и племенных противоречий. Однако проблемы стали уходить в прошлое после открытия и разработки месторождений нефти во второй половине прошлого века [17]. Поток нефтедолларов позволил привлекать в страну квалифицированных специалистов из самых передовых отраслей экономики. ОАЭ добились значительных успехов в развитии благодаря политической стабильности, безопасности, социальным программам, развитой инфраструктуре, а также благодаря реализуемым экономическим и финансовым страте-

² OPEC Share of World Crude Oil Reserves, 2021. 14.04.2023. https://www.opec.org/opec_web/en/data_graphs/330.htm (accessed 14.04.2023)

гиям, основанным на экономической свободе, поощрении инвестиций и диверсификации источников национального дохода³.

Секрет успеха ОАЭ заключается в двуединстве эмиратов – Дубая и Абу-Даби. Традиционно Дубай славился своей торговой предприимчивостью и наличием купеческих кланов, превратившихся впоследствии в экономическую элиту государства. В свою очередь, Абу-Даби отличался доминированием военно-административных элит и представлял собой политико-административный центр, центр консолидации силовых и управленческих кадров. Неслучайно правитель Абу-Даби – президент, в то время как правитель Дубая – вице-президент, а также премьер-министр. Более того, оказание эмиратами помощи друг другу в критических ситуациях обеспечило процветание и экономический рост федерации.

К примеру, после того как в 2008 г. разразился глобальный финансово-экономический кризис, фондовый рынок Дубая попал под угрозу краха. Это существенным образом повлияло на снижение уровня ВВП. Причина заключалась в активном вовлечении Дубая в индустрию недвижимости и её строительства, а поскольку она существенно пострадала из-за обвала экономики США, это привело к цепной реакции, затронувшей развивающиеся экономики монархий Персидского залива, в т.ч. ОАЭ.

Падение цен на недвижимость более чем на 40% вызвало резкое снижение инвестиционной активности. Невозможность продать недвижимость из-за низкой рентабельности создало условия, при которых долговые обязательства Дубая перед инвестиционными компаниями возросли примерно до \$90 млрд [5]. Ситуация усугубилась временным падением цен на углеводороды. Крах экономики Дубая мог привести к экономическому коллапсу ОАЭ и торгово-экономической дестабилизации по всему региону Ближнего Востока. Ситуацию удалось купировать благодаря усилиям соседнего эмирата Абу-Даби, который выделил \$20 млрд, чтобы Дубай вышел из финансового кризиса [6].

Более частный пример касается строительства самого высокого (828 м) в мире сооружения – небоскреба Бурдж Халифа [18, с. 14]. Как и при любом крупном строительном проекте, непредвиденные проблемы возникали, когда строительство было в самом разгаре. К ним относятся несоблюдение графика, вызванное изменениями в проекте, банкротство подрядчика по облицовке, влияние глобального кредитного кризиса на поставщиков и подрядчиков проекта. Финансовая поддержка и поручительство со стороны Абу-Даби позволили закончить строительство башни к 2010 г. вместо запланированного 2008 г.⁴ Примечательно, что до вмешательства Абу-Даби предполагалось, что небоскреб будет иметь название Бурдж Дубай, но в итоге он был назван по имени эмира Абу-Даби (и одновременно президента ОАЭ) Халифы ибн Заида Аль Нахайяна.

Таким образом, взаимовыручка двух ведущих эмиратов помогает ОАЭ избежать коллапса в финансово-экономических проектах, обеспечивая тем самым благоприятный инвестиционный климат в государстве. Вместе с тем это помогает Дубаю выполнять некоторые до авантюристичности креативные проекты, которые в конечном счете способствуют превращению эмиратов в глобально признанный финансовый, коммуникационный, туристический и инновационный центр.

Несмотря на консервативные традиции, ОАЭ активно декларируют расширение прав и свобод человека, равноправие между мужчиной и женщиной.

С одной стороны, политические партии запрещены, а многие гражданские свободы, такие как свобода слова, собраний и ассоциаций, существенно ограничены. Страна имеет низкие оценки по таким индексам, как шкала «Свобода в мире» НПО *Freedom House*, по которым ОАЭ постоянно классифицируется как «несвободное» государство⁵. С другой – нет никаких свидетельств широкого недовольства среди населения. Напротив, по другим индексам, таким как индекс уровня счастья в докладах ООН, ОАЭ в 2017 г. заняли 21-е место в мире.

Лидеры Эмиратов откровенно заявляют, что страна не стремится стать демократией западного образца [7]. При этом в стране один из самых высоких ВВП на душу населения, высокий уровень средней продолжительности жизни, низкий уровень коррупции, обеспечивается свобода принятия решений, социальная поддержка со стороны государства. Именно эти показатели лежат в основе докладов ООН об уровне счастья.

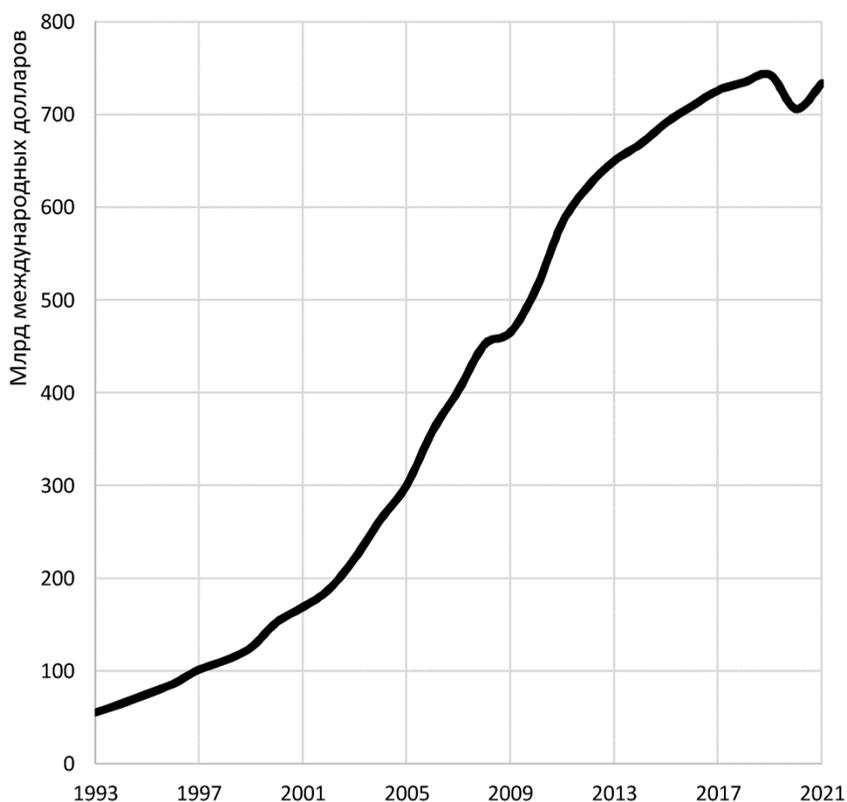
³ UAE: a success story that combines human genius with the feature of location. 11.02.2016. <https://rawabetcenter.com/en/?p=309> (accessed 16.04.2023)

⁴ <https://www.meed.com/how-burj-dubai-contractors-met-the-building-challenge/> (accessed 16.04.2023)

⁵ <https://freedomhouse.org/country/united-arab-emirates/freedom-world/2017> (accessed 12.04.2023)

Наличие этих благоприятных факторов добавило привлекательности стране. Это отразилось на численности её населения – она составляла около 300–350 тыс. человек на момент основания государства, с тех пор показывает уверенный и непрерывный рост (за исключением кратковременных замедлений), а в период с 2005 по 2010 г. демонстрировала колоссальные темпы роста, приведшие к увеличению численности населения более чем вдвое – с 4 до 8,5 млн человек⁶ (прежде всего, за счет трудовой иммиграции).

Руководство ОАЭ всё чаще рассматривает образование и продвижение женщин на рабочем месте как необходимое, а не факультативное. Образование, трудоустройство и участие женщин в трудовой деятельности в ОАЭ всерьез началось в 2005 г. с программы, основанной на ст. 55 и 56 Закона о государственной службе, которая предусматривала продолжительный отпуск по беременности и родам, а также устраняла гендерную дискриминацию в отношении женщин в государственном секторе⁷. На сегодняшний день ОАЭ – одна из немногих стран на Ближнем Востоке, где женщины полностью допущены к работе в высокооплачиваемых профессиях, таких как финансы и банковское дело.

**График. Динамика ВВП ОАЭ в 1993–2018 гг. (млрд международных долл. 2011 г. по ППС).
Graph. Dynamics of UAE GDP 1993–2018 (bln international dollars 2011 by PPP).**

Источник: Maddison Project Database 2023. 18.04.2023.

<https://rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018>; World Bank. 2023. GDP, PPP (constant 2017 international \$) World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD> (accessed 20.02.2023)

Благодаря стратегическому планированию внутреннего развития ОАЭ сумели поднять на мировой уровень такие секторы, как туризм, логистика, IT-технологии, робототехника, авиасообщение с создани-

⁶ UNPD 2022. United Nations Population Divisions Databases. 16.04.2023. [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT_REV1.xlsx) (accessed 16.04.2023)

⁷ См.: https://ohchr.org/sites/default/files/lib-docs/HRBodies/UPR/Documents/Session3/AE/UPR_UAE_ANNEX3_E.pdf (accessed 20.04.2023)

ем крупнейших аэропортов и развитой инфраструктуры. Отдельного внимания заслуживает космическая программа ОАЭ, которая по своим масштабам и технологическому уровню позволяет включить Эмираты в десятку стран, активно занимающихся освоением космоса. Более того, ОАЭ были в числе государств-лидеров, отправивших исследовательскую аппаратуру на Марс одновременно с США и Китаем [8].

Развитие передовых технологий и привлечение в страну высококвалифицированных специалистов, а также крупные инвестиции позволили ОАЭ достичь небывалого экономического роста. Это наглядно видно на *графике*.

Данные *графика* показывают, что начиная с 1990-х гг. ОАЭ (с некоторой заминкой в 2008–2009 гг. в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом) вплоть до событий «арабской весны» и после неё демонстрируют непрерывный экономический рост, позволивший Эмиратам проявить свои амбиции и включиться в борьбу за региональное лидерство.

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ АМБИЦИЙ

В период событий «арабской весны» ОАЭ приложили большие усилия, чтобы противостоять двум основным региональным вызовам – Ирану, а также исламистским движениям, в первую очередь, «Братьям-мусульманам» и аффилированным с ними группировкам, поддерживаемым Катаром и Турцией.

ОАЭ принимали участие в возглавлявшейся США кампании по свержению ливийского лидера Муаммара Каддафи в 2011 г., предоставив 6 истребителей *F-16* и 6 истребителей «Мираж» в рамках воздушной операции НАТО [9]. В 2014 г. в ходе начавшейся второй волны гражданской войны в Ливии ОАЭ выступили на стороне военных во главе с Х.Хафтаром против исламистских сил – местного отделения «Братьев-мусульман».

Для ОАЭ любого рода исламистские движения представляют экзистенциальную угрозу в форме внутренней подрывной деятельности, региональной дестабилизации или массового терроризма. В отличие от некоторых своих соседей и партнеров, ОАЭ не акцентируют внимание на различиях между более и менее радикальными исламистами или между группами, прибегающими к насилию, и теми, которые просто поддерживают элементы исламистской идеологии.

В целом ОАЭ враждебно относятся ко всему комплексу позиций, которые связывают все радикальные суннитские исламистские группы, от «Братьев-мусульман» до «Аль-Каиды» и ИГИЛ, большинство из которых также разделяют шиитские движения, такие как «Хезболла» и иракские вооруженные шиитские группировки. Таким образом, все эти группы, а также симпатизирующие им, независимо от того, прибегают они непосредственно к насилию или нет, могут рассматриваться или официально считаться правительством ОАЭ террористическими организациями. Партнерство Эмиратов с Саудовской Аравией, и без того довольно прочное из-за ряда общих интересов и их существующего союза в странах Персидского залива, еще больше укрепилось во время «арабской весны».

Падение режима Хосни Мубарака в Египте в 2011 г. и приход к власти представителей «Братьев-мусульман» в июне 2012 г. вызвали отрицательную реакцию со стороны ОАЭ и Саудовской Аравии. Саудовцы и эмиратцы приложили немало усилий, чтобы при опоре на военных и местные бизнес-элиты свергнуть исламистское правительство в ходе «революции 30 июня» и «переворота 3 июля». В результате к власти пришли военные во главе с Абдуль Фаттахом ас-Сиси, которые получили финансовую поддержку от монархий Залива (за исключением Катара) в размере около \$12 млрд [10]. Помимо Ливии и Египта, ОАЭ при активном участии Саудовской Аравии способствовали ослаблению позиций умеренных проихванских исламистов в Сирии, Тунисе, Марокко и Иордании [11].

В йеменском кризисе ОАЭ приняли участие в интервенции под руководством Саудовской Аравии, которая началась в марте 2015 г. и была направлена, прежде всего, против хуситов (подробнее см.: [17]). Отметим, что впоследствии стратегия ОАЭ стала отличаться от политики Саудовской Аравии, особенно вследствие болезненных потерь эмиратских подразделений. В отличие от саудовцев, считавших главной угрозой хуситов и их покровителя в лице Ирана, ОАЭ главной угрозой считали местное отделение «Братьев-мусульман», партию Аль-Ислах. Поэтому в ходе интервенции Эмираты довольно скоро стали поддерживать местные салафитские группировки, а также южнойеменских сепаратистов с целью своего укрепления в Южном Йемене [12].

Значительное укрепление военно-политического присутствия ОАЭ произошло в регионе Африканского Рога. Абу-Даби посредством дипломатических, финансовых и военных рычагов оказал серьезное

давление на Сомали, Эритрею и Судан, чтобы те ослабили взаимодействие с Ираном, а также приступили к совместной борьбе против исламистских сил [13].

Побережье Африканского Рога имеет стратегическое значение, поскольку является связующим звеном между Индийским океаном и Средиземным морем, а также обеспечивает доступ для осуществления контроля над Баб-эль-Мандебским проливом и южной частью Аравийского полуострова (в частности, Йемена) с целью недопущения получения хуситами военной поддержки морем. В декабре 2016 г. ОАЭ подписали возобновляемый 25-летний контракт на создание военно-воздушной базы в Бербере на побережье Сомалиленда⁸.

ОАЭ также являются основным членом возглавляемой США коалиции по «ослаблению и окончательному разгрому» ИГИЛ и в начале кампании проводили авиаудары по этой группировке в Сирии. К концу 2015 г. по количеству авиаударов, нанесенных по объектам ИГИЛ в Сирии, ОАЭ уступали только Соединенным Штатам [14]. Кроме того, ОАЭ присоединились к Египту в попытках продвигать неисламистские политические силы внутри сирийской оппозиции в качестве альтернативы влиятельным исламистским и экстремистским группировкам.

В поддержку своей региональной военной роли ОАЭ в последние годы участвовали в многочисленных совместных кампаниях, связанных с военными учениями. В частности, вооруженные силы ОАЭ присоединились в 2016 г. к совместным военным учениям *Desert Tiger 2* с Малайзией⁹, совместным воздушным учениям *Desert Eagle II* с Индией¹⁰, совместным военным и военно-морским учениям *Khalifa II* с Египтом¹¹.

Помимо активного использования политических, силовых и финансово-экономических инструментов в борьбе за региональное лидерство, ОАЭ продемонстрировали владение приемами дипломатии. В частности, в 2011 г. эмиратские дипломаты активно боролись с Турцией, Катаром и Саудовской Аравией за предоставление своей территории для переговоров между движением «Талибан» и США. Конкуренция продолжалась и за право предоставления представительства для талибов [15].

Во время дипломатического кризиса 2017 г. вокруг Катара ОАЭ придерживались наиболее конфронтационной позиции. Даже после кризиса, завершившегося подписанием мирного соглашения в январе 2021 г. между Катаром и арабскими монархиями во главе с Саудовской Аравией, ОАЭ не спешили присоединяться к соглашению и позднее остальных приступили к нормализации отношений с Дохой.

ОАЭ также отличились выстраиванием дружественных отношений с Израилем в 2020 г. в обход т.н. мирной инициативы по урегулированию арабо-палестинского противостояния, выдвинутой монархиями Залива во главе с Саудовской Аравией [16]. Отметим, что вслед за ОАЭ мирное соглашение с Израилем подписал Бахрейн, не встретивший впоследствии осуждения со стороны Эр-Рияда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время ОАЭ являются развитым государством арабского мира с одним из самых открытых и толерантных обществ. Гарантируется свободное исповедование всех религий, а также растет роль женщин в социальных и политических проектах государства. В военном отношении ОАЭ создали непропорционально мощные и технологически продвинутые вооруженные силы, включающие передовые военно-воздушные силы, силы специального назначения. К военной мощи добавляются огромные возможности «мягкой силы», которую Эмираты используют для продвижения своих интересов и расширения своего влияния посредством глобальной помощи, а также в публичной дипломатии благодаря своему большому международному авторитету в таких областях, как образование, наука и технологии, спорт, культура, искусство.

⁸ UAE Military Presence Expands in Africa. 21.12.2016. <https://tesfanews.net/uae-military-presence-expands-in-africa/> (accessed 14.04.2023)

⁹ <https://www.emirates247.com/news/uae-malaysia-joint-military-exercises-conclude-2016-05-05-1.629317> (accessed 16.04.2023)

¹⁰ After Flexing Military Muscle in Gulf with Flotilla, India Now Conducts Air Exercises. 28.05.2016. <https://timesofindia.india-times.com/india/after-flexing-military-muscle-in-gulf-with-flotilla-india-now-conducts-air-exercises/articleshow/52474395.cms> (accessed 12.04.2023)

¹¹ <https://english.ahram.org.eg/NewsContentP/1/199790/Egypt/Egypt-and-UAE-continue-joint-naval-exercise-in-Ara.aspx> (accessed 16.04.2023)

Если в первые десятилетия после образования ОАЭ, особенно правящая семья Абу-Даби, делали упор на использование технологий, иностранной рабочей силы и других средств, чтобы компенсировать относительно небольшое население, то сегодня Эмираты, особенно Дубай, представляют собой глобальный коммерческий и финансовый центр, решивший проблему относительной нехватки материальных ресурсов и небольшой численности населения. Остальные эмираты, в первую очередь Шарджа, находятся на активной стадии экономического, культурного и политического роста.

Волна беспорядков, охватившая арабский мир, ослабила позиции таких игроков, как Египет и Сирия, выдвинув на первый план монархии Персидского залива, возглавляемые Саудовской Аравией. Важно, что в период «арабской весны» ОАЭ уже обладали достаточным военным, финансовым, дипломатическим и культурным потенциалом, чтобы включиться в борьбу за влияние в региональном масштабе. При этом ключевыми элементами национальной безопасности ОАЭ продолжают оставаться поддержание партнерства с Саудовской Аравией; сохранение тесных партнерских отношений с США; максимальное вовлечение в мировую экономику; развитие мощного технологического потенциала национальной безопасности, особенно в области разведки и кибербезопасности; оказание решительного противодействия всем разновидностям политического ислама; особая позиция по региональной повестке Ирана; использование финансовых ресурсов для распространения своего влияния на региональном и международном уровнях; поддержание прочных партнерских отношений со своими союзниками по ССАГПЗ; стремление к укреплению региональных позиций с помощью широкого спектра средств.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сейранян Б.Г., Исаев В.А., Филоник А.О. Становление государственности Аравийских монархий. М.: ИВ РАН, 2013. 180 с. ISBN 978-5-89282-563-4
Seiranyan B.G., Isaev V.A., Filonik A.O. 2013. The formation of the statehood of the Arabian monarchies. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-89282-563-4
2. Rugh A.B. 2007. *The Political Culture of Leadership in the United Arab Emirates*. Palgrave Macmillan.
3. Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 2–9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2
Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. 2019. New Alliance in the struggle for leadership in the Arab region. *Asia and Africa today*. № 10. Pp. 2–9. (In Russ.). DOI 10.31857/S032150750006519-2
4. Ibish H. 2017. The UAE's evolving national security strategy. Arab Gulf States Institute in Washington. *Issue Paper*. Vol. 4.
5. Hasan Z. 2010. Dubai Financial Crisis: Bailout and After. A Case Study. *Journal of Islamic Banking and Finance*. № 26397.
6. Islam M. 2009. The Dubai Debt Debacle: Likely Impact on South Asia. Institute of South Asian Studies.
7. Helliwell J., Layard R., Sachs J. World Happiness Report 2017. 14.04.2023. https://wellbeingintlstudiesrepository.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=hw_happiness (accessed 14.04.2023)
8. Мелкумян Е.С. Космическая деятельность ОАЭ: разрушение стереотипов. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. № 5, с. 78–87. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-78-87
Melkumyan E.S. 2022. United Arab Emirates Space Activity: Breaking the Stereotypes. *World Economy and International Relations*. № 5. Pp. 78–87. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-78-87
9. O'Brien E., Sinclair A. *The Libyan War: A Diplomatic History*. February–August 2011. New York.
10. Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кожанов Н.А., Мардасов А.Г., Семенов К.В., Хайруллин Т.Р. Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: ЛЕНАНД, 2019, 256 с. ISBN 978-5-9710-6798-6
Vasiliev A.M., Issaev L.M., Korotayev A.V., Kozhanov N.A., Mardasov A.G., Semenov K.V., Khairullin T.R. 2019. Struggle for the Middle East. Regional actors in the context of the reconfiguration of the Middle East conflict. Moscow. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-6798-6
11. Хайруллин Т.Р. Борьба за лидерство в Арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М., ИАФР РАН, 2019. 214 с. ISBN 978-5-91298-243-9
Khairullin T.R. 2019. The Struggle for Leadership in the Arab region. Do Islamists have a chance? Moscow. 214 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-243-9
12. Freer C. 2016. *Is the UAE's Fear of the Muslim Brotherhood Driving Its Yemen Strategy?* London.
13. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Катарско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 29–36. DOI: 10.31857/S032150750019730-5

- Khairullin T.R., Korotayev A.V. 2022. Qatari-Turkish and Saudi-Emirati Bloc: struggle for influence in Sudan. *Asia and Africa today*. № 4. Pp. 29–36. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750019730-5
14. Chandrasekaran R. 2014. In the UAE, the United States Has a Quiet, Potent Ally Nicknamed ‘Little Sparta’. 09.11.2014. https://www.washingtonpost.com/world/national-security/in-the-uae-the-united-states-has-a-quiet-potent-ally-nicknamed-little-sparta/2014/11/08/3fc6a50c-643a-11e4-836c-83bc4f26eb67_story.html (accessed 12.04.2023)
15. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Борьба между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком за влияние в Афганистане. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 2. С. 240–252. DOI: 10.31249/kgt/2022.02.13
- Khairullin T.R., Korotayev A.V. 2022. The struggle between Qatari-Turkish and Saudi-Emirati bloc for influence in Afghanistan. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. № 2. Pp. 240–252. (In Russ.). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.13
16. Мелкумян Е.С. Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации. *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. Т. 14. № 2. С. 107–118. DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118
- Melkumyan E.S. 2021. Israel in the UAE’s Foreign Policy: from confrontation to normalization. *MGIMO Review of International Relations*. № 2. Pp. 107–118. (In Russ.). DOI 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118
17. Васильев А.М. Персидский залив в эпицентре бури. М.: Политиздат, 1983. 288 с.
- Vasiliev A.M. 1983. The Persian Gulf at the epicenter of the storm. Moscow. (In Russ.)
18. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. 670 с. ISBN 978-5-227-07511-6
- Vasiliev A.M. 2018. From Lenin to Putin. Russian Middle East Policy. Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-227-07511-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Хайруллин Тимур Радикович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, ИАФР РАН; доцент кафедры африканистики и арабистики РУДН им. Патриса Лумумбы; старший преподаватель Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Timur R. Khairullin, PhD (Political Science), Senior Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Associated Professor, Department of African and Arabic Studies, Patrice Lumumba RUDN University; Senior Lecturer, Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, ИАФР РАН, Москва, Россия.

Andrey V. Korotayev, Dr.Sc. (History), Professor, Director, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Principal Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.04.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.06.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.07.2023

Operation Safe Corridor – программа дерадикализации исламистов в Нигерии в оценках современных африканских ученых

© Нефляшева Н.А.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9968-0883; innef@mail.ru

Резюме. Статья посвящена анализу работ современных африканских ученых, изучающих одну из действующих программ дерадикализации исламистов «Боко Харам» в Нигерии – *Operation Safe Corridor*. Программа действует с 2016 г., состоит из четырех этапов. Ученые поддерживают необходимость применения государством «мягкой силы» наряду с силовыми операциями и отмечают успехи программ дерадикализации. По их мнению, системными недостатками программы являются преобладающая роль военных в управлении программой; непрозрачность управления ею для общества; амнистия бывших террористов без правосудия. Одна из ключевых проблем реализации программы – реинтеграция бывших боевиков в местные сообщества, их отторжение и стигматизация обществом. Отсутствие механизмов, обеспечивающих вовлечение общественных и религиозных лидеров сообществ в разработку программы, нивелирует её цели. Ученые отмечают, что концепция программы не находит поддержки у многих политиков Нигерии. Наконец, боевики, прошедшие программу дерадикализации, не могут вписаться в экономические реалии и найти себе применение. При экономических проблемах в Нигерии вероятны риски их возвращения в террористическую группу.

Ключевые слова: Нигерия, дерадикализация, *Operation Safe Corridor*, «Боко Харам», реинтеграция

Для цитирования: Нефляшева Н.А. *Operation Safe Corridor* – программа дерадикализации исламистов в Нигерии в оценках современных африканских ученых. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 36–44. DOI: 10.31857/S032150750027599-0

The Program of Deradicalization of Islamists “Operation Safe Corridor” in Nigeria: Evaluation by Contemporary African Scholars

© Naima A. Nefliasheva^а, 2023

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9968-0883; innef@mail.ru

Abstract. The problem of deradicalization programs for Islamists in Nigeria has taken an important place in the studies of the modern African scholars. The article is devoted to the study of the works of contemporary African authors related to the Operation Safe Corridor program. The authors of the works selected for analysis note that the state’s forceful responses and military operations should coexist with the concept and practices of “soft power”. Scholars argue that the Operation Safe Corridor program has structural flaws. These, according to the authors, include the predominant role of the military in program management; non-transparency of program management for society; amnesty for former terrorists without justice. One of the key problems of the program is the reintegration of the former fighters into local communities. The lack of mechanisms to ensure the involvement of public and religious community leaders in the development of a deradicalization program often undermines the goals of the program. The economic dimension of the program, according to scientists, is very important. There are risks for former terrorists returning to the terrorist group due to economic problems, poverty and unemployment.

Keywords: Nigeria, deradicalization, Islamism, Boko Haram, reintegration, Operation Safe Corridor

For citation: Nefliasheva N.A. The Program of Deradicalization of Islamists “Operation Safe Corridor” in Nigeria: Evaluation by Contemporary African Scholars. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 36–44. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027599-0

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблематики дерадикализации исламистов подтверждается современной мировой повесткой: опыт стран Европы, Ближнего Востока, Африки показал, что силовой подход и масштабные контртеррористические военные кампании, направленные на борьбу с экстремистами, дают кратковременный, но не долгосрочный эффект. Ликвидированные в ходе боевых операций лидеры и группы сменяются новыми, практики внесудебного насилия трансформируются и принимают новые формы. В этих условиях концепция сочетания силового подхода с «мягкой силой» стала находить всё больше сторонников среди политиков и экспертов. В широких концептуальных рамках «мягкой силы» в разных странах работают и программы дерадикализации.

Мы разделяем подход ученых, считающих, что дерадикализация – это процесс изменения не только поведения человека, его отказ от применения насилия, но и изменение его системы убеждений, отказ от экстремистской идеологии и принятие основных общечеловеческих ценностей. Дерадикализация включает превентивные меры, направленные на формирование благоприятной среды, а также стратегии реабилитации и реинтеграции людей, прошедших программы дерадикализации.

Нигерия, одна из нестабильных стран, где реализуются программы дерадикализации исламистов, является самой густонаселенной страной Африки: по данным на 2020 г. здесь проживало 210 млн чел. (сейчас 220 млн – *прим. ред.*), из них мусульман – 75 млн.

По данным *Global Terrorism Index* за 2022 г., Нигерия занимает 6-е место в мире по уровню терроризма и относится к группе стран с высоким уровнем террористических угроз¹. Уже более 10 лет Нигерия борется с трансграничной террористической организацией «Боко Харам». Статистика, касающаяся последствий деятельности этой организации, ужасающа. По данным *Nigerian Security Tracker*, с 2011 по 2022 г. погибло более 50 000 человек, в основном гражданских лиц². По данным ООН, 2,2 млн чел. были перемещены, 8,4 млн чел. нуждаются в гуманитарной помощи³. С 2012 г. «Боко Харам» похитила не менее 2000 женщин и девочек, в т.ч. более 200 девочек в 2014 г. из средней школы в районе местного самоуправления Чибок в штате Борно⁴.

Снижение смертности от терроризма, зафиксированное в Нигерии в 2022 г., объясняется успешными военными операциями и уменьшением числа нападений «Боко Харам». Налицо внутренний кризис и спад влияния «Боко Харам» после смерти её лидера Абубакара Шекау в мае 2021 г. и последующего перехода его последователей в группу «Западноафриканская провинция Исламского государства» (*Islamic State's West Africa Province, ISWAP*): В настоящее время «Боко Харам» представляет собой разрозненную группу, *ISWAP* значительно превзошла её по активности и расширила свое присутствие в соседних странах – Мали, Камеруне и Нигере, представляя серьезную угрозу для региона.

За годы борьбы с «Боко Харам» правительство Нигерии выработало как правовые (принятие комплекса антитеррористических законов и концепций) и силовые ответы (в виде масштабных военных операций), так и программы дерадикализации исламистов из «Боко Харам». Сегодня в Нигерии действуют три программы дерадикализации. «Тюремная программа» в тюрьме в Кудже действует с 2014 г. и направлена на лиц, осужденных или ожидающих суда. Программа «Желтая лента», учрежденная неправительственной организацией *Neem Foundation* в 2017 г., нацелена на оказание психологической, медицинской и социальной помощи женщинам и девочкам, пережившим насилие и вернувшимся из экстремистских группировок. Среди участниц этой программы как идеологически мотивированные женщины, находившиеся в рядах «Боко Харам» в качестве боевиков или жен боевиков, так и женщины, вынужденно оказавшиеся в зонах террористической активности. Наконец, программа *Operation Safe Corridor* (Операция «Безопасный коридор», далее – *OSC*) работает с 2016 г. в штате Гомбе.

¹ Institute for Economics & Peace. *Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney, March 2022. <http://visionofhumanity.org/resources> (accessed 29.04.2023)

² *Nigeria Security Tracker*. <https://www.cfr.org/nigeria/nigeria-security-tracker/p29483> (accessed 21.05.2023)

³ Nigeria: crisis in northeast will worsen without urgent help, says OCHA. *UN News*. 21.06.2022. <https://news.un.org/en/story/2022/06/1120912> (accessed 29.11.2022)

⁴ Girls released from Boko Haram captivity rejected by society – new report. *International Alert*. February 2016. <https://www.international-alert.org/news/girls-released-boko-haram-captivity-rejected-society-new-report> (accessed 21.05.2023)

Целью данной статьи является анализ исследований современных африканских авторов, посвященных изучению предпосылок создания *OSC*, её структуры, сложностям реализации, возможным перспективам и критериям успеха. То, какой видят программу *OSC* ученые из Африки, для многих из которых активность «Боко Харам» в Нигерии пришлась на их юность и зрелость, позволит значительно расширить проблемное поле исследований и услышать «голоса с мест». Для анализа нами выбраны статьи ученых африканского происхождения из разных африканских университетов, опубликованные как в региональных журналах, посвященных проблемам терроризма, так и в ведущих европейских изданиях в 2020–2022 гг.

OPERATION SAFE CORRIDOR

Программа дерадикализации *OSC* действует в Нигерии с 2016 г. Возможность участия в программе предоставляется только раскаявшимся бывшим боевикам, к которым нет претензий от соответствующих государственных органов. Потенциальные участники (клиенты, по терминологии её авторов) *OSC* делятся на категории риска. К категории *A* относятся рядовые боевики и командиры среднего звена «Боко Харам», добровольно сдавшиеся правительственным войскам в ходе спецопераций и заявившие о готовности пройти программу дерадикализации. Категория *B* – это идеологически мотивированные преступники, не подлежащие реабилитации. Они относятся к группе высокого риска и остаются в СИЗО в казармах Гива. Боевики категории *A* направляются для прохождения программы *OSC*.

Программа *OSC* финансируется правительством Нигерии и координируется военными. В рамках программы работают около 400 человек – сотрудники различных министерств, эксперты, имамы, психологи, медики, социальные работники, педагоги, наркологи, представители общественных организаций. В программу вовлечено 13 министерств и ведомств правительства Нигерии. Первоначально программа была рассчитана на 16 недель, в дальнейшем правительство увеличило срок до 52 недель.

OSC состоит из 4 основных этапов. На первом проводится профилирование, т.е. определяется, к какой категории риска относится потенциальный участник программы, его личные данные сверяются с базой данных лиц, находящихся в розыске. Об участнике программы собирается комплексная информация, «клиенты» проходят медицинское обследование и регистрируются в базе данных ДНК.

Второй этап – «поддержка, или доверие» – направлен на то, чтобы завоевать доверие «клиентов» к программе и её сотрудникам. Сотрудники учреждения разъясняют цель программы, гарантируют конфиденциальность и защиту от уголовного преследования. Сотрудники центра (имам, психолог, нарколог, социальный работник и т.д.) работают с группами по 30 человек. Ключевое место на этом этапе занимает работа имама. Для бывших бойцов «Боко Харам», религиозно мотивированных на насилие, взаимодействие с имамом имеет огромное значение. Именно авторитетные и образованные имамы, основываясь на религиозных текстах, помогают опровергнуть интерпретации насилия, которые транслируют идеологи «Боко Харам».

Третий этап – дерадикализация. Участников программы обучают основам грамоты, математики и навыкам гражданского участия для понимания работы системы государственной власти, возможностей легального участия в политической деятельности и взаимодействия с органами власти. На этом этапе участник программы получает помощь психотерапевта, обучается прикладной профессии – например, учится столярным навыкам, пошиву одежды и изготовлению обуви.

Заключительный этап, реинтеграция бывших боевиков «Боко Харам» в общество, является важной частью программы дерадикализации. «Клиенты» после окончания программы выбирают место для переезда, и часто это место проживания их семей. При согласии членов семьи принять бывшего боевика к процессу реинтеграции привлекаются местные общественные и религиозные лидеры, чтобы подготовить сообщество к его возвращению. Реинтеграция участников *OSC* – один из сложных этапов, поскольку местные сообщества, как правило, не готовы принять дерадикализованных боевиков. Если участник не готов вернуться к мирной жизни, а местное сообщество не готово принять его обратно, прогресс, достигнутый в программе, будет нивелирован.

В период с 2016 г., когда *OSC* начала применять свои учебные программы, по июль 2020 г. более 1300 членов «Боко Харам» сдались военным, из них около 880 боевиков прошли программу дерадикализации⁵.

НЕОБХОДИМОСТЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В течение последних 10 лет ученые из Африки активно изучают проблематику, связанную с «Боко Харам». В многочисленных академических работах исследуются предпосылки и история появления этой организации, её идеология, эволюция её методов и тактик, социальные и гуманитарные последствия её террористической деятельности. Большой блок работ посвящен силовым ответам государства на усиливающуюся террористическую активность «Боко Харам». Результаты этих исследований существенно расширили границы академических знаний о контекстах и природе терроризма в Нигерии и в Западной Африке в целом [1].

Уже в 2010-е гг. исследователи из Африки писали, что правительство Нигерии делает ставку на силовой подход к борьбе с «Боко Харам», в то время как потенциал мягкой силы не принимается во внимание [2]. В 2018 г. О.Телла (Университет Южной Африки) обратил внимание, что сама «Боко Харам» обладала мягкой силой в период своего становления, компенсируя отсутствие институтов государственной власти и замещая их на оккупированных территориях северо-востока Нигерии [3]. С ним согласен и исследователь А.Олоджо (в настоящее время сотрудник Института проблем безопасности Африки). По мнению ученого, «Боко Харам» удалось использовать политические, социально-экономические и этнорелигиозные разломы нигерийского государства: «Боко Харам» умело приспособилось «дискурсы антизападной риторики, порожденной региональными и глобальными негосударственными акторами» [4].

В вышеупомянутой статье О.Телла подчеркнул, что неэффективность усилий администрации президента Нигерии Гудлака Джонатана (2010–2015 гг.) в борьбе с террористами «Боко Харам» была связана с неспособностью правительства эффективно мобилизовать не только жесткую, но и мягкую силу. Администрация президента Мухаммаду Бухари (2015–2023 гг.) продвинулась в борьбе с «Боко Харам», прежде всего, вытеснив группировку с захваченных территорий на северо-востоке, однако в её политических и военных решениях также преобладал жесткий силовой подход. Телла писал, что «в то время как жесткая сила важна для уничтожения группы, мягкая сила необходима для предотвращения появления новобранцев» [3, р. 828].

По существу, сама программа дерадикализации Нигерии, как пишут Х.Онападжо и К.Озден из нигерийско-турецкого университета Нила в Абудже, возникла на фоне постоянных призывов к правительству выработать альтернативу военному подходу, доминировавшему в политике правительства в последнее десятилетие. Исследователи указали, что чрезмерное неоправданное применение силы в ходе правительственных операций не только вело к арестам, задержаниям и убийствам мирных граждан, но и порождало факторы, способствующие радикализации молодежи в зоне конфликта [5, р. 485].

СИСТЕМНЫЕ НЕДОСТАТКИ ПРОГРАММЫ *OPERATION SAFE CORRIDOR*

На фоне большого числа публикаций [6], в т.ч. и публицистики, посвященных ненасильственным методам борьбы с «Боко Харам», выделяется работа ученых из нигерийского университета Нсукка М.Угвуэзе, Е.Нгву и Ф.Онуохи. В их статье исследуется природа и характер реализации *OSC* [7]. Авторам удалось доказать, что количественные показатели, характеризующие успех реабилитации бывших террористов, не свидетельствуют о качественном успехе в их реинтеграции в местные сообщества.

Основные проблемы реализации *OSC* авторы разделили на три группы: управленческие, операционные и идентификационные.

К 1-й группе относится преобладающая роль военных в управлении *OSC*; непрозрачность управления программой для общества, амнистия бывших террористов без правосудия. Ко 2-й группе относятся: чрезмерный акцент на исламском религиозном перевоспитании, что уменьшает роль традиционных ре-

⁵ 602 repentant ex-terrorists swear oath of allegiance to Nigeria. *The Sun*. 16.07.2020. <https://sunnewsonline.com/602-repentant-ex-terrorists-swear-oath-of-allegiance-to-nigeria/> (accessed 21.05.2023)

лигий и традиционной культуры в процессах миростроительства; неприятие прошедших программу со стороны местных сообществ; нечеткие сроки проведения программы. К 3-й группе относятся отсутствие четких критериев для разделения боевиков на группы, отсутствие наблюдения за участниками программы после её окончания.

На основании результатов своих полевых исследований авторы пришли к выводу, что существует три фактора, мешающих успеху программы. Во-первых, со стороны политиков Нигерии отсутствует политическая поддержка концепции программы; во-вторых, не проводятся консультации с членами принимающих сообществ при разработке *OSC*, и, в-третьих, жертвы «Боко Харам» не получают финансовых компенсаций. «Эти факторы могут закрепить, а не нивелировать структурное недовольство программой дерадикализации» [7, p. 11].

Ученые подробно рассмотрели инициативу сенатора И.Гайдама, бывшего губернатора штата Йобе, представляющего восточный округ Йобе. Гайдам внес на рассмотрение в Сенат Нигерии законопроект о создании Национального агентства по дерадикализации, реабилитации и реинтеграции раскаявшихся боевиков. Законопроект, направленный на благие цели – «поощрение дезертирства и реабилитацию членов “Боко Харам” и предотвращение насильственного экстремизма в Нигерии» – встретил яростное сопротивление со стороны ряда политиков и рядовых граждан. Результаты онлайн-опроса населения, проведенного интернет-изданием *Premium Times* в марте 2020 г., показывают, что подавляющее большинство из 22 тыс. участников опроса было против создания такого агентства. Более 14 тыс. (92% участников) и 5,5 тыс. (91,9% участников) респондентов в социальных сетях *Facebook* и *Twitter* (заблокированы Роскомнадзором в России с марта 2022 г.) соответственно проголосовало против программы *OSC* и идеи амнистии бывших боевиков «Боко Харам».

«Движение за восстановление суверенного государства Биафра» (*The Movement for the Actualization of the Sovereign State of Biafra – MASSOB*) и социально-культурная организация народа *игбо*⁶ *Ohaneze Ndigbo* дали резкие оценки инициативе федерального правительства, заявив, что создание агентства для бывших террористов является попыткой расколоть Нигерию. «Попытка внести законопроект о создании национального агентства для раскаявшихся террористов “Боко Харам” Сенатом Нигерии, в котором доминируют мусульмане, является еще одним грандиозным заговором... по переброске большого количества подготовленных террористов “Боко Харам” на юг Нигерии», – сказал лидер *MASSOB* У.Мадду [8].

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РЕИНТЕГРАЦИИ БЫВШИХ БОЕВИКОВ «БОКО ХАРАМ»

В настоящее время *OSC* реализуется на фоне падения общественного доверия нигерийцев к своему правительству. Как показывают исследования *Gallup*, к лету 2021 г. уровень доверия к правительству упал до 25% – это самый низкий за 12 лет в стране и на тот момент самый низкий показатель в Африке в целом [9]. Как считают 94% нигерийцев, коррупция широко распространена в правительстве страны, и это один из самых высоких показателей недоверия в мире. Доля граждан, доверяющих судебной системе Нигерии, упала с 53% в 2019 г. всего до 36% в 2021 г. [10].

Кризис общественного доверия влияет на решение боевиков о сдаче правительственным войскам и об их последующем участии в программе дерадикализации. По мнению экспертов, государство не может гарантировать безопасность сдавшихся боевиков, в т.ч. оградить их от мести лидеров групп, в которых они ранее состояли. Некоторые из добровольно сдавшихся бойцов «Боко Харам», прошедших через центр содержания в казармах Гива, сожалели о том, что сдались военным. По мнению М.Угвезе, Е.Нгву и Ф.Онуохи, это может быть основным фактором, удерживающим многих боевиков от рассмотрения возможности государственной амнистии [7].

Другим недостатком программы является отсутствие в ней стратегий работы с молодыми людьми, уязвимыми в условиях своего вынужденного проживания в зоне конфликта. «Не существует превентивных мер для предотвращения радикализации, таких как образовательные и социально-экономические программы, которые бы защитили молодежь от легкой вербовки террористическими группами» [5, p. 488]. Аудитория программы – только бывшие террористы, а мирные жители, находящиеся в зоне

⁶ *Игбо* (или *йю*, самоназвание – «лесные жители») – народ в юго-восточной Нигерии. Численность свыше 35 млн чел. (прим. ред.).

риска, из неё исключены. «Исключение этих лиц из программы дерадикализации подчеркивает потенциальную угрозу безопасности, которую не замечает правительство».

Структурные недостатки программы дерадикализации *OSC* были подробно проанализированы Х.Онападжо и К.Озденем [5]. Ученые подчеркивают, что основные проблемы, угрожающие успеху программы, касаются общественного восприятия бывших членов «Боко Харам» на этапе реинтеграции. Сообщества, куда они возвращаются после прохождения программы, относятся к ним как к потенциально опасным людям, интеграция которых невозможна. Авторы статьи писали о случаях нападения соплеменников, местных групп самообороны и членов Гражданской объединенной оперативной группы (*CJTF*)⁷ на возвратившихся участников программы [5, р. 487]. Некоторые из участников программы дерадикализации после её завершения должны были покинуть реабилитационные центры, но оставались в них, поскольку их общины и семьи отказались их принять. Об этом ранее писала и В.Фелбаб-Браун в своей фундаментальной работе [11].

Авторы видят причину неприятия, отторжения и стигматизации участников программы принимающими сообществами в отсутствии механизмов, обеспечивающих вовлечение лидеров сообществ в разработку программы дерадикализации. Правительство не осознает, что общинам, пережившим травматический опыт из-за деятельности «Боко Харам», будет трудно принять бывших боевиков или людей, подверженных её идеологии. Любая программа дерадикализации без комплексного подхода с привлечением семьи и общества будет далека от достижения положительного результата [5, р. 488].

По мнению авторов, неудачи в реализации программы дерадикализации сами по себе создают риски, поскольку участники программы, прошедшие её полный курс, но не дерадикализованные, могут вернуться в террористическую группу [5, р. 487].

Э.Ммакве, научный сотрудник Нигерийского института юридических исследований, также обращается к теме отторжения бывших террористов принимающим сообществом и указывает на необходимость расширения программы дерадикализации за счет введения другой программы, в которой федеральное правительство могло бы предпринять шаги по примирению между жертвами преступлений, членами сообщества и бывшими террористами [12, р. 36]. Ммакве подчеркивает, что сообщества необходимо вовлекать в разработку и реализацию программ дерадикализации, системно и комплексно готовить к тому, что им предстоит участвовать в реинтеграции бывших боевиков. «Сообщества нуждаются в механизме восстановления после психологической травмы, нанесенной им вследствие криминального конфликта, – механизме, включающем ритуалы прощения и освобождения от гнева» [12, р. 43]. Как считает ученый, стремление жертв к справедливости, вероятно, приведет к тому, что Нигерия примет меры по примирению, аналогичные мерам в Руанде, когда основное внимание уделялось форме общественного правосудия, известной как система переходных судов *gacaca*⁸. По мнению автора, «опыт других юрисдикций показывает, что не может быть какого-либо значимого или прочного мира или восстановления без рассмотрения и устранения недовольства и коренных причин конфликта с помощью процесса, в котором участвуют все затронутые группы» [12, р. 44]. Ммакве считает, что правительству Нигерии необходимо больше инвестировать в открытые и всесторонние дискуссии с обществом о реабилитации, реинтеграции, снисхождении и правах жертв. Ммакве предложил правительству создать Комитет для созыва собрания с участием жертв, бывших преступников, членов сообщества и обученных инструкторов.

М.Угвуэзе и его коллеги в своей статье делают вывод о рисках для общества и для прошедших программу *OSC* на этапе реинтеграции. «Во-первых, неприятие сообщества либо приведет к карательным атакам, либо заставит раскаявшихся бойцов покинуть сообщество или присоединиться к “Боко Харам”».

⁷ *Civilian Joint Task Force (CJTF)* – группа самообороны на северо-востоке Нигерии, сформирована в 2013 г. для борьбы с «Боко Харам». Помимо боевых действий, организация участвует в различных мероприятиях по обеспечению гражданской безопасности, таких как проверка безопасности, личный досмотр, защита общественных зданий и наблюдение за КПП. В настоящее время она насчитывает 26 000 членов, большинство из которых добровольцы [17].

⁸ Система судов *gacaca* начала функционировать в Руанде в 2001 г. и завершила судопроизводство в 2012 г., было рассмотрено примерно 2 млн дел. Суды *gacaca* были правомочны привлекать к судебной ответственности всех лиц, подозреваемых в геноциде, за исключением его главных организаторов. Помимо задачи по оперативному рассмотрению основной части дел, связанных с геноцидом 1994 г., суды *gacaca* служили инструментом примирения между лицами, пережившими геноцид, и лицами, его развязавшими. Некоторые дела, требующие пересмотра и апелляции, рассматривались обычными судами, а дела по вопросам собственности рассматривались общинными посредниками. См.: <https://refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=5665498f4> (accessed 02.02.2023)

Во-вторых, столь разрекламированный мир и вклад раскаявшихся борцов в развитие могут ускользнуть от местных сообществ, члены которых недовольны тем, как осуществляется программа» [7].

Очень важное исследование *OSC* проведено группой английских ученых, среди которых есть исследователи африканского происхождения [13]. В их работах, новаторских по своей проблематике, основное внимание уделяется изучению того, как сообщества воспринимают бывших террористов и их реинтеграцию. В этом исследовании были рассмотрены примеры реинтегрированных боевиков из дельты Нигера и из «Боко Харам». Недостаток их работ заключается в том, что основу источниковой базы составили не результаты эмпирических исследований, а данные, извлеченные из исследований других авторов. Кроме того, в выбранных авторами районах (штат Плато и Лагос) нет сообществ, подвергавшихся нападениям «Боко Харам», а очагами активности террористов являются штаты Борно, Йобе и Адамава.

Вопрос реинтеграции бывших боевиков поставлен в статье С.Б.Овонигоко, исследователя из Технологического университета Модиббо Адама (г. Йола). Автор высоко оценивает программу *OSC*, считая её образцовой моделью для других стран бассейна озера Чад: «программа стала региональным подходом к прекращению движения “Боко Харам”». По мнению автора, основной недостаток программы – неприятие сообществом бывших боевиков, прошедших программу. Недоверие сообществ базируется на том, что правительство отдает приоритет их финансовой поддержке, тогда как жертвы их нападений остаются без внимания. «Самый надежный способ сделать эту программу более действенной – это помочь правительству облегчить тяжелое положение жертв атак “Боко Харам”. Это не только уменьшит их травму, но также может быть использовано в качестве меры для начала принятия сообществом раскаявшихся бывших боевиков “Боко Харам”» (см.: [14]).

Кроме того, по мнению автора, необходимо на уровне общин проводить сессии по вопросам правосудия и примирения в переходный период для примирения раскаявшихся членов «Боко Харам», которые в настоящее время реинтегрируются, с их жертвами.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕИНТЕГРАЦИИ

Экономическая ситуация в современной Нигерии отличается сложностью. За годы президентства М.Бухари, как отмечает российский африканист Т.С. Денисова, страна достигла если не заметного прогресса, то относительной стабильности, сохранив за собой позицию первой экономики Африки [15, с. 39]. Валовой внутренний продукт в годовом исчислении в Нигерии во II кв. 2022 г. увеличился на 3,54%, наибольший вклад в рост ВВП внесла добыча и переработка нефти, которая выросла во II кв. на 11,77%. При этом нефтегазовые сектора экономики тоже выросли на 4,77%. Из них сельское хозяйство поднялось на 1,2%, промышленное производство увеличилось на 2,3%, сектор услуг – на 6,7%⁹.

Уровень бедности в Нигерии уже сегодня один из самых высоких в мире – за чертой бедности живет 133 млн человек, или 63% населения¹⁰. По данным Национального бюро статистики Нигерии, в настоящее время в стране высокий уровень безработицы – 33,3%, безработица среди молодежи составляет 42,5%. 45% нигерийцев заявили, что им трудно прожить на свой нынешний доход. Более половины (53%), говорят, что хотели бы навсегда переехать в другую страну, если бы у них была такая возможность [10].

В подобных условиях люди, прошедшие программу дерадикализации, не могут вписаться в экономические реалии и найти себе применение. По мнению многих ученых, высока вероятность их возвращения в террористическую группу.

Программа в её финансовом измерении вызывает недовольство жертв «Боко Харам». По их мнению, экономическая и финансовая поддержка бывших террористов несправедлива на фоне невнимания к проблемам пострадавших. В то время как помощь жертвам «Боко Харам» оказывают общественные организации, структуры ООН и ЕС, федеральное правительство Нигерии ежемесячно выплачивает стипендию в размере около \$43 реабилитированным бывшим боевикам «Боко Харам» [7, p. 15].

⁹ GDP grows by 3.54% in Q2 2022 – NBS. *Punch*. 26.08.2022. <https://punchng.com/gdp-grows-by-3-54-in-q2-2022-nbs/> (accessed 27.05.2023)

¹⁰ Nigeria launches its most extensive national measure of multidimensional poverty. *National Bureau of Statistics*. 17.11.2022. <https://nigerianstat.gov.ng/news/78> (accessed 29.04.2023)

Наконец, многие критики программы считают, что терроризм «Боко Харам» является средством финансовых манипуляций со стороны некоторых привилегированных элит [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированный материал позволяет говорить, что в современной африканской академической науке сложилось направление, связанное с изучением программ дерадикализации исламистов в Нигерии. Большая группа работ посвящена исследованию одной из трех программ дерадикализации – *Operation Safe Corridor*. Ученые проанализировали предпосылки создания *OSC*, её структуру, сложности реализации, возможные перспективы и критерии успеха. Ученые единодушны в том, что программа *OSC* является закономерным шагом правительства Нигерии наряду с силовым подходом, преобладавшим в последнее десятилетие.

Вместе с тем программа, согласно современным исследованиям, не лишена системных недостатков. К ним относятся преобладающая роль военных в управлении *OSC*; непрозрачность управления программой для общества, амнистия бывших террористов без правосудия. Ученые отмечают и сложности реинтеграции прошедших программу, и отторжение со стороны местных сообществ. В своих работах они рекомендуют правительству включить местные сообщества в обсуждение концепции, структуры и реализации *OSC*, а также наладить открытые и всесторонние дискуссии с обществом о реабилитации, примирении бывших боевиков и их жертв. По мнению ученых, необходимо выработать систему финансовой поддержки не только участников программы дерадикализации, но и пострадавших от «Боко Харам».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Maiangwa B., Uzodike U.O., Whetho A. and Onapajo H. 2012. “Baptism by Fire”: Boko Haram and the reign of terror in Nigeria. *Africa Today*. Vol. 59 (2), pp. 41–57; Onapajo H. and Uzodike U.O. 2012. Boko Haram terrorism in Nigeria: Man, the state and international system. *African Security Review*. Vol. 21, № 3, pp. 24–39.
2. Onapajo H. 2017. Has Nigeria Defeated Boko Haram? An Appraisal of the Counter-Terrorism Approach under the Buhari Administration. *Strategic Analysis*. Vol. 41 (1), pp. 61–73; Nwankpa M. 2017. Dialoguing and negotiating with terrorists: Any prospect for Boko Haram? *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. Vol. 9, issue 2, pp. 106–124.
3. Tella O. 2018. Boko Haram Terrorism and Counter-Terrorism: The Soft Power Context. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 53, issue 6, pp. 815–829.
4. Olojo A. 2013. Nigeria’s Troubled North: Interrogating the Drivers of Public Support for Boko Haram. ICCT Research Paper. October 2013. https://www.icct.nl/download/file/ICCT_Olojo_Nigerians_Troubled_North_October_2013.pdf (accessed 29.11.2022)
5. Onapajo H., Ozden K. 2020. Non-military approach against terrorism in Nigeria: deradicalization strategies and challenges in countering Boko Haram. *Security Journal*. Vol. 33, issue 3, pp. 476–492. DOI: 10.1057/s41284-020-00238-2
6. Bukarti A.B. and Bryson R. 2019. Dealing with Boko Haram Defectors in the Lake Chad Basin: Lessons from Nigeria. London: Tony Blair Institute for Global Change; Nextier SPD (nd) Assessing community resilience and peace-building initiatives in northeast Nigeria: Entrenching peace. www.nextierspd.com; Ogbogu J.C. 2016. Nigeria’s approach to terrorist rehabilitation. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Vol. 8, № 4, pp. 16–21; Ugwueze M.I. and Onuoha F.C. 2020. Hard versus soft measures to security: Explaining the failures of counter-terrorism strategy in Nigeria. *Journal of Applied Security Research*. Vol. 15, issue 4, pp. 547–567. <https://doi.org/10.1080/19361610.2020.1811936>
7. Ugwueze M., Ngwu E., Onuoha F. 2022. Operation Safe Corridor Programme and Reintegration of Ex-Boko Haram Fighters in Nigeria. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 57, issue 6, pp. 1229–1248. <https://doi.org/10.1177/00219096211047996>
8. Njoku L.E. Amnesty for terrorists, call for breakup, says MASSOB, Ohanaeze. *The Guardian*. 23.02.2020. <https://guardian.ng/news/amnesty-for-terrorists-call-for-breakup-says-massob-ohanaeze/> (accessed 29.11.2022)
9. Vigers B., Bikus Z. 2023. 3 Key Issues Facing Nigerians Ahead of Their Election. *Gallup*. 23.02.2023. <https://news.gallup.com/poll/470945/key-issues-facing-nigerians-ahead-election.aspx> (accessed 08.05.2023)
10. Bikus Z. 2022. Nigerians’ Confidence in Government Falls to Lowest in Africa. *Gallup*. 21.06.2022. <https://news.gallup.com/poll/393953/nigerians-confidence-government-falls-lowest-africa.aspx> (accessed 09.05.2023)
11. Felbab-Braun V. 2018. “In Nigeria, We Don’t Want Them Back: Amnesty, Defectors’ Programs, Leniency Measures, Informal Reconciliation, and Punitive Responses to Boko Haram”. *The Limits of Punishment: Transitional Justice and*

- Violent Extremism. UN University Centre for Policy Research and Institute for Integrated Transitions, May. <https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/2766/FINALThe-Limits-of-Punishment-01062018.pdf>
12. Mmakwe A.O. 2022. De-Radicalization and Reintegration of Nigerian Repentant Terrorists in Restorative Justice: Issues and Challenges. *Nnamdi Azikiwe University Journal of Commercial and Property Law (nau.jcpl)*. Vol. 9, № 2, pp. 35–45.
 13. Ike J.T., Singh D., Murphy S., Jidong D.E., Porrit F. & Ayobi E.E. 2022. Community perspectives of former terrorist combatants, militants and reintegration programmes in Nigeria: A systematic review. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. Vol. 14, issue 2, pp. 142–168. DOI: 10.1080/19434472.2020.1834431; Ike J.T., Singh D., Murphy S., Jidong D.E., Porrit F. & Ayobi E.E. 2021. Rethinking reintegration in Nigeria: Community perceptions of former Boko Haram combatants. *Third World Quarterly*. Vol. 42, issue 4, pp. 661–678. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1872376>
 14. Owonikoko S.B. 2022. "Take them to Government House or Aso Rock": Community receptivity to reintegration of Operation Safe Corridor's deradicalised Ex-Boko Haram members in Northeastern Nigeria. *Cogent Social Sciences*. Vol. 8, issue 1. DOI: 10.1080/23311886.2021.2015884
 15. Денисова Т.С. Нигерия: итоги первого срока президентства Мохаммаду Бухари и всеобщие выборы 2019 г. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8. С. 37–42. <https://doi.org/10.31857/S032150750005775-4>
Tatyana S. Denisova. 2019. Nigeria: the results of Muhammadu Buhari's first presidential term and the 2019 general election. *Asia and Africa today*. № 8. Pp. 37–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S032150750005775-4>
 16. Afoaku O.G. 2017. Islamist terrorism and state failure in northern Nigeria. *Africa Today*. Vol. 63, № 4, pp. 21–42.
Onuoha F.C. 2020. Dilemma of voluntary surrender to state security forces by Boko Haram recruits in Nigeria. *African Journal of Terrorism and Insurgency Research*. Vol. 1, № 1, pp. 199–218. <http://dx.doi.org/10.31920/2732-5008/2020/S1n1a11>; Onuoha J.I. and Ugwueze M.I. 2014. United States security strategy and the management of Boko Haram crisis in Nigeria. *Global Journal of Arts, Humanities and Social Sciences*. Vol. 2, № 3, pp. 22–43.
 17. Gulyás A. 2021. The Role of the Civilian Joint Task Force in the Improvement of Security in Borno State, Nigeria. *Journal of Central and Eastern European African Studies*. Vol. 1, № 4. <https://doi.org/10.59569/jceas.2021.1.4.28>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Нефляшева Наима Аминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Naima A. Nefliasheva, PhD (History), Associated Professor, Senior Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 11.05.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.06.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.07.2023

DOI: 10.31857/S032150750025673-2

Особенности экономической трансформации Камбоджи: достижения и провалы

© 2023 Бурова Е.С.^а, 2023

^а Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1047-2573; burova@iccaras.ru

Резюме. Камбоджа – страна, которая еще в относительно недавнем прошлом ассоциировалась с бедностью, политической нестабильностью и конфликтами, – добилась ускорения темпов экономического роста, заметно превышающих среднемировые показатели, существенного увеличения объемов ВВП и его подушевых показателей, а также вошла в число самых быстрорастущих экономик мира и лидеров борьбы с бедностью. Однако пандемия *COVID-19* и вызванный ею кризис обнажили узкие места экономической модели страны, затрудняющие дальнейший экономический прогресс.

В статье анализируются особенности экономической трансформации в Камбодже, источники роста, сдерживающие факторы и угрозы. Автор отмечает, что экономическая модель крайне несбалансированная, поскольку источники её роста чрезмерно концентрированы и не диверсифицированы. Таким образом, экономическая модернизация приводит к очень быстрому, но в конечном итоге неустойчивому экономическому прогрессу.

Ключевые слова: Камбоджа, экономическая трансформация, рост экономики, экономическая модель, источники экономического роста, производительность, эффективность экономики

Для цитирования: Бурова Е.С. Особенности экономической трансформации Камбоджи: достижения и провалы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 45–52. DOI: 10.31857/S032150750025673-2

Features of Cambodia's Economic Transformation: Achievements and Failures

© Elena S. Burova^а, 2023

^а Institute of China and Contemporary Asia, RAS,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1047-2573, burova@iccaras.ru

Abstract. In the relatively recent past, Cambodia was associated with poverty, political instability and conflicts. Before *COVID-19*, it achieved accelerated economic growth rates that were significantly higher than the world average, a significant increase in GDP and GDP per capita. Cambodia has become one of the fastest growing economies in the world. But the pandemic exposed the bottlenecks of the economic development model.

The article analyzes the features of economic transformation in Cambodia, sources of growth, constraints and threats. The author comes to the conclusion that the economic model is extremely unbalanced. The country becomes dependent on the markets for a certain narrow range of goods and their conjuncture on world markets. Thus, economic modernization leads to very rapid but ultimately unsustainable economic progress.

Keywords: Cambodia, economic transformation, economic growth, economic model, sources of economic growth, productivity, economic efficiency

For citation: Burova E.S. Features of Cambodia's Economic Transformation: Achievements and Failures. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 45–52. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025673-2

ВВЕДЕНИЕ

Тридцать лет назад, в мае 1993 г., на политической карте мира появилось государство Королевство Камбоджа, опустошенное и отброшенное на десятилетия назад долгим гражданским конфликтом (1967–1975), разрушившим всю социально-экономическую инфраструктуру страны и приведшим к её

изоляции от мировой экономики¹. Именно тогда в стране началась реализация масштабного проекта по кардинальному реформированию политической, экономической и социальной системы этого государства (подробнее см.: [1]).

За десятилетия после окончания гражданского конфликта Камбоджа добилась ускорения темпов экономического роста, заметно превышающих среднемировые показатели, вошла в число самых быстрорастущих экономик мира и лидеров борьбы с бедностью.

На первый взгляд, возникает ощущение нового примера «экономического чуда», подобного тому, что явили миру азиатские «тигры». Однако камбоджийская экономическая модель отличается крайне медленным ростом производительности, что вызывает ряд дискуссий относительно её эффективности. Пандемия *COVID-19* обнажила узкие места камбоджийской экономической модели. Несмотря на то, что в 2021–2022 гг. экономика начала восстанавливаться и ей удалось вернуться на траекторию роста, тем не менее восстановительный процесс остается неравномерным, что актуализирует исследования по данной проблематике.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

В начале 1990-х гг. Камбоджа представляла собой государство с переходной экономикой, преобразующейся из централизованной в рыночную, и одну из беднейших стран региона. В 1993 г. ВВП Камбоджи составлял \$2,53 млрд, или 0,01% от мирового ВВП. Здесь проживало 10,8 млн человек. Доход на душу населения не превышал \$247,3. Этот показатель в целом был выше уровня соседей по региону с переходным типом экономик. Так, в Мьянме он составлял \$67,2, во Вьетнаме – \$185,2, исключением был лишь Лаос – \$283,4. В то же время по этому показателю Камбоджа отставала от более развитых соседей (Индонезия – \$824,1, Филиппины – \$938,8, Таиланд – \$2230,8, Малайзия – \$3511,5, Бруней – \$14 420,5, Сингапур – \$18 290)² (см. табл.).

В 1994–2019 гг. Камбодже удалось добиться ускорения темпов экономического развития и на протяжении более чем двух десятилетий поддерживать их на относительно высоком уровне, заметно превышающем среднемировой (см. *граф.*). В предковидные времена она стала одной из самых динамичных экономик не только Азии, но и мира. Так, в период 1993–2019 гг. средние темпы прироста ВВП составили 8,7%³.

Следствием высоких темпов роста экономики стало увеличение объема её ВВП почти в 10 раз. В 2019 г. он достиг \$27,1 млрд⁴. Благодаря быстрому росту абсолютного объема производства заметно выросла и его величина в пересчете на душу населения – до \$1643⁵. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения составили 6,7%. В результате Всемирный банк официально пересмотрел статус экономики Камбоджи, переведя её в 2015 г. из разряда стран «с низким уровнем дохода» в разряд стран «с доходом ниже среднего»⁶.

В то же время пандемия *COVID-19* оказала существенное воздействие на экономическое развитие страны, даже несмотря на то, что Камбоджа с ней справилась относительно хорошо и в целом избежала длительных локдаунов [3, с. 47]. В 2020 г. замедление роста в Камбодже из-за пандемии *COVID-19* было одним из самых сильных в регионе Восточной Азии – объем ВВП упал до \$25,81 млрд, а показатель ВВП на душу населения сократился до \$1543. В 2021 г. камбоджийская экономика вернулась на траек-

¹ В 1975–1979 гг. в Камбодже пришла к власти леворадикальная группировка «красных кхмеров» во главе с Пол Потом и приступила к перестройке общества в духе идей китайской «культурной революции», используя методы массового террора [2, с. 56]. В 1979 г. под натиском группировки вьетнамских войск тирания «красных кхмеров» рухнула. У камбоджийцев появилась возможность вернуться к нормальной жизни. Однако страны мирового сообщества, на словах осуждавшие полпотовский геноцид, в большинстве своем не признавали появившееся на политической карте мира новое государство – Народную Республику Кампучию (НРК). Исключение составляли лишь СССР и другие страны социализма. В то же время КНР предоставляла военную и материальную помощь отрядам «красных кхмеров», а США – некоммунистическим группировкам, которые вели вооруженные действия против НРК [2, с. 59]. Все это привело к тому, что в Камбодже гражданская война не утихла долгие годы (*прим. авт.*).

² The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KH> (accessed 25.01.2023)

³ Ibidem.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ The World Bank in Cambodia. <https://www.worldbank.org/en/country/cambodia/overview> (accessed 20.11.2022)

торию роста, однако достичь предковидных показателей пока не удалось. Объем ВВП составил \$26,96 млрд, его подушевые значения – \$1625, а темпы роста – 3%⁷.

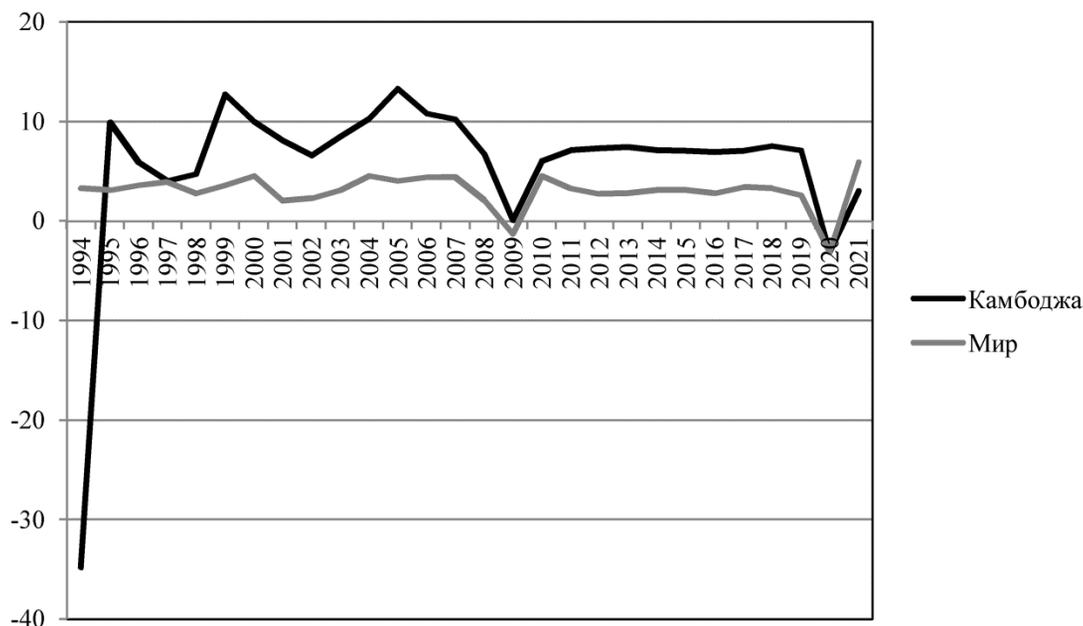

График. Темпы роста ВВП в Камбодже и мире.
Graph. GDP growth in Cambodia and the world.

Источник: The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KH> (accessed 25.01.2023)

По показателю ВВП на душу населения Камбоджа занимает предпоследнее место в регионе, обогнав лишь Мьянму (\$1209,9) и серьезно уступая Лаосу (\$2535,6), Филиппинам (\$3460,5), Вьетнаму (\$3756,5), Индонезии (\$4332,7), Таиланду (\$7066,2), Малайзии (\$11 109,3), Брунею (\$31 449,1), Сингапуру (\$72 794)⁸ (см. табл.).

Таблица. Динамика ВВП на душу населения в Юго-Восточной Азии (\$)
Table. Dynamics of GDP per capita in the South-East Asia (\$)

	1993 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2021 г.
Бруней	14420,5	17971,5	25991,2	34609,9	30681,7	31449,1
Вьетнам	185,2	394,6	693,2	1684,0	2595,2	3756,5
Индонезия	824,1	770,9	1249,4	3094,4	3322,6	4332,7
Камбоджа	247,3	301,5	475,1	782,7	1170,7	1625,2
Лаос	283,4	318,8	467,4	1127,8	2125,5	2535,6
Малайзия	3511,5	4087,6	5536,8	8880,1	9699,6	11109,3
Мьянма	67,2	150,4	221,9	765,2	1224,6	1209,9
Сингапур	18290,0	23852,3	29961,3	47237,0	55646,6	72794,0
Таиланд	2230,8	2004,1	2876,2	4996,4	5708,8	7066,2
Филиппины	938,8	1073,3	1245,3	2201,8	2974,3	3460,5

Источник: The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KH> (accessed 25.01.2023)

⁷ The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=KH> (accessed 25.01.2023)

⁸ Ibidem.

В 1994–2019 гг. ускорение темпов экономического роста сопровождалось и одновременно стимулировалось перестройкой отраслевой структуры хозяйства Камбоджи. Еще в 1993 г. она была аграрной страной, на долю аграрного сектора приходилось 45,2%. Однако к 2019 г. его вклад в ВВП сократился в 2 раза и составил 20,7%. Во время пандемии доля аграрного сектора в ВВП вновь немного возросла – до 22,7–22,8% в 2020–2021 гг.⁹

С ослаблением роли аграрного сектора в экономике возросло значение индустриального. Его вклад в ВВП увеличился почти в три раза – с 12,6% в 1994 г. до 34,2% до в 2019 г. Так как Камбодже удалось избежать длительных лоукдаунов и закрытия производств, доля промышленности в ВВП продолжала расти и в ковидные годы, достигнув 36,8% в 2021 г.¹⁰ Благодаря структурной перестройке хозяйство страны приобрело черты, характерные для индустриально-аграрных экономик.

Индустриальный сектор демонстрировал наилучшую динамику: среднегодовые темпы его роста составили 14%. В структуре промышленности также произошли сдвиги. На место доминирующей пищевой вышли текстильная и швейная отрасли, доля которых в валовой продукции индустриального сектора возросла с 8% до 56%. В последние годы в промышленности началась новая волна структурных преобразований. В страну стали приходить фирмы по производству электроники и легкого машиностроения, перенося трудоемкие процессы своего производства из стран с более высокой заработной платой, таких как Таиланд и Китай.

Что касается процесса сервисизации экономики, он проходил крайне медленными темпами, вклад сферы услуг колебался в пределах 34,1–39,9%, а за период 1993–2021 гг. в целом сократился с 39,4% до 34,2%. Причем тренд сокращения сферы услуг наметился еще до проседания туристической отрасли в 2020 г., вызванного *COVID-19*.

Рост в сфере услуг, в особенности по сравнению с промышленностью, был достаточно умеренным – 11% в год. Главным образом он был вызван развитием туризма [4, р. 100]. С тех пор, как страна стала открытой для туристов, в Камбодже наблюдался неуклонный рост числа иностранных гостей. Туристическая отрасль увеличивалась весьма быстрыми темпами – 16% в год. В результате её вклад в ВВП возрос более чем в 6 раз – с 1,4 в 1996 г. до 14,9% в 2019 г.

Следствием перестройки отраслевой структуры производства и динамичного роста хозяйства Камбоджи стали столь же масштабная эволюция отраслевой структуры и ускоренное развитие её внешне-экономических связей. Одним из средств расширения и углубления этих отношений явилась стратегия экспортной ориентации, ставшая важнейшим инструментом экономического развития страны [5, р. 17]. За период с 1993 по 2021 г. вклад экспорта в экономический рост составил 68%¹¹. В абсолютных значениях экспорт вырос с \$406 млн до \$16,9 млрд, а в относительных – с 16% до 63% ВВП¹². Значительные изменения претерпела структура экспорта: от продукции сырьевой направленности до конечных товаров промышленного производства. В 2021 г. 72,3% приходилось на долю потребительских товаров, на полуфабрикаты – 21,5%, в то время как на сырье – лишь 2,7%¹³.

Для реализации стратегии экспортной ориентации необходимо было приобретать не только большое количество современной зарубежной техники, но полуфабрикаты, комплектующие и сырье для производства новой экспортной продукции, что вкупе с расширением внутреннего спроса стало фактором увеличения импорта. В результате импорт товаров и услуг возрос с \$827 млн до \$25,4 млрд, или с 32% до 94% ВВП¹⁴.

Принимая во внимание низкую исходную базу, становление отраслей промышленности и развитие сферы услуг, прежде всего туризма, было невозможно без иностранных инвестиций. Камбодже удалось создать благоприятные условия для привлечения ПИИ, в результате чего их объем неуклонно увеличивался. Если в 1993 г. было получено немногим более \$7 млн в форме ПИИ, то в 2021 г. – \$3,6 млрд. Основной тенденцией стало увеличение вклада иностранного капитала в ВВП – с 0,35% до 12,8%. Однако ПИИ распределялись крайне неравномерно по отраслям экономики. Центром притяжения ПИИ в Кам-

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Рассчитано по: ASEANSTAT. <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (accessed 25.01.2023)

¹² ASEANSTAT... (accessed 12.02.2023)

¹³ WITS World Bank. <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/KHM/Year/2020/TradeFlow/EXPIMP/Partner/WLD/Product/All-Groups> (accessed 12.11.2022)

¹⁴ ASEANSTAT...

бодже стали основные моторы развития, что предопределило крайне низкую степень экономической диверсификации хозяйства.

АДРЕСАТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Благодаря экономическим успехам Камбоджа вышла на 5-е место среди всех стран по достижению Целей развития тысячелетия, стала одним из лидеров в мире по успехам в борьбе с бедностью. Экономический рост Камбоджи имел непосредственного адресата – бедняка, т.е., по определению ООН, носил черты «роста в пользу бедных» (*pro-poor growth*). И, таким образом, он привел к существенному снижению уровня бедности, который в целом по стране сократился с 47,7% в 1994 г. до 10% в 2019 г. Что касается сокращения бедности в абсолютных показателях, она снизилась более чем вдвое. Если в 1994 г. за чертой бедности жило 4,9 млн чел., то в 2019 г. – 1,9 млн чел.

В Камбодже фиксировалась положительная связь между экономическим ростом и снижением бедности. Эластичность бедности по доходу на душу населения была одной из самых высоких в регионе – 5,5%. То есть увеличение среднедушевого дохода на 1% приводило к снижению численности людей за чертой бедности на 5,5%¹⁵. Положительной тенденцией стало и снижение индекса Джини – с 0,42 до 0,29, что свидетельствует о сокращении неравенства в обществе.

Общий рост уровня жизни населения сопровождался улучшением показателей в сфере образования, здравоохранения, продолжительности жизни. Так, например, показатель ожидаемой продолжительности жизни увеличился с 54 до 70 лет. Возрос и охват населения образованием, составив 81%. Улучшились показатели доступа к чистой воде – с 37 до 67% населения, а также соблюдения санитарных норм – с 21 до 33%. Тем не менее по индексу человеческого развития (ИЧР) Камбоджа находится на 144-м месте из 189 стран. В 2019 г. этот показатель составил 0,59.

Однако, несмотря на существенное снижение уровня бедности, заметная часть сельских жителей остается очень уязвимой, поскольку большая доля населения сосредоточена в нижней части шкалы распределения доходов. Три четверти населения по-прежнему классифицируются как почти бедные, находясь чуть выше черты бедности. Таким образом, уровень бедности очень чувствителен к тому, где проводится черта бедности. Падение ежедневных доходов крестьянских хозяйств всего лишь на \$0,30 становится причиной роста бедности, в результате которого по меньшей мере около 3 млн человек находятся в зоне риска. В 2020–2022 гг. достигнутые успехи были частично перечеркнуты. Серьезное ухудшение экономической ситуации в результате пандемии *COVID-19* привело к росту уровня бедности до 17,5% населения [1, с. 417].

СДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Несмотря на существенные преобразования и впечатляющие успехи, так и не была решена насущнейшая экономическая задача – радикальное повышение эффективности труда. За период 1993–2021 гг. производительность труда выросла почти в 5 раз – с \$592 до \$3063. Однако добавленная стоимость на одного работника увеличивалась сравнительно медленными темпами – 5,6%. В соседних странах производительность труда демонстрировала более высокие показатели. Так, в Лаосе она увеличивалась на 7,6%, во Вьетнаме – на 9,4%. В результате по этому показателю Камбоджа отстала от своих соседей. Так, в Лаосе добавленная стоимость на одного работника составила \$6276, во Вьетнаме \$6654, в Таиланде – \$12 625¹⁶.

Сравнительно низкий уровень производительности труда в большинстве ключевых секторов экономики препятствовал устойчивому экономическому росту. Особенности структуры воспроизводства стали важным фактором формирования его эффективности. Структурная перестройка происходила неравномерно, в первую очередь за счет развития отраслей с низкой добавленной стоимостью. Производство такого типа осуществлялось с большими материальными затратами и на простейшем технологическом уровне, что было причиной невысокого качества товаров.

¹⁵ Рассчитано по: The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?locations=KH> (accessed 12.03.2023)

¹⁶ Рассчитано по: The World Bank Data.

В свою очередь, низкая производительность труда, невысокое качество товаров обуславливает и порождает проблему экономической диверсификации и внешнеэкономических связей, которые, как отмечалось ранее, являются одним из движущих факторов развития экономики.

По показателям экономической сложности Камбоджа находится на 92-м месте из 131 в мире¹⁷. Камбоджийский экспорт отличается высокой степенью концентрации как товарной, так и географической. В последние годы 5 товаров составляли 80% от общего объема экспорта; на два рынка приходилось 69% товарного экспорта¹⁸. А 72% от общего объема капитальных вложений приходилось на иностранные инвестиции, что обуславливало сильную зависимость от внешних источников финансирования.

Неудивительно, что, когда пандемия *COVID-19* нарушила трансграничный поток товаров, услуг и капитала, Камбоджа оказалась не в состоянии справиться с потрясением без альтернативных продуктов, рынков и источников финансирования. По сравнению с Камбоджей такие страны, как Индонезия, Малайзия и Вьетнам, столкнулись с такими же или более серьезными внешними потрясениями, однако они продемонстрировали большую экономическую устойчивость благодаря своей диверсифицированной экспортной корзине, различным направлениям торговли или более глубоким внутренним финансовым рынкам.

Рост экономики носил преимущественно экстенсивный характер. Влияние количественных факторов, т.е. труда и капитала, естественно, преобладало: их вклад достигал вместе 85%. Роль же интенсивных, качественных факторов – производительности труда, научного прогресса, новых технологий, зависящих от интеллектуального участия и знаний (их отражает индекс многофакторной производительности) – была совсем незначительна [6, р. IX]. Более того, с 2012 г. наметилась тенденция сокращения капиталотдачи при неуклонном росте капиталовложений.

Нерационально использовались и природные богатства, которые являются наиболее доступными и одновременно ценными источниками роста для Камбоджи как отсталой и слабо развитой страны.

Показательно отношение к лесу – одному из главных национальных достояний. Конверсия земель происходила тревожными темпами. В последние десятилетия обезлесение привело к значительной потере лесного покрова – с 59%, или 10,1 млн га, в 2006 г. до 46%, или 8,5 млн га, в 2022 г. В 2002–2020 гг. на 92% обезлесенной территории лес просто вырубался и лишь 2,3% освободившейся земли переводилось под нужды сельского хозяйства¹⁹. Сельскохозяйственные земли увеличились незначительно – с 3,8 до 4,1 млн га²⁰.

Не полностью и неэффективно задействован и такой важный фактор развития, как обширные трудовые ресурсы. С 2000-х гг. Камбоджа вступила на путь демографической трансформации, которая сопровождалась оптимизацией возрастной структуры, открывающей стране «окно демографического благоприятствования». В 2021 г. в Камбодже уровень экономической активности населения достигал 85,1%²¹. Однако большая часть занятых (94%) представлена неквалифицированными и низкоквалифицированными рабочими [7, р. 9], что отражает как нехватку навыков, так и экономических возможностей для создания высококвалифицированных рабочих мест.

Согласно опросам предприятий, проведенным Всемирным банком в 2016 г., 33,5% камбоджийских фирм назвали «недостаточно квалифицированную рабочую силу» основным препятствием для развития своей деятельности. Таким образом, нерациональная структура занятости наряду с недостаточной квалификацией местной рабочей силы определяет низкую производительность труда.

Вместе с тем можно констатировать, что Камбоджа достигла «поворотного момента Льюиса» (*Lewis turning point*), когда заработная плата низкоквалифицированных работников во всей экономике начинает быстро расти [8]. В последние десятилетия произошел её существенный рост, в особенности в швейной и текстильной промышленности, что было обусловлено увеличением минимальной заработной платы, установленной законом. Как следствие, это оказало влияние на оплату труда, в т.ч. неквалифицированного. Этот процесс шел на фоне слабого улучшения качества рабочих ресурсов и медленного роста производительности. Так, например, в текстильной и швейной отрасли минимальная заработная

¹⁷ <https://oec.world/en/profile/country/khm> (accessed 02.04.2023)

¹⁸ Рассчитано по: ASEANSTAT Data. <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (accessed 12.03.2023)

¹⁹ Global Forest Watch. Cambodia. <https://www.globalforestwatch.org/dashboards/country/KHM/?category=summary&location=WYJb3VudHJ5Iiw0%3D&map=eyJ...> (accessed 12.01.2023)

²⁰ FAO STAT. <http://www.fao.org/faostat/en/#data/RL>

²¹ The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=KH> (accessed 10.12.2022)

плата достигла \$200 в 2022 г., что сопоставимо с уровнем Вьетнама (\$198)²². При этом производительность труда в Камбодже заметно отстает и составляет \$4820 на работника, а во Вьетнаме – \$5330²³. Таким образом, повышение заработной платы в Камбодже серьезно подрывает конкурентоспособность страны.

Развитие трудоемких отраслей препятствовало повышению производительности труда, но вместе с тем сокращало социальные издержки, а капитальные затраты ускоряли экономический рост, увеличивали прибыль, что стимулировало внутренний спрос. Последний стал важным фактором роста ВВП. Однако способ бытового потребления камбоджийцев оставался преимущественно традиционным, особенно у жителей деревни. Для него характерны использование почти не переработанного натурального сырья, большие материальные и энергетические затраты, загрязнение окружающей среды, уничтожение редких видов животных и невозполнимых природных ресурсов. Подобная модель потребления ведет к ухудшению здоровья, в т.ч. следующих поколений, и перегрузке природной среды за счет выброса вредных веществ и чрезмерного расхода естественных богатств.

Экстенсивный характер развития обусловлен и технической отсталостью камбоджийской экономики, вызванной слабым применением научно-технических достижений в производстве. Многие крестьянские хозяйства, например, по-прежнему используют орудия труда, популярные еще в колониальный период, хотя тенденция механизации аграрного сектора имеет положительную, но весьма умеренную динамику.

Отсталая, не удовлетворяющая нуждам производства инфраструктура, стала фактором низкой конкурентоспособности, а также сдерживания роста ПИИ. Состояние коммунальных сетей, связи, транспорта, здравоохранения не отвечает современным требованиям, а цены на услуги выше, чем в регионе в среднем. Например, в коммунальной сфере цены на электричество, телефонную связь, транспортные перевозки в 2–3 раза выше, чем в соседних странах.

Цены внутреннего рынка на многие виды продукции превосходят мировой уровень. Этим вызван быстрый прирост общей стоимости промышленной продукции (15% в год) при более скромном увеличении добавленной стоимости (10%). Аналогичная ситуация сложилась в аграрном секторе: ввиду роста стоимости затрат производства – на электроэнергию, удобрения, ирригацию, а также в основном ручного труда при полевых работах, продуктивность и эффективность этого сектора остаются на низком уровне.

Вследствие указанных причин по-прежнему не удается ускорить процесс модернизации экономики. Экстенсивный рост не отвечает насущным требованиям всё более активной международной конкуренции и интеграции Камбоджи, замедляет преодоление отсталости. А зависимость от узкого круга продуктов, рынков и факторов производства делает экономическую модель страны более уязвимой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая модель Камбоджи выглядит крайне несбалансированной, поскольку источники её роста не диверсифицированы. Можно констатировать также высокую концентрацию экспорта – как продуктовую, так и географическую. Таким образом, страна попадает в зависимость от рынков сбыта определенного узкого круга товаров и их конъюнктуры на мировых рынках. Более того, эффективность модели ставится под сомнение в силу того, что не удастся решить насущнейшую экономическую задачу, задачу существенного повышения производительности труда.

Ключевым следствием этого является то, что несбалансированная модернизация Камбоджи привела к очень быстрому, но в конечном итоге неустойчивому экономическому прогрессу.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бектимирова Н.Н. Королевство Камбоджа: динамика политического развития в XXI веке. М.: ИСАА МГУ, 2022. 548 с.

²² <https://aseanbriefing.com/news/cambodia-increases-minimum-wage-for-textile-and-garment-sectors-for-2023/> (accessed 02.04. 2023)

²³ Рассчитано по: The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD?locations=VN> (accessed 05.04.2023)

- Bektimirova N.N. 2022. The Kingdom of Cambodia: dynamics of political development in the XXI century. Moscow. (In Russ.). 548 p.
2. Бектимирова Н.Н. Вглядываясь в прошлое: к 40-летию свержения режима «красных кхмеров» в Камбодже. *Вьетнамские исследования*. Серия 2. 2019, № 2. С. 55–65.
Bektimirova N.N. 2019. Gazing into the past: on the 40th anniversary of the toppling of the khmer rouge regime in Cambodia. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. Series 2. Pp. 55–65. (In Russ.)
 3. Бурова Е.С. Воздействие пандемии COVID-19 на экономическое развитие Камбоджи. *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2021. № 4. С. 46–52.
Burova E.S. 2021. Impact of the COVID-19 on Cambodia's economic development. *East Asia: Facts and Analytics*. P. 46–52. (In Russ.). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-4-46-52
 4. Siphath Lim. 2020. The Effect of Export on Economic Growth in Cambodia: Policy Formulation. *Journal of Accounting, Finance, Economics, and Social Sciences*. Vol. 5, № 2, July–December. Pp. 10–20.
 5. Sereyvath Ky, Siphath Lim. 2020. Macroeconomic Policies and Economic Growth of Cambodia during the COVID-19 Era. *Journal of Accounting, Finance, Economics, and Social Sciences*. Vol. 5, № 1, January–June, pp. 100–108.
 6. The World Bank. Resilient development. A strategy to diversify Cambodia's growth model. Cambodia country economic memorandum. 2021. 105 p.
 7. Cunningham W., Hollweg C. 2019. Cambodia's Future Jobs; Cambodia's Future Jobs: Linking to the Economy of Tomorrow. World Bank, Phnom Penh. 46 p.
 8. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor. *The Manchester School*, 22(2) (1954), pp. 139–191.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бурова Елена Сергеевна, научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Burova Elena, Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.05.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 15.08.2023

Трансформация образования в Кот-д'Ивуаре: проблемы и перспективы

© Данилова Л.Н.^а, 2023

^а Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского
ORCID: 0000-0002-1272-401X; yar-da.l@mail.ru

Резюме. На рубеже тысячелетий Кот-д'Ивуар пережил сложнейший экономический кризис и гражданскую войну, что определило его развитие в последующие годы. Его социальные институты редко освещаются в научной литературе. Образование – один из институтов, отражающих сложности внутренних трансформаций страны, и в суверенной Республике Кот-д'Ивуар этот социальный онтогенез определяется спецификой колониального прошлого, демографического состава, экономической структуры и политических событий. В каком направлении развивается его образовательная система, какие проблемы решает и какие цели преследует на современном этапе (2010–2023 гг.)?

Путем изучения официальных материалов образовательных ведомств, нормативно-правовой базы Кот-д'Ивуара, национальной статистики, мнения ивуарийских и зарубежных исследователей, с учетом знаний о культурно-исторических основаниях государства в статье выделены проблемные зоны национального образования с начала 2010-х гг., определено их отражение в образовательной политике республики и актуальное состояние её школы.

Ключевые слова: Кот-д'Ивуар, образование, развитие образования, образовательная система, образовательная политика, Западная Африка

Для цитирования: Данилова Л.Н. (Ярославль). Трансформация образования в Кот-д'Ивуаре: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 53–60. DOI: 10.31857/S032150750027593-4

Transformation of Education in Cote d'Ivoire: Issues and Perspectives

© Danilova L.N.^а, 2023

^а Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University
ORCID: 0000-0002-1272-401X; yar-da.l@mail.ru

Resume. At the turn of the centuries, Cote d'Ivoire experienced a very difficult economic crisis and a civil war, which determined its development for the future decades. Social institutions of this state have been little studied in scientific literature abroad and in Russia but its education is definitely worth studying. However, education is an institution which reflects complexities of internal transformations in the country, and this social ontogenesis in the Republic of Cote d'Ivoire is determined by specifics of the colonial past, demography, economic structure and political events. What are development trends of the Ivorian educational system, what problems does it solve and what tasks does it pursue at present, since 2010?

By studying official materials of educational departments, the regulatory framework, national statistics, opinions of Ivorian and foreign researchers, taking into account knowledge about the cultural and historical foundations of the state, the article highlights some problem areas of education since the beginning of the 2010s, their reflection in educational policy and the current state of Cote d'Ivoire's school.

Keywords: Cote d'Ivoire, education, development of education, educational system, educational policy, West Africa

For citation: Danilova L.N. (Yaroslavl). Transformation of Education in Cote d'Ivoire: Issues and Perspectives. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 53–60. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027593-4

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня отношения России и Кот-д'Ивуара носят дружественный взаимовыгодный характер. Между двумя странами установлено сотрудничество в разных сферах. Так, Кот-д'Ивуар – один из торговых

партнеров нашей страны в Африке. В 2021 г. мы экспортировали туда продукцию на \$129 млн, в основном минеральные удобрения и зерновые (в 2022 г. эти показатели увеличились), а ивуарийский импорт в Россию был почти вдвое больше (90% составляют поставки какао-продуктов).

Но, по мнению дипломатов, доминантой таких отношений было и должно быть образовательное взаимодействие. Советское и российское образование высоко ценится в Кот-д'Ивуаре. Об этом взаимодействии сегодня свидетельствуют образовательная миграция ивуарийцев и интерес к Центру открытого образования на русском языке, запускаемому Ярославским государственным педагогическим университетом в Абиджане с осени 2023 г.

Для установления более прочного сотрудничества в сфере образования важно понимать специфику образовательной системы Кот-д'Ивуара, её проблемы и возможности.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Первыми европейцами, поселившимися в Кот-д'Ивуаре в XVII в., были французские миссионеры. Они начали торговлю древесиной, золотом, алмазами и слоновой костью, откуда пошло название Берег Слоновой Кости. Колония Франции (до 1960 г.) с 1904 г. стала частью Федерации Французской Западной Африки. Это обусловило в современном Кот-д'Ивуаре не только установление французского языка как государственного, но и организацию по образцу бывшей метрополии многих социальных институтов, в т.ч. образовательной системы.

Серьезный скачок в развитии национального образования страна пережила в 1960–1980-е гг. Обретение независимости сопровождалось расширением гражданских прав и ростом экономики (прежде всего, за счет экспорта кофе и какао-бобов). Но в ходе мирового экономического кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг. цены на кофе и какао-бобы упали, что привело к снижению ВВП, безработице, обеднению населения.

Со смертью первого президента Уфуэ-Буаьи в 1993 г. усугубился политический кризис. В 1999 г. произошел военный переворот, усиливший социально-экономические проблемы. Проведенные в следующем году президентские выборы и принятие новой Конституции не смогли стабилизировать обстановку, и в 2002 г. в Кот-д'Ивуаре был поднят военный мятеж, разделивший север и юг страны. Началась гражданская война, разрушившая и без того хрупкие государственные институты, включая образование. Более миллиона детей не посещали школы в этот период, а тысячи учителей стали беженцами или были убиты [1]. Военный конфликт был урегулирован только в 2007 г. Первые за 10 лет президентские выборы были проведены в 2010 г., спровоцировав новые вооруженные столкновения между правящей властью и оппозицией. Этот политический кризис завершился в 2011 г. при вмешательстве французских властей. С этого времени государство возглавляет Алаассан Уаттара.

Важно заметить, что французское влияние по-прежнему сильно в Кот-д'Ивуаре, в т.ч. в образовательной области. Многие чиновники проходили во Франции обучение, получали докторские степени, начинали там свою карьеру (например, нынешние министр национального образования и грамотности М.Коне и министр по делам женщин, семьи и детей Н.Турэ).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Для понимания внешнего фона, на котором развивается ивуарийская образовательная система, приведем базовые сведения о самом государстве.

Кот-д'Ивуар – это многонациональное государство. Сегодня в нём проживает около 60 разных народностей, сгруппированных в 4 основных культурных региона, различающихся особенностями экономической деятельности, религии, традициями, языком, менталитетом и т.д. Примерно 35% населения исповедуют ислам, до 40% придерживаются традиционных верований, остальные – христиане.

Население Кот-д'Ивуара превышает 29 млн человек с приростом более 2,5% в год¹. В силу высоких темпов его прироста граждане до 14 лет составляют около 40% населения (более 11 млн). Для государства предоставление гражданам образования в значительной степени обусловлено этой демографической особенностью: удельным весом граждан школьного возраста в общем составе населения (чем

¹ UNESCO Institute for Statistics (UIS). <http://data.uis.unesco.org> (accessed 11.05.2023)

больше детей и молодежи, тем меньше возможностей у государства поддерживать их в получении образования) и долей сельского населения (проблемы с организацией школьного образования имеют более сложный характер в сельской местности) [2].

Граждан 15–24 лет – 5,5 млн (из них более 800 тыс. неграмотные). Доля сельского населения (48%) почти такая же, как городского. Коэффициент бедности (доход менее \$1,9 в день) – 11,5%. Общие социальные показатели страны остаются низкими, но постепенно улучшаются, что подтверждает, например, индекс человеческого развития: 171-е место Кот-д'Ивуара из 187 стран в 2017 г. и 159-е – в 2022 г.

Кризис 1990-х гг. послужил началом значительного снижения расходов на образование. По данным правительства и Института статистики ЮНЕСКО, в 1979 г. расходы на образование составляли 8,2% ВВП, в 1990 г. – 7,6%, но после войны резко упали: в 2011 г. – уже только 3%, в 2015 г. – 5% ВВП, в 2020 г. – 3,4%^{2,3}.

Образовательная система Кот-д'Ивуара получила новый импульс только с 2011 г., с окончанием затяжного политического и экономического кризиса. С этого времени государство прилагает значительные усилия по восстановлению и модернизации образования.

Для анализа этого развития следует также кратко представить структуру ивуарийского образования.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КОТ-ДИВУАРА

Система включает в себя несколько последовательных ступеней.

1) *Дошкольное образование* – для детей от 3 до 5 лет включительно (в 2019/20 г. им было охвачено только около 2,4 млн детей в городах⁴).

2) *Начальное образование* – для детей 6–11 лет. Несмотря на требование Закона об образовании (2015), оно еще не является всеобщим (в 2020 г. начальную школу окончило только 70% от соответствующего набора в 1 классе).

3) *Среднее образование* – до 19 лет. Полное среднее образование и сдача национального экзамена (аналог ЕГЭ) обеспечивают доступ к высшему образованию. С 2015 по 2019 г. число средних школ по стране выросло на 36%, что подтверждает приверженность правительства идее расширения образования.

4) *Среднее профессиональное образование* охватывает молодежь 16–21 года. Число его учреждений в 2019 г. было 535 [3].

5) *Высшее профессиональное образование* (охватывает 9% населения).

В стране есть несколько государственных вузов, в 2021/22 г. заявки на поступление туда подало около 69 тыс. выпускников средней школы, из которых было зачислено чуть более 28%. Это побуждает правительство открывать новые вузы.

На государственные вузы приходится сотни тысяч студентов, а на частные, которых большинство, – более 2 млн. Правительство рассматривает частный сектор как дополнительный инструмент реализации своей образовательной политики. Из-за нехватки мест в государственном секторе оно субсидирует средние частные школы, чтобы там могли бесплатно учиться дети из малообеспеченных семей. Условия их открытия, аккредитации и деятельности регулируются государством в соответствии с Законом об образовании.

Ивуарийская образовательная система состоит из государственных и частных учреждений и находится в прямом ведении трех органов: Министерства национального образования и грамотности, Министерства технического образования и профессиональной подготовки, Министерства высшего образования и научных исследований.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

После политической стабилизации в Кот-д'Ивуаре были разработаны стратегические документы, касающиеся образования. В частности, *План образовательного сектора* на 2016–2025 гг. определяет текущую политику государства в этой сфере, провозглашая следующие нормы:

² <https://www.men-dpes.org/> (accessed 10.05.2023)

³ The World Bank Data. Government expenditure on education, total (% of GDP) – Cote d'Ivoire. <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS?locations=CI> (accessed 10.05.2023)

⁴ <https://www.education.gouv.ci> (accessed 08.05.2023)

1. Все дети должны посещать школы, призванные обеспечивать качественное обучение в соответствии с национальными стандартами. Для этого требуется:

- модернизировать детские сады и их программы;
- обеспечивать инклюзивное всеобщее начальное образование на основе соответствующего закона;
- удерживать в системе девочек;
- строить и реконструировать школы;
- создать систему сертификации педагогов частных школ.

2. Мужчины и женщины имеют равный доступ к качественной профессиональной подготовке, что возможно благодаря:

- организации партнерских отношений с частным сектором;
- модернизации профессионального образования;
- повышению квалификации педагогических кадров.

3. Достижение всеобщей грамотности через:

- интеграцию неформального и формального образования;
- активизацию образования на селе и для взрослых [4].

В стране крайне низкий уровень грамотности, прежде всего, среди взрослого населения. Даже среди граждан 15–24 лет он составляет только 68%, что ниже показателей других стран субрегиона (в Гане и Кении – более 80%). Организацией школьного образования занимается Министерство национального образования и грамотности.

4. Расширение доступа к качественному высшему образованию через:

- пересмотр правовой базы и внедрение системы мониторинга;
- улучшение подготовленности абитуриентов;
- адаптацию программ к требованиям производства,
- компьютеризацию и цифровизацию.

Кроме того, весьма своеобразным документом, регулирующим вопросы образования в Кот-д'Ивуаре с 2014 г., является *Кодекс поведения персонала образовательных учреждений*, нацеленный на защиту учащихся, продвижение ценностей гражданственности и социальной сплоченности, на укрепление отношений между школой и обществом⁵. Документ требует от кадров соответствующего морального облика, прилежного исполнения своих обязанностей и уточняет нормы поведения/отношения педагога (например, уважение к учащимся, их физическая неприкосновенность, учет их мнения, потребностей и интересов, беспристрастность, справедливость и др.).

В Кодексе установлены дисциплинарные наказания за неподобающее поведение, деятельность или внешний вид (за татуировки, пирсинг; политическую и прочую пропаганду; за дискриминацию, унижение и угрозы учащимся; за продажу и употребление алкоголя и табака на территории школ и пр.). Анализ документа позволяет заметить два базовых противоречащих друг другу обстоятельства: 1) строгость нормативно-правовой базы по отношению к педагогам и администрации учебных заведений, контролирующей не только подходы к воспитанию учащихся, но также религиозную и политическую нейтральность педагогических кадров; 2) при этом практика школьной жизни указывает на разнообразные проблемы, включая насилие со стороны учителей, свидетельствующие о слабом соблюдении Кодекса. Это подтверждает, что документ обусловлен реальными проблемами и призван обеспечить их преодоление в будущем, создав позитивный образ учителя и школы.

Также Кодекс предостерегает педагогов от любых форм домогательств учащихся, физического насилия, употребления наркотических средств⁶. Здесь, забегаая вперед, надо пояснить, что сексуальное и физическое насилие в школах Кот-д'Ивуара является массовой системной проблемой [5; 6], поэтому, вводя ответственность для учителей, Министерство также ведет работу по совершенствованию национальной философии образования, образа педагога и улучшению школьного климата.

Потребность в квалифицированной рабочей силе и качественном образовании лежит в основе национального базового документа – *Стратегического плана Кот-д'Ивуара до 2030 г.*, который направлен на консолидацию в экономическом восстановлении и развитие. Вместе с упоминавшимся выше

⁵ <https://sgbv-ihrda.uwazi.io/en/entity/7dnaza9qi2j?raw=true> (accessed 11.05.2023)

⁶ Ibidem.

Планом образовательного сектора приоритетными направлениями развития образования в нём названы расширение доступа к образованию и повышение качества преподавания. Поэтому первостепенное значение для правительства в 2022 г. имело открытие 43 школ на селе, начало строительства 7 техникумов и 2 государственных университетов, а также расширение общенациональной программы школьного питания. В апреле 2023 г. премьер-министр сообщил о предстоящем строительстве 37 школ в удаленных сельских районах за полтора года.

COVID-19 вынудил правительство ускорить внедрение программ дистанционного обучения, были созданы цифровые платформы удаленного обучения для школ и систем профессионального образования, образовательный контент транслировался по ТВ и радио. Еще в 2015 г. правительством утверждено открытие государственного Виртуального университета, сегодня он насчитывает более 10 тыс. учащихся и осуществляет подготовку через веб-телевидение, социальные сети, стажировки на производстве, что способствует цифровой модернизации Кот-д'Ивуара. Этот опыт позволил министерству начать разработку национальной политики использования ИКТ в образовании, что позволит решать проблемы доступа к образованию и подготовки учителей. Уровень компьютерной грамотности в стране очень низкий: по данным 2019 г., базовыми навыками в сфере ИКТ владело только 14% населения, стандартными – 4%, что подтверждает некомпетентность в этой области и среди педагогов⁷.

В мае 2023 г. правительство заслушало отчет Национального совета по вопросам образования (*EGENA*), в течение 2 лет осуществлявшего диагностику системы для определения путей повышения её качества. Советом было выделено 4 приоритетных области образования – оптимизация школьного дела, реформа педагогической подготовки, расширение неформального образования и развитие цифровых технологий в образовании. Совет рекомендовал развивать выявленные области посредством проведения рекордных 42 реформ, планирующихся на следующие 10 лет, с начальным бюджетом 866 млрд франков⁸.

Заметим, что слово «реформа» в отчете является преувеличением и в реальности отражает лишь конкретные меры по повышению качества национальной школы. Часть таких мер уже осуществляется. Например, с сентября 2022 г. почти во всех государственных начальных школах в сельской местности были открыты подготовительные классы для облегчения процессов включения ребенка в школьное обучение. Другая текущая мера – запущенная в нынешнем году программа дистанционного обучения «Моя школа дома». В ближайшее время должен быть запущен пилотный проект по выдаче бесплатных учебников школьникам.

ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ ИВУАРИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

При всех позитивных усилиях правительства сначала по восстановлению, а теперь по модернизации ивуарийской образовательной системы в стране остаются устойчивые проблемы, которые вызывают наибольшие трудности. ЮНЕСКО, сравнивая Кот-д'Ивуар с другими странами Африки, выделяет следующие недостатки его образования: уровень грамотности (грамотными являются около 60% взрослых в возрасте 24–59 лет); уровень охваченности детей образованием; низкий уровень успеваемости, второгодничество; нехватка педагогических кадров в начальных школах⁹.

Главной из них признается отсутствие всеобщего доступа к образованию, прежде всего, к начальному. Благодаря усилиям правительства, число не посещающих начальную школу детей ежегодно сокращается: в 2021 г. 134 тыс., из которых 94% – девочки. В 2022 г. начальную школу посещали уже 99,3%. Однако среди подростков сокращение незначительно: в 2021 г. среднюю школу посещало только 60,6% возрастной группы.

Очевидно, что этот список следует уточнить и дополнить. Так, проблема организации обязательного образования (решаемая принятием соответствующей поправки к Закону об образовании) и удержания детей в образовательной системе, среди прочих факторов, имеет специфические географические, культурологические и экономические основания.

⁷ The Sustainable Development Goals Extended Report 2022. Goal 4. The Statistics Division of the UNSD. https://unstats.un.org/sdgs/report/2022/extended-report/Extended-Report_Goal-4.pdf (accessed 14.05.2023)

⁸ <https://www.education.gouv.ci> (accessed 12.05.2023)

⁹ https://www.epdc.org/sites/default/files/documents/EPDC_NEP_2018_Coted'Ivoire.pdf (accessed 14.05.2023)

Важно напомнить, что Кот-д'Ивуар – один из крупнейших в мире экспортеров какао-бобов; какао составляет не только основу национальной экономики, но и является сферой деятельности примерно 20% семей. При этом многие фермеры живут в бедности, что побуждает их активно использовать детский труд. С 2000-х гг. в отрасли производства какао Западной Африки идет борьба с детским трудом и торговлей детьми (Закон об обязательном школьном обучении, ужесточение трудового законодательства, повышение минимального возраста работников до 16 лет, создание Службы наблюдения за детским трудом и т.д.), но детский труд по-прежнему используется: по данным опроса 2020 г., примерно 38% детей 5–17 лет были задействованы при производстве какао [7].

Именно бедность является серьезной проблемой, ограничивающей доступ к образованию для поколений сельских жителей. К тому же, хотя государственные школы в Кот-д'Ивуаре бесплатны, семья должна приобрести сопутствующие предметы – от канцелярии до школьной формы, что также бьет по бюджету семей, находящихся на грани или за чертой бедности, и часть из них предпочитают уклоняться от посещения школ. Если посещение начальных классов сегодня становится нормой даже в сельской местности, то основная школа всё еще воспринимается многими бедняками как пустая, бессмысленная трата времени.

Культурологическим фактором низкой включенности детей в образовательную систему являются традиционные религиозные и культурные представления об ограничении социальной роли женщин домашним хозяйством, замужеством и материнством. Препятствует массовому зачислению девочек в школы родителями, особенно в сельской местности, восприятие школы как излишества или угрозы традициям, поскольку необходимое для этих социальных ролей воспитание девочка должна получать дома от матери. Таким образом, на тенденцию зачисления также частично влияет менталитет семей [8]. В сельской местности также практикуются ранние браки. Несмотря на то, что Конституция запрещает брак до 18 лет, в 2016 г. 33% девушек вышло замуж до этого возраста, из них 10% – до 15 лет [9], что препятствует посещению уже средней школы. Свою роль в образовательной статистике о включенности в общее образование в Кот-д'Ивуаре играет и проблема насилия в отношении детей. По данным ЮНИСЕФ, в 2016 г. физическому насилию в школьной среде подвергалось 2/5 учащихся, 38% учеников стали жертвами сексуальных домогательств в школе (число беременностей даже в начальной школе измеряется сотнями, в средней – тысячами)¹⁰.

В целом низкой остается доступность Интернета для населения: в 2021 г. использовали Интернет, в т.ч. с мобильных устройств, только 45% населения; по данным 2019 г., дома имели Интернет только 17% населения, т.е. значительно меньше, чем в развитых странах; пользовались Интернетом с различных устройств 25% детей до 15 лет¹¹.

И, конечно, серьезную проблему, отмечаемую во всех отчетах и планах развития образования, представляет собой квалификация педагогов. Это закономерно, поскольку значительный прогресс в своем развитии национальная система подготовки педагогов переживает именно со второй половины 2010-х гг.: еще в 1985 г. педагогическое образование имели только 20% ивуарийских учителей средних школ [5].

По французской традиции педагоги в Кот-д'Ивуаре являются государственными служащими, поэтому, естественно, их трудоустройством руководит соответствующий департамент Министерства технического образования и профессиональной подготовки, распределяя педагогов по школам в соответствии с региональными потребностями и вакансиями. Министерство разработало программы стимулирования, призванные привлечь педагогов к работе в отдаленных и неблагополучных районах, хотя эффект программ признается пока незначительным [14].

Установлено, что профессия учителя набирает популярность в ивуарийском обществе, поскольку заработная плата педагогов здесь выше, чем во многих сферах экономики, существенно превосходит средний показатель учительской зарплаты по всему западноафриканскому региону и выплачивается ежемесячно [10]. Власти стимулируют привлекательность профессии благодаря страховкам, жилищным субсидиям и премиям. Это объясняет конкуренцию при поступлении в педагогические учебные заведения. Даже на специальность помощника учителя, к примеру, в апреле 2023 г. заявки подали более 66 тыс. кандидатов на 5 тыс. мест, при том что в прошлом году желающих было 47 тыс.

¹⁰ All Africa. <https://allafrica.com> (accessed 12.03.2023)

¹¹ The Sustainable Development Goals Extended Report 2022...

Власти рассчитывают, что меры стимулирования и увеличение зарплаты педагогов в 2023 г. позволят добиться значительного улучшения показателей статистики по квалификации учителей в будущем. Пять лет назад около 50% воспитателей детских садов имели только свидетельство об окончании неполной средней школы, 40% – школьный бакалавриат и выше, а 10% не имели свидетельства об образовании вообще. Сложная кадровая ситуация и в частном секторе: по данным Министерства технического образования и профессиональной подготовки, в 2017 г. не имело образования 23% педагогов частных школ [5]. Проблема во многом объясняется несовершенством законодательной базы: если распределение учителей по государственным школам централизовано, то надзор министерства за частными школами весьма ограничен, и им неподконтрольны вопросы трудоустройства кадров на должность учителя без какого-либо профессионального образования.

В настоящее время проблема решается путем сотрудничества. Национальное министерство образования сотрудничает с заинтересованными международными организациями с целью разработки новой политики в области образования, улучшения подотчетности частного образовательного сектора и повышения квалификации педагогов. Для действующих учителей также существуют возможности непрерывного профессионального развития.

Как и в других африканских странах, влияние на подготовку педагогических кадров оказывают зарубежные акторы – от международных организаций (ЮНЕСКО, Всемирный банк, Глобальное партнерство в образовании или *Graines de Paix*) до официальных представителей из конкретных стран. Например, в 2012–2017 гг. Китай выполнял совместный с ЮНЕСКО проект интеграции ИКТ в подготовку учителей нескольких африканских стран, включая Кот-д'Ивуар; с 2022 г. Китай строит профтехучилище в Абиджане, параллельно обеспечивая поставку оборудования и обучение педагогов будущего училища; с 2022 г. посольство КНР продвигает инициативу включения китайского языка как иностранного в образовательную программу ивуарийских школ. Свои образовательные проекты здесь также реализуют Франция, США, Турция и др. [11; 12; 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, правительство Кот-д'Ивуара прилагает разноплановые усилия по преодолению системных национальных проблем типа неграмотности населения, отсутствия доступа к образованию для всех желающих, низкого качества подготовки, неразвитой образовательной инфраструктуры, низкого уровня профессионализма педагогов. Для этого образование объявлено стратегической областью национального развития, ведется активное вливание инвестиций в сферу образования и строительство новых учебных заведений, начата цифровизация отрасли, организовано сотрудничество государства с частными учебными заведениями, общинами, профсоюзами и международными заинтересованными организациями.

Анализ достижений Кот-д'Ивуара в восстановлении и обновлении образовательной сферы в 2010–2020 гг. определенно позволяет рассчитывать на дальнейший прогресс образовательной системы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Minoi C., Shemyakina O.N. 2014. Armed Conflict, Household Victimization, and Child Health in Côte d'Ivoire. *Journal of Development Economics*. Vol. 108. Pp. 237–255. DOI:10.1016/j.jdeveco.2014.03.003
2. Morisset J., Ndem A. 2017. FLe défi des compétences, pourquoi la Cote d'Ivoire doit reformer son système éducatif? Cote d'Ivoire economic update. Washington, D.C.: Banque mondiale. 51 p.
3. Portail Officiel Du Gouvernement De Côte D'ivoire. <https://www.education.gouv.ci> (accessed 08.05.2023)
4. MENET-UNICEF. 2015. Etude sur le bien-être et la sécurité des élèves dans les écoles de Côte d'Ivoire. Abidjan: UNICEF. 151 p.
5. Parkes J., Westerveld R., Johnson R.F. 2017. Addressing School Related Gender-Based Violence in Côte d'Ivoire, Togo, Zambia and Ethiopia: A Cross-country Report. London: UCL Institute of Education. 42 p.
6. NORC. 2020. Assessing Progress in Reducing Child Labor in Cocoa Production in Cocoa Growing Areas of Côte d'Ivoire and Ghana. Chicago: NORC. 28 p.
7. Oyeniran R. 2018. Education for All in Developing Countries: A Critical Analysis. *Journal of Educational System*. Vol. 2. Is. 12. Pp. 25–33.
8. Malé C., Wodon Q. 2016. Basic Profile of Child Marriage in Côte d'Ivoire. *Knowledge Brief*. March. P. 1.

9. UNESCO. 2013. Synthesis Report: Findings from the Needs Assessment Phase Côte d'Ivoire, Ethiopia, Namibia / UNESCO; Chinese Funds-In-Trust. 32 p.
10. Dunfjäll M. 2019. Sino-African Relations and ODA in the Twenty-First Century: Chinese Aid and Public Expenditure in Education and Health Sectors of Sub-Saharan African Nations. *Chinese Political Science Review*. Vol. 4. Pp. 375–402. <https://doi.org/10.1007/s41111-019-00125-1>
11. Krupova K., Čech E. 2020. A Neo-colonialist French Foreign Policy in Africa? Insights from Côte d'Ivoire. *Studia Politica: Romanian Political Science Review*. Vol. 20. Is. 2. Pp. 291–317. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-69916-3>
12. Froehlich A., Siebrits A., Kotze C. 2021. Towards the Sustainable Development Goals in Africa: Space Supporting African Higher Education. Space Supporting Africa. *Studies in Space Policy*. Vol. 27. Pp. 1–90. https://doi.org/10.1007/978-3-030-61780-6_1
13. Binaté I. 2019. La présence turque en Côte d'Ivoire contemporaine: entreprise transnationale au service de l'éducation, l'humanitaire et l'islam en Afrique de l'ouest. *Canadian Journal of African Studies*. Vol. 53. Is. 2. Pp. 215–233. DOI:10.1080/00083968.2019.1597743

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Данилова Лариса Николаевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия. Larisa N. Danilova, Dr.Sc. (Education), Professor, Department of Theory and History of Pedagogy, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 31.05.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 30.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 29.08.2023

DOI: 10.31857/S032150750027594-5

Гуманитарная деятельность международных структур в Африке. Некоторые аспекты

© Гришина Н.В.^{a,b}, Ксенофонтова Н.А.^{a,c}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0002-3688-6208; eestimaa8@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0002-7225-1007; natalia28xenofontova@yandex.ru

Резюме. Активизация многосторонней гуманитарной деятельности международных организаций особенно заметна в африканских странах, большинство которых относятся к беднейшим в мире. Сферами реагирования становятся зоны военных конфликтов, территории, жители которых пострадали от стихийных бедствий и опасных заболеваний. Как правило, в экстренной помощи в первую очередь нуждаются женщины, дети и люди преклонного возраста.

Большинство гуманитарных миссий действуют под эгидой ООН, Африканского союза (АС), Евросоюза (ЕС), ЮНИСЕФ. Большую помощь оказывают волонтеры, работающие в гуманитарных организациях – граждане африканских, европейских, азиатских стран, представители обеих Америк. Реализуются социально-культурные и социально-экономические программы, направленные на улучшение здоровья населения, охрану окружающей среды, расширение прав женщин.

Многие десятилетия в международной гуманитарной деятельности участвует Российская Федерация, рассматривая её как одну из своих внешнеполитических задач по укреплению стабильности и безопасности в мировом масштабе.

Ключевые слова: международные гуманитарные организации, ООН, Африканский союз, поддержка населения, здравоохранение, женщины, дети, беженцы

Для цитирования: Гришина Н.В., Ксенофонтова Н.А. Гуманитарная деятельность международных структур в Африке. Некоторые аспекты. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 61–68. DOI: 10.31857/S032150750027594-5

Humanitarian Activities of International Structures in Africa. Some Aspects

© Nina V. Grishina^{a,b}, Natalia A. Ksenofontova^{a,c}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0002-3688-6208; eestimaa8@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0002-7225-1007; natalia28xenofontova@yandex.ru

Abstract. The intensification of multilateral humanitarian activities of international organizations is especially noticeable in African countries, most of which belong to the poorest in the world. Areas of response are zones of armed and military conflicts, territories whose inhabitants have suffered as a result of natural disasters and dangerous diseases. As a rule, women, children and elderly people need emergency assistance first of all.

Most humanitarian missions operate under the auspices of the UN, the African Union, the European Union, and UNICEF. Significant assistance comes from volunteers working as part of humanitarian organizations – citizens of African, European, Asian countries, representatives of both Americas. Various socio-cultural and socio-economic programs are being implemented, aimed, in particular, at providing young people of both sexes with access to education, introducing the population to new types of employment, and mastering modern agricultural machinery. Financial support is provided by the entities of the World Bank.

In their work, humanitarian workers often rely on the support of community religious leaders, whose authority allows them to conduct conversations with the population on topical issues. The focus is on the fight against diseases, poverty, gender inequality, domestic violence, HIV/AIDS and environmental degradation.

For many decades, the Russian Federation has been involved in international humanitarian activities, considering it as one of its foreign policy tasks to strengthen stability and security worldwide.

Keywords: international humanitarian organizations, population support, problem solving, healthcare, women, children, refugees

For citation: Grishina N.V., Ksenofontova N.A. Humanitarian Activities of International Structures in Africa. Some Aspects. *Asia and Africa today*. 2023, № 9. Pp. 61–68. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027594-5

ВВЕДЕНИЕ

Одной из целей ООН является международное сотрудничество в разрешении крупномасштабных политических, экономических, социальных, культурных и гуманитарных проблем. В настоящее время мировое сообщество полагается на ООН в вопросах координации операций по оказанию чрезвычайной и долгосрочной помощи, включая продовольствие, жилье, медицинские принадлежности и материально-техническую поддержку. Под эгидой ООН работают многочисленные структуры, поле ответственности каждой из которых неизбежно пересекается с другими, выполняющими сходные задачи: Центральный фонд реагирования на чрезвычайные ситуации (СЕРФ), Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ), Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международный Комитет Красного Креста (МККК) и др.¹

В последние десятилетия международная деятельность гуманитарных структур приобретает особую актуальность в регионах, охваченных вооруженными конфликтами, в т.ч. в Африке.

ВЗРЫВООПАСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТОВ

Возникновение и эскалация «взрывоопасных» ситуаций характеризуются совокупностью факторов, сопровождающих практически каждый конфликт на Африканском континенте. При их анализе обнаруживаются этнические, конфессиональные и экономические корни. Это соперничество за материальные и природные ресурсы, ожесточенная борьба за власть между разными социальными группами, как правило, организуемыми по этническому, политическому, конфессиональному принципам.

Дестабилизируя общую ситуацию в конкретном регионе, вооруженные конфликты нередко имеют тенденцию к разрастанию, чреватую политическим и религиозным экстремизмом, массовым голодом, эпидемиями, потоками беженцев, возрастанием террористической угрозы и незаконного оборота оружия и наркотиков, торговлей людьми, что затрагивает интересы всего мирового сообщества. Организованное и масштабное насилие, совершаемое внутри государства, становится сегодня не только внутриполитической проблемой, но и угрозой международной безопасности [1].

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОД ЭГИДОЙ ООН

Для проведения операций гуманитарного реагирования в работу неправительственных организаций под эгидой ООН, АС, ЕС, прочих международных и межправительственных объединений вовлекаются человеческие и материальные ресурсы разных стран.

Поскольку в статье невозможно дать полную характеристику и проанализировать работу всех гуманитарных организаций в Африке, авторы останавливаются на деятельности лишь некоторых из них. Цели этих структур, действующих в местах стихийных бедствий, техногенных катастроф и вооруженных конфликтов, – спасение максимального количества людей; предоставление им убежища; снабжение питанием и питьевой водой; первичное медицинское и социальное обеспечение; защита от насилия и запугивания. В этом смысле помощь африканским странам извне имеет особое значение, поскольку нередко для решения внутренних проблем они не имеют собственных материально-технических ресурсов и специалистов.

¹ Deliver Humanitarian Aid. Peace, dignity and equality on a healthy planet. United Nations. <https://un.org/en/our-work/deliver-humanitarian-aid> (accessed 08.04.2023)

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ВОЛОНТЕРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Среди международных организаций, работающих на Африканском континенте, – «Африканское гуманитарное действие» (*Africa Humanitarian Action*, АНА; далее АГД), образованная в 1994 г. для помощи жертвам геноцида в Руанде.

Ядром АГД стали специалисты из Бенина, Камеруна, Эфиопии, Гвинеи, Малави, Сенегала и Руанды. Репатриантам и внутренне перемещенным лицам в медицинских центрах префектур Кигали и Кибунго предоставлялась круглосуточная неотложная медицинская помощь. Вскоре после основания ареал деятельности АГД расширился, и в настоящее время эта неправительственная волонтерская гуманитарная структура со штаб-квартирой в Аддис-Абебе действует, в частности, в Эфиопии, Камеруне, Судане, Южном Судане, Уганде, Чаде, Джибути, Сьерра-Леоне, Сомали, оказывая поддержку беженцам, внутренне перемещенным лицам и местному населению: предоставляя жилье и питание, проводя юридические консультации, организуя перевозки, оказывая медицинскую помощь. По инициативе руководства АГД в 2005 г. для координации работы гуманитарных организаций был учрежден Африканский центр гуманитарных действий; в 2008 г. АГД получила консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС); в 2009 г. подписала меморандум о партнерстве с Африканским банком развития, что помогло ей расширить свои возможности². Другие партнеры АГД – ЮНИСЕФ, Международный медицинский корпус, Управление Комиссара ООН по делам беженцев.

Заметный вклад в гуманитарную деятельность на континенте вносит образованная в 2009 г. организация *Love Volunteers* («Волонтеры любви»), работающая в Камеруне, Эфиопии, Замбии, Гане, ЮАР, Зимбабве, Танзании, Марокко, Уганде. *Love Volunteers* реализует социально-культурные и социально-экономические программы, направленные на помощь инвалидам, охрану окружающей среды, строительство общественных зданий, уход за детьми, расширение прав и возможностей женщин. Например, в Уганде в медицинском центре «Муконо-4» выполняется проект с участием волонтеров-медиков, цель которого – предоставление малоимущему населению современной медицинской помощи и передача опыта местным специалистам. В г. Джинджа, Палис и Муконо волонтеры заботятся о детях возрастом от 1 месяца до 16 лет из групп риска и бедных семей³.

Другой пример – социальные программы *Love Volunteers*, выполняемые в Кейптауне, ЮАР. Большинство программ направлены на сближение людей разных рас и культур, помощь в трудоустройстве, дошкольное образование, ознакомление населения с экологическими проблемами⁴.

Волонтеры организации *Projects Abroad* («Проекты за рубежом»), основанной в Великобритании в 1992 г., работают более чем в 30 странах мира, в т.ч. в Эфиопии, Гане, Кении, Марокко, Сенегале, ЮАР, Танзании, Того. В центре внимания – борьба с болезнями, бедностью, ВИЧ/СПИДом и ухудшением состояния окружающей среды. Так, проекты в Гане включают помощь местному населению в природоохранной деятельности, строительстве, здравоохранении (работа с больными проказой и малярией, обучение медсестринскому делу), ветеринарии, предоставление юридических консультаций. В Танзании волонтеры помогают широкому кругу людей, но в приоритете женщины и дети, особенно матери-одиночки, сироты и молодежь из группы риска. В частности, они организуют школы в деревнях масаев.

Одна из сфер деятельности *Projects Abroad* в Кении – защита исчезающих видов фауны в заповеднике Сойсамбу и окрестностях г. Наньюки. В Ботсване она занимается охраной слонов в заповеднике Тули. В работе *Projects Abroad* в Африке участвуют представители Буркина-Фасо, Германии, Японии, Италии, США, Вьетнама и др.⁵

² Africa Humanitarian Action – African international non-governmental organization. <https://africahumanitarian.org/> (accessed 19.03.2023)

³ History of Love Volunteers. <https://www.lovevolunteers.org/history> (accessed 11.03.2023)

⁴ Volunteer South Africa. Life Changing Volunteering Work. Love Volunteers. <https://lovevolunteers.org/destinations/volunteer-south-africa> (accessed 11.05.2023)

⁵ Проекты за рубежом, программы. GoAbroad.com. <https://www.goabroad.com/providers/projects-abroad/programs> (accessed 10.04.2023)

РОЛЬ АС В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Большой вклад в обеспечение гуманитарной безопасности в регионе Тропической Африки вносит АС. Хотя его потенциал для обеспечения гуманитарной безопасности на континенте распределен неравномерно, особенно сильны разработанные правовые механизмы защиты личности и общества. Эффективность политики АС по поддержанию гуманитарной безопасности зависит, прежде всего, от его финансовых возможностей, уровня координации действий с другими международными организациями, природы кризиса. Несмотря на сложности, АС играет ключевую роль в обеспечении гуманитарной безопасности в субсахарской Африке [2].

РОЛЬ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АФРИКЕ

Многие десятилетия в международной гуманитарной и миротворческой деятельности участвует Российская Федерация, рассматривая её как свою внешнеполитическую задачу по укреплению стабильности и безопасности в мире [3]. Один из примеров – реакция правительства России на эпидемию лихорадки Эбола, охватившую Гвинею, Либерию и Сьерра-Леоне в 2014–2015 гг. Летом 2014 г. в Гвинею в помощь местным медикам были направлены специалисты НИИ эпидемиологии и микробиологии со специализированными диагностическими лабораториями.

На участие России в международных гуманитарных действиях по борьбе с лихорадкой Эбола в Гвинею, Либерии и Сьерра-Леоне в соответствии с подписанным распоряжением в 2015 г. были выделены средства из федерального бюджета:

- до \$2 млн – единовременный целевой взнос в бюджет ВОЗ;
- до \$2 млн – единовременный тематический взнос в бюджет ЮНИСЕФ;
- до \$3 млн – единовременный взнос в целевой фонд Всемирного банка на восстановление стран, пострадавших от лихорадки Эбола;
- до \$1 млн – единовременный взнос в многосторонний целевой фонд ООН по реагированию на болезнь, вызванную вирусом Эбола.

Принятые решения соответствуют Концепции государственной политики России в сфере содействия международному развитию (утверждена Указом Президента России от 20 апреля 2014 г. № 259) в части преодоления последствий чрезвычайных ситуаций и укрепления национальных систем здравоохранения, ориентированных в т.ч. на борьбу с распространением инфекционных заболеваний⁶.

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ И ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ КРУПНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТРУКТУР И ФОНДОВ

Материально-техническую и финансовую помощь гуманитарным организациям оказывают крупные международные структуры, такие как Европейская Комиссия (ЕК). В 2022 г. ЕК выделила 294,2 млн евро на гуманитарные нужды для оказания помощи уязвимым группам населения в Восточной и Южной Африке: на проекты в Джибути (0,5 млн евро), Демократической Республике Конго (ДРК) и районе Великих озер (48 млн Эфиопии (13 млн), Кении (41 млн), Сомали (27 млн), Южной Африке и регионе Индийского океана (41,7 млн), Южном Судане (40 млн), Судане (30 млн), Уганде (9 млн евро).

Дополнительные средства предполагается направить на решение проблемы бурундийских беженцев в ДРК, Руанде и Танзании и на их дальнейшую добровольную репатриацию и реинтеграцию в Бурунди. В 2021 г. в рамках реализации гуманитарных программ ЕК выделила 100 млн евро на проведение в странах Африки кампаний по вакцинации. Из них до 30 млн евро было направлено на поддержку кампаний по вакцинации наиболее уязвимых слоев населения в Восточной и Южной Африке⁷.

⁶ Об участии России в международных действиях по борьбе с болезнью, вызванной вирусом Эбола. Правительство России. Распоряжение от 19 января 2015 года № 43-р. 19.01.2015. http://government.ru/dep_news/16663/ (accessed 02.04.2023)

⁷ Humanitarian aid: €294.2 million for people in need in East and Southern Africa. EU Reporter. <https://www.eureporter.co/world/africa/2022/02/22/humanitarian-aid-e294-2-million-for-people-in-need-in-east-and-southern-africa/> (accessed 10.05.2023)

Одна из ведущих международных организаций, финансирующих гуманитарные программы, проводимые в Африке, – Всемирный банк (ВБ). По мнению его руководителей, формирование человеческого капитала в Африке во многом зависит от расширения прав и возможностей женщин, поэтому цель Плана развития человеческого капитала в Африке, обнародованного в апреле 2019 г., заключается в ускорении решения этой задачи. В планах ВБ на 2021–2023 гг. – 50-процентное увеличение инвестиций в человеческий капитал, в т.ч. предоставление новых грантов и льготного финансирования в размере \$15 млрд для сокращения детской смертности на 4 млн, предотвращения отставания в росте у 11 млн детей и повышения результативности обучения детей на 20%.

Так, Мадагаскару было предоставлено \$165 млн на реализацию проекта по расширению системы социальной защиты в 17 регионах с целью сокращения бедности, наращивания человеческого капитала и повышения устойчивости к потрясениям, в котором первоочередное внимание уделяется уязвимым женщинам и детям. ДРК было выделено \$492 млн на оказание гуманитарной помощи 2,5 млн детей младше 2 лет и 1,5 млн беременных женщин и кормящих матерей, это крупнейшая инвестиция страны в питание детей. В Замбии 89 тыс. девочек и женщин получают поддержку по проекту обучения девочек и расширения прав и возможностей женщин [4].

В поднятии уровня социальной значимости женщин в Сахеле с 2019 г. выполняется Проект расширения прав и возможностей женщин и улучшения демографической ситуации в регионе Сахель (*Sahel Women's Empowerment and Demographic Dividend, SWEDD*), финансируемый ВБ и к настоящему времени охвативший свыше 11 млн чел. Цель Проекта – помощь Буркина-Фасо, Мавритании, Мали, Нигеру, Чаду, Кот-д'Ивуару, Гвинее и Камеруну в расширении прав и возможностей женщин и девушек-подростков, предоставлении им доступа к качественным услугам по охране репродуктивного и детского здоровья, а также помощь национальным профильным структурам в разработке стратегических программ, отводящих решению демографических и гендерных проблем ключевую роль в стимулировании экономического роста.

Сотрудники *SWEDD* опираются на поддержку общинных религиозных лидеров, авторитет которых позволяет вести с населением беседы о возможностях получения девушками среднего образования, более позднем деторождении, увеличении интервалов между родами, планировании семьи и борьбе с гендерным насилием. Мужчинам предлагаются учебные программы, поощряющие более активное участие в выполнении обязанностей по дому, и поведение, способствующее поддержанию сексуального и репродуктивного здоровья и снижению насилия в отношении женщин и детей. С девушками-подростками и молодыми женщинами проводятся беседы о репродуктивном здоровье; их обучают профессиям, которые могут дать более высокий доход. Так, в Чаде более 13 тыс. социально незащищенных девочек получили наборы школьных принадлежностей и средства для оплаты обучения, благодаря чему количество прервавших учебу среди них сократилось вдвое. В школах страны было выделено около 400 помещений, где девочки могут чувствовать себя в безопасности; 280 женщин прошли обучение использованию возобновляемых источников энергии, эксплуатации и обслуживанию тяжелой сельскохозяйственной техники.

В 2021 г. *SWEDD* запустил кампанию «Образование девочек и лидерство женщин». Одна из её целей – повысить уровень образования школьниц в целях общего развития стран Сахеля, достичь которую сотрудники *SWEDD* стремятся путем обеспечения непрерывности обучения девочек в школе, их трудоустройства, борьбы с гендерным насилием и вредными практиками.

Кроме того, *SWEDD* помогает парламентариям и юристам совершенствовать законодательство, активнее пропагандировать и применять законы, защищать потерпевших, не имеющих возможности пользоваться юридическими услугами. Профильным министерствам рекомендовано проводить сбор данных, результаты которого могут быть использованы при разработке демографической и инвестиционной политики⁸.

Большую помощь международным гуманитарным организациям в реализации крупных региональных проектов, таких как *SWEDD*, оказывают сотрудники местных НПО. В Чаде это Б.Султан Брахим,

⁸ Sahel Women's Empowerment and Demographic Dividend (SWEDD). Population Council. <https://www.popcouncil.org/research/sahel-womens-empowerment-and-demographic-dividend-swedd#> (accessed 28.04.2023)

президент Союза женских групп Мани. Её профсоюз воспользовался всесторонней поддержкой *SWEDD*, предоставив для нужд сельскохозяйственных общин тракторы, мотопомпы, семена, запасные части, мельницу для проса и т.д. В Нигере – Хаусейз Зуэра, старший комиссар полиции и глава Отдела защиты несовершеннолетних и женщин, лауреат премии ООН в области народонаселения 2021 г. Очень важно, что различные стороны проектов, посвященных эмансипации женщин, находят активную поддержку у мужчин, среди которых г-н М. Усман Кейн, министр экономики и производственных секторов Мавритании, президент Регионального руководящего комитета проекта *SWEDD*⁹.

Для большей доступности информации, предназначенной местному населению, сотрудники гуманитарных организаций нередко используют анимацию, как это делают в *SWEDD*: например, демонстрируют тематические ролики, посвященные планированию семьи и неприемлемости физического насилия над женщинами.

В области гуманитарного действия значимую роль играет международная организация *Save the Children* («Спасем детей»), основанная в 1919 г. в Великобритании и защищающая права детей во всем мире. Её главные задачи – улучшение систем образования и здравоохранения, соблюдение прав малолетних граждан, их защита от любых видов насилия и стихийных бедствий. Пример деятельности этой организации – своевременное и адекватное реагирование на кризис в Эфиопии в 2016 г., вызванный жестокой засухой и охвативший большие густонаселенные территории страны. Организация «Спасем детей» доставляла в наиболее пострадавшие районы продукты, воду и лекарства для семей, полностью потерявших скот и урожай. По официальным данным, в неотложной гуманитарной помощи нуждались более 10 млн жителей Эфиопии, в т.ч. 350 тыс. малолетних детей¹⁰.

Помощь африканским детям оказывает международный благотворительный фонд *Mila4Africa* (M4A), созданный в 2015 г. уроженкой России М. Ануфриевой, проживающей в Сенегале. Волонтеры фонда работают в странах Западной Африки – Гвинее, Сенегале, Гвинее-Бисау. Проект направлен на оказание помощи мальчикам в возрасте от 7 до 15 лет из неблагополучных семей, безнадзорным, находящимся в трудной жизненной ситуации и из социальных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Миссия фонда – защита бездомных детей и людей с альбинизмом от нападений и дискриминации; обеспечение доступа к медицинской помощи людям с заболеваниями кожи; содействие в социализации и получении начального образования сиротам и детям из бедных семей.

Согласно отчету 2021 г.¹¹, Фонд оказывал благотворительную помощь, оплачивая счета третьих лиц за аренду и обустройство жилых помещений для подопечных Фонда, предметы бытового назначения, продукты питания, одежду, обувь, спортивный инвентарь, учебные пособия, компьютерную технику, канцелярские принадлежности, подарки к праздникам, а также перечисляя денежные средства в виде благотворительного пожертвования конкретным людям.

Так, в Дакаре (Сенегал) в центре временного содержания «Дом чемпионов» к концу 2021 г. постоянно проживали более 70 мальчиков; в футбольной секции тренировались и получали питание около 120 детей из бедных семей. В рамках проекта «Обнять альбиносов» в г. Чесс (Гвинея) в партнерстве с Ассоциацией альбиносов Гвинеи был достроен первый в Западной Африке центр для детей с альбинизмом – приют «Ампаро», рассчитанный на 200 человек. Целью проекта стало улучшение качества жизни и состояния здоровья альбиносов, обеспечение их безопасным местом проживания, условиями для получения базового образования и профессии. Силами волонтеров M4A были отремонтированы помещения интерната «Агрис» для 54 слабовидящих детей.

Для приюта некоммерческой организации *Igreja Assembleia de Deus Guineens* в г. Бисау (Гвинея-Бисау), где проживают 200 детей, перенесших физическое и моральное насилие, сотрудниками M4A при-

⁹ Women champions of development in the Sahel. <https://www.africanews.com/2021/09/11/women-champions-of-development-in-the-sahel-inspire-africa/> (accessed 22.04.2023)

¹⁰ Annual Report 2016. Save the Children Organization. [http://www.savethechildren.org/atf/cf/{9def2ebe-10ae-432c-9bd0-df91d2eba74a}/SC_2016_ANNUAL_REPORT%20\(002\)%20-%20FINAL.PDF](http://www.savethechildren.org/atf/cf/{9def2ebe-10ae-432c-9bd0-df91d2eba74a}/SC_2016_ANNUAL_REPORT%20(002)%20-%20FINAL.PDF) (accessed 24.03.2023)

¹¹ Последний отчет этой организации, размещенный в открытых источниках и доступный на момент написания данной статьи (прим. авт.).

- Africa: Regional Security Challenges. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 2022. Pp. 157–159. (In Russ.). ISBN 978-5-6048374-0-5
4. Eradicating poverty, investing in empowerment. Annual report 2019. Washington, World Bank, 2019. P. 22. eISBN: 978-1-4648-1483-9; doi: 10.1596/978-1-4648-1482-2
 5. Гришина Н.В. Водные ресурсы Африки южнее Сахары: возможности и проблемы использования. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 95–96. ISBN 978-5-91298-275-0
Grishina N.V. 2022. Water Resources of Sub-Saharan Africa: Opportunities and Problems of Use. Moscow. Pp. 95–96. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-275-0
 6. Сухарев А.И. Политика гуманитарной безопасности. *Безопасность Евразии*. 2000. № 1. С. 50.
Sukharev A.I. 2000. Politics of Humanitarian Security. *Security of Eurasia*. № 1. P. 50. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гришина Нина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Nina V. Grishina, PhD (History), Senior Researcher, Center of Sociological and Politological Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ксенофонтова Наталия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Natalia A. Ksenofontova, PhD (History), Senior Researcher, Center of Sociological and Politological Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.05.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 17.08.2023

DOI: 10.31857/S032150750027595-6

Военно-блоковая политика западных держав в АТР

© Чернева Т.С.^а, 2023

^а Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0009-0007-6107-2074; chernevatanya401@gmail.com

Резюме. Основой исследования стали многосторонние военные альянсы в АТР второй половины XX в. (СЕАТО, АНЗЮК, АНЗЮС). Потребность в оценке ретроспективы развития многостороннего союзничества западных держав в АТР обусловлена современной динамикой трансформирующейся «традиционной» модели военного сотрудничества для определения необходимости создания нового военно-политического альянса – AUKUS, а также необходимостью анализа формирующейся системы «нового» баланса сил между США и КНР.

По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что появление нового военно-политического союза AUKUS определено эволюционной необходимостью развития системы военно-политического союзничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), продиктованной потребностью западных держав (прежде всего США) выстроить более эффективную систему союзов, призванную обеспечить реальный вес в политике балансирования западных демократий в ответ на современные вызовы в пределах АТР, путем реорганизации и трансформации устаревшей, не отвечающей современным угрозам модели коалиций.

Ключевые слова: США, Великобритания, Китай, военные альянсы, международная безопасность, баланс сил

Для цитирования: Чернева Т.С. (Санкт-Петербург). Военно-блоковая политика западных держав в АТР. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 69–77. DOI: 10.31857/S032150750027595-6

Military Bloc Policy of the Western Powers in the Asia-Pacific Region

© Tatyana S. Cherneva^а, 2023

^а St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0009-0007-6107-2074; chernevatanya401@gmail.com

Abstract. The need to assess the retrospective of the development of the multilateral alliance of Western powers in the Asia-Pacific region is due to the modern dynamics of the transforming “classic” model of military cooperation in order to determine the need to create a new military and political alliance – AUKUS. As well as to identify specific problems in the functioning of specific alliances, followed by an assessment of the factors of their influence on the alignment forces in the region, in the emerging system of the “new” balance of power between the US and China.

The emergence of a new military and political alliance AUKUS is determined by the evolutionary need to develop a system of military and political alliance in the Asia-Pacific region, dictated by the need of Western powers (primarily the United States) to build a more effective system of alliances designed to provide a “real value” in the policy of balancing Western democracies in response to modern challenges within the APR.

Keywords: USA, UK, China, military alliances, international security, balance of power

For citation: Cherneva T.S. (St. Petersburg). Military Bloc Policy of the Western Powers in the Asia-Pacific Region. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 69–77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027595-6

ВВЕДЕНИЕ

Созданное в 2021 году по инициативе трех стран – США, Австралии и Великобритании – Трехстороннее партнерство по безопасности AUKUS¹, закрепляя военно-технологическое сотрудничество меж-

¹ Акроним по названиям стран-участниц (прим. ред.).

ду последними в Азиатско-Тихоокеанском регионе², утвердило эволюционный подход западных держав к формированию модели военно-политического союзничества между государствами в рамках данного региона.

Еще со второй половины XX в. АТР был определен западными демократиями как один из центров противостояния с распространяющейся идеей коммунизма и развития целой системы сдерживания «натиска» противостоящей идеологии в странах Юго-Восточной Азии, главным инструментарием которой стало военно-политическое сдерживание путем создания военных союзов между государствами, находящимися как в данном регионе, так и вне его [1].

В связи с активной реорганизацией военно-блоковой политики западных держав в АТР с начала XXI в. с созданием новых многосторонних структур военно-стратегического партнерства (*QUAD – Quadrilateral Security Dialogue*³) имеет смысл провести анализ ретроспективы развития институциональной среды многостороннего военно-политического сотрудничества западных держав в АТР.

Целесообразно рассмотреть деятельность и ряда других многосторонних союзов (СЕАТО, АНЗЮК, АНЗЮС) для выявления проблем в функционировании многосторонних альянсов, которые определили необходимость создания **нового военно-политического союза** западных держав – *AUKUS*, с последующей оценкой факторов влияния на генерацию сил в регионе в формирующейся системе нового баланса сил между США и КНР [2; 3].

Потребность в оценке ретроспективы развития именно многостороннего союзничества западных держав в АТР обусловлена современной динамикой трансформирующейся «традиционной» – Сан-Францисской – модели военного сотрудничества⁴, которая стала активно перестраиваться с начала 2000-х гг. с качественным и количественным расширением союзов путем увеличения именно многосторонних альянсов на основе уже имеющихся двусторонних между ведущими партнерами западных держав в регионе [4].

Военно-стратегическое партнерство США в регионе исчерпывающе представлено хорошо изученной и проверенной базой традиционной системы строгих двусторонних вертикальных связей, при этом практически полностью отсутствует оценка принципов многостороннего союзничества, а также смежный опыт партнеров Вашингтона, который важен для формирования нового подхода в военно-блоковой политике западных стран в АТР.

Многосторонняя система союзов становится всё более актуальной и действенной в нивелировании якобы существующих современных угроз внешнеполитическим интересам США и их союзников главным образом в АТР.

Высокая военная и внешнеполитическая конкуренция держав данного региона, прежде всего Соединенных Штатов и Китая, повышает уровень конфликтности и снижает общие показатели безопасности на региональном уровне взаимодействия государств АТР [5]. Как следствие, эти процессы катализируют перестраивание системы инструментов политики балансирования – военно-политических альянсов [6], порождая новые типы военного союзничества стран в регионе (*AUKUS*), с их менее «номинальной» и более прикладной основой [7].

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ В АТР

Для Соединенных Штатов актуальность политики военно-политического союзничества стала повышаться во время Второй мировой войны. Так, прежде всего, для обеспечения безопасности государственных «рубежей» и укрепления позиций в АТР США стали активно прибегать к созданию сети военно-политических союзов и программ, которые обеспечивали быструю интеграционную и оперативную работу вооруженных сил стран-союзниц в противостоянии с региональными противниками (*прим. –*

² Joint Leaders Statement on AUKUS, 2021. The White House. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed 13.04.2023)

³ Четырехсторонний диалог по безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе между Австралией, Индией, США и Японией (*прим. ред.*).

⁴ Международная конференция, проходившая в апреле–июне 1945 г. с участием 50 государств – учредителей ООН (*прим. ред.*).

Япония) во время и после войны [8]: *AUSCANNZUKUS*⁵ «Пять глаз», *FVEY*⁶ – 1941–1943 гг.; *ABCANZ Armies*⁷ 1947 г. и т.д.

После завершения Второй мировой войны в рамках уже «холодного противостояния» с Советским Союзом Вашингтон продолжил наращивание системы военно-политических союзов в АТР, предлагая всё большие гарантии союзникам и, таким образом, консолидируя свое военное присутствие в регионе [9].

В то же время Великобритания, уже утратившая статус колониальной империи, также вела активные действия, только уже в кильватере сотрудничества с новым мировым игроком – США. После ухода из египетского Суэца Лондон предпринял несколько попыток сохранить присутствие в регионе в рамках программы «военной защиты союзников» (части бывших колоний) от активно распространяющейся в регионе («возрастающей угрозы») коммунистической идеи [10]. Так появились союзнические инициативы, основанные на консультативном (стратегический диалог) и оперативном (военные соединения) принципах:

1. Оборонное соглашение пяти держав (*FPDA*), подписанное в 1971 г. между Австралией, Малайзией, Новой Зеландией, Сингапуром и Соединенным Королевством [11].

2. Военно-политический союз АНЗЮК (в большей степени военное интеграционное объединение), созданный в 1971 г. между Австралией, Новой Зеландией и Соединенным Королевством [12].

Одной из самых известных попыток оказать «психологическое давление» на распространителей в регионе идей, противостоящих идеям «западной демократии», стала Организация Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), созданная в 1954 г. на основе Манильского пакта.

Этот альянс напрямую выдвинул доктрину балансирования политического курса внерегиональных лидеров для противодействия идеологии развивающихся политических направлений в Китае и Вьетнаме, а также различных «независимых движений» в странах Юго-Восточной Азии (Малайзия, Сингапур и т.д.), которые имели серьезное влияние главным образом на «отступление» Соединенного Королевства из АТР во второй половине XX в. [13].

В настоящее время западные державы обладают довольно обширной и многофункциональной системой военно-политических союзов в АТР. Но почти все они так или иначе ограничены в своих возможностях и следуют модели строгой вертикальной связи гегемона и младших партнеров. Чаще это (опуская соглашения об обороне) стратегические диалоги (консультативные платформы), разведывательные объединения, программы, ограниченные совместными военными учениями и практикой обмена, которые не определяют реального веса в балансе сил и укреплении секторов влияния в регионе.

В истории многостороннего военно-политического сотрудничества в АТР было всего несколько довольно слабых многосторонних союзов, которые не смогли сформировать серьезную основу для полномасштабной системы военной интеграции и контроля над регионом со стороны западных держав.

1. АНЗЮК

Тихоокеанский пакт безопасности, подписанный в 1951 г. между США, Новой Зеландией и Австралией стал первым объявленным крупномасштабным военно-политическим альянсом в пределах АТР исключительно между англосаксонскими партнерами.

Система двусторонних договоров Австралия и Новая Зеландия, США и Австралия, США и Новая Зеландия составила основу системы военной кооперации стран и определила взаимные обязательства сторон в условиях потенциальной военной агрессии.

АНЗЮК имел многообещающие перспективы и давал США, прежде всего, возможность создания прочного форпоста в АТР для укрепления собственного влияния и, что более важно, обеспечения постоянного присутствия военных сил для контроля и гарантий нивелирования серьезной географической проблемы, ослаблявшей позиции Вашингтона в этом регионе на тот период.

⁵ Акроним от названий стран-участниц – Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США. Организация, созданная для взаимодействия в сфере обеспечения технического сотрудничества военно-морских сил англоязычных стран (*прим. ред.*).

⁶ Разведывательный альянс, в состав которого входят Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания и США (*прим. ред.*).

⁷ Программа, направленная на оптимизацию оперативной совместимости между армиями Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США и стандартизацию их обучения и снаряжения (*прим. ред.*).

Особый статус АНЗЮС приобрел после определения нового вектора внешнеполитической ориентации администрации Р.Рейгана на Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловило позитивную динамику развития сотрудничества между странами-участницами вплоть до 1980-х гг. Но уже в 1984 г. старейший союз в системе военно-блокового союзничества США приходит в состояние серьезного кризиса и де-факто распада [14].

Пришедшие в 1984 г. к власти лейбористы установили запрет на заход в порты Новой Зеландии кораблей с ядерной силовой установкой или ядерным оружием, утверждая свою антиядерную позицию и независимость политического курса от США. Затем в 1985 г. Новая Зеландия стала одной из стран, инициировавших и подписавших Договор Раротонга⁸, и в завершение «протеста» уже в 1987 г. на законодательном уровне полностью закрепила свой безъядерный статус. Подобное решение младшего союзника альянса вызвало негативную реакцию Вашингтона с последующими «санкциями» в отношении заокеанского партнера в виде отказа от обязательства о военных гарантиях, что фактически прекращало существование союза [15].

Попытки Вашингтона разрешить конфликт между союзниками не просто не увенчались успехом, но вызвали прямо противоположную реакцию не столько политических элит Новой Зеландии, сколько гражданских движений страны.

Такая позиция Веллингтона не просто определила самостоятельный вектор развития политики страны, но стала серьезным прецедентом, подорвавшим авторитет США среди других региональных игроков, и проиллюстрировала фактический способ влияния малого государства на развитие и возможности внешнеполитической воли сверхдержавы, поставив под вопрос потенциал союзничества с Вашингтоном.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (СЕАТО)

Созданная в 1954 г. по инициативе США СЕАТО была главным инструментом для европейских лидеров – Великобритании и Франции – в противодействии процессу деколонизации новообразовавшихся независимых государств Юго-Восточной Азии [16]. Для США этот союз стал в большей степени механизмом реализации политики «эмоционального сдерживания» в отношении активно распространяющейся в регионе идеологии коммунизма, и, прежде всего, прямого сдерживания советских интересов и влияния («Вьетнамский кризис»), а также попыткой обеспечить постоянное военное присутствие и контроль США в Юго-Восточной Азии [17].

Этот альянс прекратил свое существование в 1977 г. Сразу несколько серьезных аспектов в военно-блоковой политике западных государств в АТР стали основными причинами неэффективной реализации концепции союзов:

1) Игнорирование культурно-исторических особенностей региона – отсутствия милитаристской традиции (исключение – Япония). Малые страны Юго-Восточной и Южной Азии, составлявшие большинство участников альянса преследовали, прежде всего, интересы, связанные с гарантиями собственной безопасности (Пакистан, Филиппины, Таиланд), а не с вмешательством и, более того, участием во внутригосударственных конфликтах соседних стран, что могло бы нанести этим государствам-участникам сопутствующий ущерб, как экономический, так и военно-политический.

2) Недалновидность и «необъективность» при выборе участников альянса – уверенная победа и приход к власти во многих региональных государственных новообразованиях коммунистических «группировок» и движений ознаменовали полный проигрыш противостояния прозападным государствам распространяющемуся коммунистическому влиянию в странах Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос и т.д.) [18].

3) Игнорирование интересов партнеров, которые, прежде всего, и выступают гарантом американского присутствия в регионе. Постепенная потеря позиций и последующий окончательный вывод американских войск из Вьетнама продемонстрировали неспособность гарантировать выполнение обязательств о безопасности и обеспечить защиту интересов азиатских государств-партнеров [19]. Как след-

⁸ Общее название Договора о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (*прим. ред.*).

ствие, авторитет и имидж СЕАТО, как и США, были уничтожены, что вызвало постепенный, но довольно скорый выход участников из альянса (Пакистан – 1972 г., Франция – 1973 г., Таиланд – 1975 г.).

3. АНЗЮК

Военно-политический союз, инициированный Великобританией в 1971 г. на фоне динамично ухудшающейся ситуации в СЕАТО и реализации нового политического вектора Лондона «к западу от Суэца». Официальной целью альянса была защита Малайзии и Сингапура, что требовало продления британо-малайского договора об обороне 1957 г.

На практике же АНЗЮК стал попыткой объединить уже более «подходящих» союзников западных держав для обеспечения влияния в регионе. Данный союз был не столько союзом в традиционном понимании, сколько военно-командным объединением, которое декларировало совместное руководство военными силами стран-участниц, обусловленное необходимостью сохранения гарантий безопасности со стороны Лондона для «подопечных» участников Содружества [20].

Уже в 1974 г. союз пришел к распаду, причиной которого тогда впервые стала жесткая антиядерная позиция новозеландского правительства, определившая выход Веллингтона из союза, что нивелировало значение и развитие структуры альянса [21]. Отсутствие структуры и слабая интеграция вооруженных сил членов альянса не способствовали формированию прочной системы балансирования и соблюдению интересов США (с перспективой присоединения США к союзу) в вопросе ядерного контроля с использованием территорий государств-участников [22].

Таким образом, устаревшая система военно-политического сотрудничества и исторический опыт неэффективного союзничества в АТР обусловили неспособность обеспечения контроля и эффективного сдерживания возникающих перед западными державами «угроз» в регионе, вследствие чего возникла стратегическая необходимость создания нового военно-политического многостороннего альянса, отвечающего современным требованиям, для нивелирования угроз гегемонии США и их союзников, требованиям которых в настоящее время не соответствуют «устаревшие» формы коалиций.

Такой опыт союзничества заставил западные державы проявлять большую «избирательность» в привлечении более «надежных» партнеров [23] для сотрудничества на основе культурно-исторического и военно-стратегического принципов, которые заключаются, прежде всего, в:

- 1) наличия общих культурных и политических ценностей и целей;
- 2) наличия большого практического опыта взаимодействия союзников (военная кооперация стран в рамках проводимых США военных кампаний – в Ираке в 2003 г. и Афганистане в 2001–2021 гг.) [24];
- 3) наличия программ регулярных военных учений и обменов (*npum.* – *Force Posture Agreement*), коалиционной разработке вооружений с последующей интеграцией технологий (например, Совместная ядерная программа США и Великобритании) и, как следствие,
- 4) высоком уровне оперативной совместимости и технологической интеграции стран в рамках системы военного развертывания и реагирования.

Динамично растущая экономическая и военная мощь Китая качественно ухудшает не только показатели сотрудничества между США и другими региональными игроками, но и наносит серьезный урон привлекательности американской модели вертикального союзничества, которая, скорее, определяется политикой «присоединения» азиатских стран к противостоянию с близлежащим Китаем, чем гарантиями безопасности «западной демократии» [25].

Всё это повышает заинтересованность Вашингтона в развертывании новых систем военно-политического сотрудничества в АТР с более прикладным, а не номинальным потенциалом для ограничения растущих реальных возможностей Китая влиять на положение США в стратегически важном регионе.

НОВЫЙ ПОДХОД – AUKUS

С началом нового века динамика развития азиатских стран определила новый фактор, способный влиять на расстановку сил в регионе и формировать новую архитектуру безопасности. И это, прежде всего, Китай [26].

Увеличение доли китайского бизнеса и инвестиций, а также повсеместная интеграция в производственные системы и цепочки поставок в торгово-экономической системе региона, повышение влияния этих и ряда других факторов таким образом повлияло на политику региональных игроков, что привело к смене баланса сил в регионе [2] и катализировало процесс трансформации устояв-

шейся со второй половины XX в. системы военно-политического сотрудничества. В свою очередь, активно перестраивающиеся системы инструментов политики балансирования (военно-политические альянсы) [27] начали порождать новые типы военного союзничества стран в регионе. Такие, например, как *AUKUS*.

Объявленный еще администрацией Барака Обамы в 2011 г. «поворот к Азии» был обусловлен активной модернизацией военного потенциала и мощи НОАК, спорами в пределах акваторий Восточного и Южно-Китайского морей, активным экономическим развитием и интегрированием Китая в мировую торгово-экономическую систему (в т.ч. в «традиционные» сферы влияния США)⁹. Всё это определило активное смещение полюса американского внимания, породило стремление к созданию более эффективной «системы сдерживания». Такой системы, которая, как полагают в Вашингтоне, позволила бы сохранить преобладающее влияние США в АТР.

Начиная с 2015 г. США реализуют стратегию «восстановления равновесия в АТР»¹⁰, пересмотрев свою политику в отношении военно-политического союзничества в регионе и определяя интересы США как «первостепенные» для союзников. Действуя таким образом, американское руководство надеется укрепить свои военные компоненты в регионе, поскольку их обеспечение в большей степени, чем раньше, будет осуществляться именно партнерами Вашингтона (военно-морское базирование, материально-техническая поддержка вооруженных сил США и т.д.).

В связи с этим с 2016 г. Соединенные Штаты в рамках «ревизии» Сан-Францисской модели развивают систему двустороннего сотрудничества, расширяя возможности альянсов, переходя к формату трехсторонней военной интеграции в совместных военных учениях и обменах с традиционными союзниками в регионе: Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Сингапуром и Австралией¹¹.

Реорганизация постоянного стратегического базирования военных сил на территории государств-партнеров, а также активные военные учения с использованием ведущих сил военно-морского флота США близ акватории Южно-Китайского моря закрепляют новый – более практически ориентированный – вектор Вашингтона в концепции антикитайского балансирования, что официально было зафиксировано уже в 2017 г. в Стратегии национальной безопасности США. В соответствии с этой стратегией КНР считается актором, который якобы способен оказать негативное влияние на геополитические интересы, экономические возможности и военно-стратегические цели США. КНР названа не только «препятствием» для развития американского внешнеполитического вектора, но и одной из «главных угроз национальной безопасности США»¹², чем обосновывается стратегия «перебалансировки» как необходимый инструмент для нивелирования угроз и укрепления собственной безопасности.

Как следствие, уже в 2021 г. Вашингтон, в соответствии с подготовленным американской службой разведки Ежегодным докладом об угрозах, официально закрепил за Пекином приоритетное место среди угроз¹³, отодвигая на вторые позиции по потенциалу опасности даже классические для американского внешнеполитического истеблишмента Россию и Иран.

Появление нового стратегического партнерства *AUKUS* в 2021 г. «венчает» эволюционную потребность для США и их союзников (Великобритания и Австралия) в создании механизма, который будет способен наполнить реальным весом перебалансировку, направленную на «сдерживание» военной мощи КНР в пределах АТР. Это подтверждают и официальные заявления сторон в рамках нового альянса о скорой ротации атомных подводных лодок США и Великобритании в акватории южной части Тихого океана «для обеспечения безопасности Канберры»¹⁴.

⁹ Obama B. Remarks by President Obama to the Australian Parliament. The White House Office of the Press Secretary. November 2011. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (accessed 07.05.2023)

¹⁰ A Regional Security Architecture Where Everyone Rises. US Department of Defense. May 2015. <http://defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606676/iiss-shangri-la-dialogue-a-regional-security-architecture-where-everyone-rises> (accessed 07.05.2023)

¹¹ U.S. Ground Forces in the Indo-Pacific: Background and Issues for Congress. Congressional Research Service. August 2022. <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47096> (accessed 07.05.2023).

¹² The National Security Strategy of the United States of America 2017. Historical Office of the Secretary of Defense. <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURrw09pJ0q5EogFpwg%3d%3d> (accessed 08.05.2023)

¹³ Annual threat assessment of the US intelligence community. Office of the Director of National Intelligence. April 2021. <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2021-Unclassified-Report.pdf> (accessed 09.05.2023)

¹⁴ The AUKUS Nuclear-Powered Submarine Pathway. Australian Government Department of Defence. 2023. <https://defence.gov.au/about/taskforces/aukus> (accessed 10.05.2023)

Кроме того, *AUKUS* призвано не просто оказать «психологическое давление» своим присутствием в регионе в ответ на возрастающую «угрозу» со стороны КНР (согласно официальной позиции Вашингтона), как это была ранее с предыдущими альянсами (СЕАТО, АНЗЮК, АНЗЮС). Если вышеназванные альянсы имели скорее номинальное, чем практическое значение, то *AUKUS* представляет собой реальный механизм, нацеленный на укрепление лидерства западных держав в АТР, а также обеспечивает стратегически важные компоненты, определяющие влияние США (как безусловного лидера в системе союзов) в регионе. Об этом в частности свидетельствует:

1) реконструирование и перемоделирование системы военных союзов в АТР, которые являются главным инструментом якобы для «восстановления равновесия» в АТР, с целью повышения адаптивности и гибкости союзных систем [28];

2) решение проблемы базирования военно-морского флота США в акваториальных пределах периферии Тихого и Индийского океанов (включая ядерный компонент), с целью создания прочной базы в политически стабильной и некритически удаленной стране «для обеспечения гарантий безопасности партнерам» [29];

3) укрепление связей с проверенными союзниками – расширение системы двустороннего партнерства и возможностей участников, активное внедрение ядерного потенциала и развитие необходимой военной инфраструктуры (в т.ч. для обслуживания атомного флота США);

4) высокотехнологичная компонента и ядерный принцип *AUKUS* призваны обеспечить реальный вес в политике балансирования США и их союзников и предназначены для изменения военного баланса уже в 2020-е и 2030-е гг., после чего элемент атомной подводной лодки добавит дополнительную сдерживающую силу¹⁵ (попытка балансировки высокотехнологичного переоснащения НОАК и возможностей КНР в акваториях Восточного и Южно-Китайского морей) [30].

Трансформируя традиционную модель «оси и спиц» – переходя от строгой вертикальной модели союза к более «мягкому» горизонтальному сотрудничеству в виде целой сети связей, расширяя общий охват союзов США путем беспрецедентного увеличения многосторонних союзов на основе двусторонних «партнерств» [4], учитывая опыт СЕАТО, АНЗЮК и АНЗЮС, западные державы сконструировали новый подход к союзничеству, который и породил с началом XXI века потребность в создании «новых» элементов баланса в регионе.

Именно по этому принципу было образовано новое партнерство *AUKUS* в стремлении создать многосторонний военно-политический альянс (расширяя и трансформируя двустороннюю модель союзов), который не нуждается в «обновленном» декларировании уже описанных ранее оборонных обязательств между союзниками, имеющий довольно обширную систему военно-политических диалоговых платформ, позволяющих постоянно развивать систему военно-оперативного интегрирования [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно заключить, что создание нового военного альянса – *AUKUS* – обусловлено эволюционной необходимостью развития системы военно-политического союзничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, продиктованной потребностью западных держав (прежде всего США) выстроить более эффективную систему союзов при лидерстве США, призванную обеспечить их реальный вес в политике «балансирования» западных демократий с союзниками в ответ на современные вызовы в АТР путем реорганизации и трансформации устаревшей модели союзов.

Кроме того, согласно общим положениям соглашения *AUKUS* декларирует углубление сотрудничества в области безопасности и обороны путем интеграции науки, технологий, промышленных баз и цепочек поставок, связанных с безопасностью и обороной, а также повышение общих возможностей и оперативной совместимости, которые будут основаны на кибернетических средствах, искусственном интеллекте, квантовых технологиях и дополнительных подводных возможностях, что предполагает из-

¹⁵ Remarks by President Biden, Prime Minister Albanese of Australia, and Prime Minister Sunak of the United Kingdom on the AUKUS Partnership, 2023. The White House. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/03/13/remarks-by-president-biden-prime-minister-albanese-of-australia-and-prime-minister-sunak-of-the-united-kingdom-on-the-aukus-partnership/> (accessed 12.05.2023)

менение военного баланса в пользу Вашингтона уже в 2020-е и 2030-е гг., после чего элемент атомной подводной лодки дополнит потенциал США и Великобритании [30].

При этом важно понимать, что именно реорганизация структуры военно-политического союзничества США, которая стала проводиться с начала 2000-х гг. в АТР, и постоянно возрастающее присутствие военного контингента Вашингтона в регионе стали катализаторами для КНР в вопросе развития собственных военных мощностей, что и проиллюстрировала военная реформа в Китае в 2015 г.

Эта реформа с учетом стремления китайского правительства повысить показатели эффективности и реагирования вооруженных сил КНР, включая также улучшение качественных компонентов вооружения (с внедрением высокотехнологичных систем), обусловлена, прежде всего, опасениями возможной растущей угрозы собственной безопасности. Несмотря на официальные заявления сторон соглашения о том, что целью данного альянса является «укрепление безопасности» в АТР, *AUKUS* демонстрирует явный наступательный потенциал союза, вследствие чего можно заключить, что подобная инициатива способна не просто дестабилизировать, но и качественно ухудшить международную безопасность в АТР. Ответом Китая и других региональных игроков на растущую военную угрозу будет стремление обеспечить собственную безопасность и стабильность региона. Это может породить полномасштабную гонку вооружений и открытое противостояние региональных лидеров в лице США и КНР, не исключая возможности прямого конфликта между ними.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Nakajima H. 2021. *International Society in the Early Twentieth Century Asia-Pacific: Imperial Rivalries, International Organizations, and Experts* (1st ed.). London. Routledge. 182 p.
2. Mearsheimer J. 2014. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York. W.W. Norton. 592 p.
3. Doshi R. 2021. *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order (Bridging the Gap)*. New York. Oxford University Press. 432 p.
4. Лукин А.Л., Коротич С.А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? *Мировая экономика и международные отношения*. 2017, № 4, с. 5–15. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15
5. Lukin A., Korotich S. 2017. The Asia-Pacific Alliances of the United States: Between Balancing, Neutralization and Hedging. *World Economy and International Relations*. № 4, Pp. 5–15. (In Russ.). DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15
6. 陈晓晨, 陈弘. 美英澳三边安全伙伴关系:特点、影响与前景[J]. 国际问题研究. (Chen Xiaochen, Chen Hong. The US-UK-Australia Trilateral Security Partnership: Features, Influences and Prospects. *International Issues Research*). 2022. Issue 3. Pp. 106–121. (In Chin.). DOI:10.3969/j.issn.0452-8832.2022.03.007
7. Medcalf R. 2020. *Indo-Pacific Empire: China, America and the Contest for the World's Pivotal Region*. Manchester. Manchester University Press. 320 p.
8. 张翔,王联合. 美国对其亚太同盟的"逆向搭便车"[J]. 国际展望. (Zhang Xiang, Wang Lianhe. America's "Reverse Free Riding" to its Asia-Pacific Alliance. *International Outlook*). 2023. Issue 15 (2). p. 37–56. (In Chin.). DOI:10.13851/j.cnki.gjzw.202302003
9. Wright C. R. 1994. Security in the Asia-Pacific Region. *The Brown Journal of World Affairs*. Issue 1. № 2. Pp. 331–344.
10. Donnini F. 1991. *ANZUS in Revision: Changing Defense Features of Australia and New Zealand in the Mid-1980s*. Air University Press. 219 p.
11. James W. 2021. Global Britain's strategic problem East of Suez. *European Journal of International Security*. Issue 6(2). Pp. 171–189. DOI:10.1017/eis.2020.24
12. Thayer C. 2007. The Five Power Defence Arrangements: The Quiet Achiever. *Security Challenges*. Issue 3. № 1. Pp. 79–96.
13. Davis S. 2010. "A Bloody Unpleasant Meeting": The United States and Britain's Retreat from East of Suez in the 1960s. *Diplomatic History*. Issue 34, № 1. Pp. 229–236.
14. Fenton D. 2012. To Cage the Red Dragon: SEATO and the Defence of Southeast Asia, 1955-1965. NUS Press. 320 p.
15. Brands W., Henry Jr. 1987. From ANZUS to SEATO: United States Strategic Policy towards Australia and New Zealand, 1952–1954. *The International History Review*. Issue 9. № 2. Pp. 250–270.
16. Тимошенко В.Н. 2009. Концепция «Малой страны» и внешняя политика Новой Зеландии в конце XX века. *Вестник Челябинского государственного университета*. № 6 (144). Вып. XXX. с. 123–132.
17. Timoshenko V.N. 2009. The concept of the "Small country" and the foreign policy of New Zealand at the end of the 20th century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. № 6 (144). Issue XXX. Pp. 123–132. Chelyabinsk. (In Russ.)

16. Dingman R. 1989. John Foster Dulles and the Creation of the South-East Asia Treaty Organization in 1954. *The International History Review*. Issue 11. № 3. Pp. 457–77.
17. Franklin J. 2006. The Hollow Pact: Pacific Security and the Southeast Asia Treaty Organization. ProQuest. 258 p.
18. Jian C. 1994. China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation. New York. Columbia University Press. 339 p.
19. Castle T. 1993. At War in the Shadow of Vietnam: US Military Aid to the Royal Lao Government, 1955–1975. New York. Columbia University Press. 210 p.
20. MAJ Pek Wee Kian. 2016. The Five Power Defence Arrangements: A Contemporary Assessment. *Pointer; Journal of the Singapore armed forces*. Issue 42. № 4. Pp. 1–10.
21. Stevens D. 2001. The Australian Centenary History of Defence: Vol. 3: The Royal Australian Navy. Canberra. Oxford University Press. 352 p.
22. Clark I. 1994. Nuclear Diplomacy and the Special Relationship: Britain's Deterrent and America, 1957-1962 (Nuclear History Program, 2). Oxford. Clarendon Press. 480 p.
23. Леонова О.Г. Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе. *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 3. с. 194–211. DOI:10.17323/19967845-2022-03-08
Leonova O. 2022. The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region. *International Organisations Research Journal*. Issue XVII. № 3. Pp. 194–211. (In Russ.). DOI:10.17323/1996-7845-2022-03-08
24. Blaxland J., Fielding M., Gellerf T. 2020. Niche Wars: Australia in Afghanistan and Iraq 2001–2014. Canberra. ANU Press. 410 p.
25. 李婷婷. 构建亚太"核心轴": 美韩同盟的安全合作转型[J]. 国际政治研究. (Li Tingting. Constructing the Asia-Pacific "Core Axis": The Transformation of Security Cooperation in the US-South Korea Alliance. *International Politics Research*). 2022. Issue 43(2). Pp. 33–57. (In Chin.)
26. Shambaugh D. 2005. China Engages Asia: Reshaping the Regional Order. *International Security*. Issue 29(3). Pp. 64–99.
27. McGregor R. 2018. Asia's Reckoning: China, Japan, and the Fate of U.S. Power in the Pacific Century. London. Penguin Books. 416 p.
28. 吴昊, 张景全. 霸权护持视角下美国"印太同盟体系"的建构动因与战略举措[J]. 印度洋经济体研究. (Wu Hao, Zhang Jingquan. The Construction Motives and Strategic Measures of the U.S. "Indo-Pacific Alliance System" from the Perspective of Hegemony Protection. *Research on Indian Ocean Economies*). 2022. Issue 6. Pp. 84–100. (In Chin.). DOI:10.16717/j.cnki.53-1227/f.2022.06.005
29. 韦宗友. 美国在印太地区的战略调整及其地缘战略影响[J]. 世界经济与政治. (Wei Zongyou. The Strategic Adjustment of the United States in the Indo-Pacific Region and Its Geostrategic Impact. *World Economy and Politics*). 2013. Issue 10. Pp. 140–155. (In Chin.)
30. 滕建群. 论大国竞争背景下美国对华海上博弈[J]. 太平洋学报. (Teng Jianqun. On the United States' maritime game against China under the background of great power competition. *Pacific Journal*). 2022. Issue 30(1). Pp. 92–100. (In Chin.). DOI:10.14015/j.cnki.1004-8049.2022.01.008

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чернева Татьяна Сергеевна, аспирантка, факультет Международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Tatyana S. Cherneva, Post-graduate Student, School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 01.06.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 19.08.2023

DOI: 10.31857/S032150750027596-7

Индия на пути к независимости

© Зарипова Л.Р.^а, 2023

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8272-1754; zlr-zlr@mail.ru

Рецензия на книгу: **Кашин В.П. Индия: независимость, раздел и диалог с Россией** (М., Издательство ИКАР, 2022). 196 с., ил. ISBN 978-5-7974-0750-8

Ключевые слова: Кашин В.П., раздел Британской Индии, раздел Пенджаба, раздел Ассам, российско-индийские отношения

Для цитирования: Зарипова Л.Р. Индия на пути к независимости. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 78–81. DOI: 10.31857/S032150750027596-7

India on the Way to Independence

© Liliya R. Zaripova^а, 2023

^а Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8272-1754; zlr-zlr@mail.ru

Review of the book: **Kashin V.P. India: Independence, Partition and Dialogue with Russia**. (Moscow, 2022). 196 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7974-0750-8

Keywords: Kashin V.P., Partition of British India, partition of Punjab, partition of Assam, Russian-Indian relations

For citation: Zaripova L.R. India on the Way to Independence. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 78–81. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027596-7

В 2022 г. Республика Индия отметила 75-летие обретения независимости. Для России этот год также знаменателен – 75 лет назад были установлены дипломатические отношения между Индией и СССР. Примечательно, что это произошло еще в апреле 1947 г., т.е. за 4 месяца до официального провозглашения политической независимости Индии.

Монография к.и.н. **В.П.Кашина**, ведущего научного сотрудника ИВ РАН, «**Индия: независимость, раздел и диалог с Россией**» своевременна и злободневна. В ней рассмотрены три взаимосвязанные темы – достижение Индией независимости, раздел Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан и установление дипломатических отношений между СССР и Индией.

Этот период был одной из центральных тем новейшей истории Южной Азии, ведь именно решения и события 1946–1947 гг. во многом определили и сформировали её современный политический облик. В этой области на сегодняшний день еще остается много белых пятен и проблемных вопросов, требующих тщательного изучения. Зарубежная литература, преимущественно англоязычная, многообразна и пестра в оценках. Среди отечественных исследователей схожую по тематике и хронологическому охвату работу подготовила в 2012 г. Л.А.Черешнева, д.и.н., профессор Липецкого государственного педагогического университет им. П.П.Семенова-Тян-Шанского¹.

¹ Черешнева Л.А. Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии в 1947 г. М., 2012.

Несмотря на обилие литературы и высокую степень разработанности темы за рубежом, монография В.П.Кашина представляет оригинальное исследование, где дан глубокий анализ событий и введены в научный оборот новые данные.

Глава 1 «Независимость Британской Индии и ее раздел» состоит из 6 параграфов, в которых в хронологической последовательности рассмотрены и подробно проанализированы судьбоносные решения 1946–1947 гг., приведшие к разделу Британской Индии. Выводы автора аргументированы и принципиальных возражений не вызывают.

Параграф 1.1. «Индия: независимость в полночь» выглядит обзорным или вступительным, предвещающим дальнейший анализ. Автор характеризует кризис, возникший накануне раздела Британской Индии, и позицию колониальной администрации, которая пыталась не допустить социального взрыва и в то же время лавировала между усиливающимися местными политическими элитами. Отдельное внимание уделено личностным характеристикам двух последних вице-королей, Арчибалда Уэйвелла и Луиса Маунтбэттена, и их роли в подготовке раздела.

В *параграфе 1.2.* ««Миссия кабинета» и позиция ведущих индийских партий» речь идет о переговорах британского правительства с руководителями Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги. Автор пишет (с. 22), что «в связи с обнародованием прежде закрытых документов колониальной администрации появилась возможность для более глубокого анализа политических аспектов миссии кабинета». Из списка литературы в конце параграфа (с. 44–45) непонятно, о каких именно документах идет речь. Определяя цели «миссии кабинета», В.П.Кашин указывает, что британское правительство действовало, прежде всего, в своих интересах, заключающихся в сохранении ведущей роли при определении ориентации будущих независимых государств Южной Азии.

Как отмечает Л.А.Черешнева, такая оценка стоит особняком в современной отечественной историографии. В своей монографии она приходит к противоположному выводу, что истинные цели лейбористского правительства соответствовали заявленным. Официальный Лондон понимал, что удержать Индию ему не удастся, поэтому готовил конституционно-правовую основу для передачи власти².

Несомненным достоинством этого *параграфа* является то, что В.П.Кашин исследует работу «миссии кабинета» не изолированно, а в контексте социально-экономических и политических процессов на Индостане, показывает расстановку сил и позицию разных партий, акцентируя внимание на противоречиях, помешавших прийти к компромиссу в 1946 г. Автор делает однозначный вывод, что «миссия кабинета» провалилась.

Параграф 1.3. «Великая калькуттская резня» относительно небольшой по объему, но написан на основе большого объема источников и литературы. Межобщинные конфликты, разгоревшиеся со страшной силой после раздела Британской Индии, вызывают справедливый интерес у нескольких поколений историков из-за их масштаба и трагического влияния на судьбы миллионов людей. В связи с этим проблема межобщинных столкновений в колониальной Индии традиционно остается на периферии исторических исследований (с. 46). По мнению В.П.Кашина, события августа 1946 г. в Калькутте не произошли стихийно, а были тщательно спланированы и подготовлены определенными политическими силами, а главное – оказали существенное влияние на позицию ведущих индийских партий по вопросу раздела.

В *параграфе 1.4.* «Раздел Пенджаба» рассмотрены и проанализированы мероприятия по проведению границы между Индийским Союзом и Пакистаном на северо-западе. Особенностью раздела этой области стало то, что, помимо индусов и мусульман, в конфликтную ситуацию были вовлечены сикхи. Опираясь на многочисленные документы, автор убедительно доказывает, что при определении границы для комиссии Рэдклиффа зачастую решающим фактором выступал не учет интересов того или иного религиозного большинства, а наличие объектов инфраструктуры, промышленных предприятий и т.п., что в конечном счете должно было определить расстановку сил в регионе, а не предотвратить трагедию и массовые миграции населения. Эти выводы дополнительно подтверждают точку зрения, высказанную в *параграфе 2*, об истинных целях «миссии кабинета» и британского правительства в целом.

14 августа 1947 г. Маунтбэттен присутствовал на церемонии провозглашения независимости Пакистана в Карачи, 15 августа праздничные мероприятия прошли в Индии, а решение о границах вновь образованных государств было передано их лидерам только 16 августа. По сути, Маунтбэттен попытался

² Там же, с. 86.

уйти от ответственности за новые беспорядки и возложил эти заботы на правительства Индии и Пакистана.

В *параграфе 1.5*. «Раздел Ассама» исследован сюжет, малоизвестный не только в отечественной, но и в зарубежной науке. Летом 1947 г. работали две демаркационные комиссии: по разделу Панджаба и Бенгалии, комиссии по разделу Ассама создано не было, поэтому долгое время считалось, что к Восточной Бенгалии был присоединен только округ Силхет.

В.П.Кашин вводит в научный оборот новые данные и показывает, что ситуация была гораздо сложнее. Чтобы разобраться в этнорелигиозных противоречиях, автору приходится обратиться к истории формирования провинции Ассам и начать повествование с событий XVIII в., когда в регионе появились первые военные контингенты Ост-Индской компании. Главная отрасль хозяйства Ассама – выращивание чая, колониальные власти прикладывали большие усилия для её развития, в 1874 г. к новообразованной провинции Ассам был присоединен бенгальский дистрикт Силхет.

С точки зрения колониальной администрации, эта мера была оправдана, т.к. способствовала улучшению экономической ситуации провинции: появился источник трудовых мигрантов для постоянно расширяющихся чайных плантаций. Таким образом, ассамцы изначально воспринимали Силхет как нечто чужеродное, поэтому его присоединение к Восточному Пакистану в 1947 г. прошло относительно безболезненно. Однако демаркационная комиссия по разделу Бенгалии, в чьей компетенции оказался и раздел Ассама, всё-таки учла результаты референдума и данные по религиозному составу дистрикта, поэтому часть *тхана*³ Силхет вошла в Восточный Пакистан, а часть была присоединена к Индии. Как и в Панджабе, в конечном счете решающее влияние на проведение границы оказало наличие объектов инфраструктуры, а не религиозный состав тхана.

Параграф 1.6. «Трудной дорогой беженца» подводит логический итог главы и повествует о последствиях раздела Британской Индии, вызвавшего беспрецедентные миграции мирного населения. Из всей монографии именно эта часть написана образным языком с использованием художественных приемов, как правило, не свойственных научному тексту. Однако такое стилистическое решение кажется оправданным, т.к. речь идет об огромной трагедии XX в. В.П.Кашин приводит разные мнения о количестве беженцев и возможных способах их подсчета. Дается описание «поездов смерти» и пеших колонн беженцев, отдельно говорится о проблеме похищенных и насильно выданных замуж молодых женщин. Заканчивается параграф рассказом истории Зайнаб и Бута Сингха «Туфельки с позолоченными пряжками». Именно она легла в основу доклада «Свобода в полночь и её цена», с которым В.П.Кашин в присутствии временного поверенного посла Индии в РФ Дж.Уики выступил на открытии научной конференции «Индия: от британской колонии к глобальной державе», организованной Центром индийских исследований ИВ РАН и состоявшейся 25–26 мая 2022 г.

Существенный недостаток **главы 1**, на наш взгляд, – это отсутствие параграфа о разделе Бенгалии, что оставляет белое пятно в общем повествовании. Первая попытка раздела провинции была предпринята колониальной администрацией еще в 1905 г. и закончилась неудачно, поэтому перед комиссией Рэдклиффа в 1947 г. стояла сложная задача, решить которую требовалось в кратчайшие сроки. Считается, что интересы Мусульманской лиги были ущемлены на западе, поэтому на востоке она получила территориальные компенсации.

Глава 2 «Индия и диалог с Россией» посвящена видным индийским деятелям, их отношению к России и связям с ней. В *первых параграфах* даны краткие биографические справки и отрывки из воспоминаний Рабиндраната Тагора, Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру. Посетить СССР довелось Тагору и Неру, поэтому их воспоминания богаты личными впечатлениями от увиденного. Ганди никогда не был в России, но имел счастье состоять в переписке с Л.Н.Толстым, чьи взгляды оказали решающее влияние на формирование его мировоззрения. Эти *параграфы* изобилуют цитатами и, с одной стороны, текст кажется перегруженным ими, а с другой – такой подход избавляет автора от необходимости интерпретировать сказанное и дает возможность читателю разобраться самостоятельно. Однако при таком цитировании существует опасность оторванности от общего контекста и искажения первоначального смысла.

³ Тхан – мелкая административная единица, занимающая территорию, подконтрольную полицейскому участку (*прим. авт.*).

Журнал «Азия и Африка сегодня» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям:

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки),

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

Журнал входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и международную базу данных EBSCO Publishing.

«Азия и Африка сегодня» распространяется по подписке (индекс объединенного каталога «Пресса России» 38795).

Приобрести журнал можно по адресу: <https://press.gaugn.ru>

Ознакомиться: ras.jes.su/asaf-today; www.asaf-today.ru

Подать заявку на публикацию: asaf-today@mail.ru

Журналы РАН, размещенные на платформе RAS.JES.SU

Азия и Африка сегодня	Общество и экономика
Вестник древней истории	Проблемы Дальнего Востока
Вопросы истории естествознания и техники	Психологический журнал
Вопросы языкознания	Русская литература
Государство и право	Русская речь
Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка	Славяноведение
Латинская Америка	Социологические исследования
Новая и новейшая история	Человек
	Экономика и математические методы